

**Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /**

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

XIV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

В

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XIV

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

Часть I

81—116 тысяча.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ПЕТРОГРАД

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ

Первый этап первой революции.

(Письмо издалена) ¹⁾.

Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней.

Первый этап этой первой революции, именно *русской* революции 1 марта 1917 года, судя по скудным данным, имеющимся в распоряжении пишущего эти строки в Швейцарии, закончился. Этот первый этап, наверное, не будет последним этапом нашей революции.

Как могло случиться такое «чудо», что всего в 8 дней — срок, указанный г. Милюковым ²⁾ в его хвастливой телеграмме всем представителям России за границей—развалилась монархия, державшаяся веками и в течение трех лет величайших, всенародных классовых битв 1905—1907 годов удерживавшаяся несмотря ни на что?

Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, в том числе всякая революция, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом.

Для того, чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности. Укажем главные из них.

Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального* этапа и несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко вскрыла ночву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг-другу—и всему миру— все классы (и все главные партии) русского общества в их

действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914 гг.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых, — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, — этих «первых среди равных» помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности».

Без революции 1905—1907 годов, без контр-революции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг-друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия.

Но если первая, великая революция 1905 года, осужденная, как «великий мятеж», господами Гучковыми и Милюковыми с их прихвостнями, через 12 лет привела к «блестящей» «славной революции» 1917 года, которую Гучковы ³⁾ и Милюковы объявляют «славной», ибо она (*пока*) дала им власть, — то необходимым был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории, нужны были особенно крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью Романовской монархии могла опрокинуться *сразу*.

Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистская война.

Теперь уже бесспорно, что она — всемирная, ибо С. Штаты и Китай ⁴⁾ наполовину втянуты уже в нее сегодня, будут вполне втянуты завтра.

Теперь уже бесспорно, что она империалистская с *обеих* сторон. Только капиталисты и их прихвостни, социал-патриоты и социал-шовинисты,—могут отрицать или затушевывать этот факт. Войну ведет и германская, и англо-французская буржуазия из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя путем одурачения и разъединения рабочих разных стран.

Империалистская война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами.

Это *превращение* начато февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во 1-х, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и *Советом Рабочих и Солдатских Депутатов*, с другой.

Эти три политических лагеря, три основные политические силы: 1) царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета; 2) буржуазная и помещичья октябристско-кадетская Россия, за которой плелась мелкая буржуазия; 3) Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ищущий себе союзников во всем пролетариате и во всей массе беднейшего населения,—эти три *основные* политические силы с полнейшей ясностью обнаружили себя даже в 8 дней «первого этапа», даже для такого отдаленного от событий, вынужденного ограничиться скудными телеграммами заграничных газет, наблюдателя, как пишущий эти строки.

Но прежде, чем подробнее говорить об этом, я должен вернуться к той части своего письма, которая посвящена фактору первой силы,—всемирной империалистской войне.

Война связала воюющие державы, воюющие группы капиталистов, «хозяев» капиталистического строя, рабовладельцев капиталистического рабства, *железными цепями* друг с другом. *Один кровавый комок*—вот что такое общественно-политическая жизнь перживаемого нами исторического момента.

Социалисты, перешедшие на сторону буржуазии в начале войны, все эти Давиды и Шейдеманы ⁵⁾ в Германии, Плехановы, Потресовы, Гвоздевы ⁶⁾ и К⁰ в России, кричали долго и во все горло против «иллюзий» революционеров, против «иллюзий» Базельского

манифеста 7), против «грезифарса» превращения империалистской войны в гражданскую. Они воспевали на все лады обнаруженную будто бы капитализмом силу, живучесть, приспособляемость, — *они*, помогавшие капиталистам «приспособлять», приручать, одурачивать, разъединять рабочие классы разных стран!

Но «хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним». Не надолго удалось буржуазии оттянуть революционный кризис, порожденный войной. Он растет с неудержимой силой во всех странах, начиная от Германии, которая переживает, по выражению одного посетившего ее недавно наблюдателя, «гениально организованный голод», кончая Англией и Францией, где *голод* надвигается *тоже* и где организация гораздо менее «гениальна».

Естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого» года), — революционный кризис разразился *раньше всего*. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые нанесены были России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелко-буржуазным.

Но если поражения в войне сыграли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканьем их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (но будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно стремились к *смещению* Николая Романова.

Не будем делать себе иллюзий.

Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд—«радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны*, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это—с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*.

Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гиусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкэнена⁸⁾, Гучкова, Милюкова и К⁰, желавших только смены одного монарха *другим*.

Так и только так было дело. Так и только так может смотреть политик, не боящийся правды, трезво взвешивающий соотношение общественных сил в революции, оценивающий всякий «текущий момент» не только с точки зрения всей его данной, сегодняшней, оригинальности, но и с точки зрения более глубоких пружин, более глубокого соотношения интересов пролетариата и буржуазии как в России, так и во всем мире.

Петерские рабочие и солдаты, как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за *мир* против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму.

Это правительство не случайное собрание лиц.

Это—представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и бур.

жуазин, который давно *правит* нашей страной экономически и который как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контр-революции 1907—1914 годов, как, наконец,—и притом с особенной быстротой— за время войны 1914—1917 годов чрезвычайно быстро организовывался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии. Империалистская война, требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле *как будто бы* сразу) *догнали* Италию, Англию, почти Францию, получили «коалиционное» «национальное» (т.-е. приспособленное для ведения империалистской бойни и для надувания народа) «парламентское» правительство.

Рядом с этим правительством,—в сущности, простым приказчиком миллиардных «фирм»: Англии и Франции, с точки зрения *данной* войны,—возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это—*Совет Рабочих и Солдатских Депутатов* в Питере ⁹⁾.

Таково *действительное* политическое положение, которое мы прежде всего должны стараться установить с наибольшей возможной объективной точностью, чтобы основать марксистскую тактику на единственно прочном фундаменте, на котором она должна основываться, на фундаменте *фактов*.

Царская монархия—разбита, но еще не добита.

Октябристско-кадетское, буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистскую войну, на деле приказчик финансовой фирмы «Англия и Франция», *вынужденное обещать* народу *максимум* свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистскую бойню.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех *беднейших* масс населения, т.-е. ⁹⁾/₁₀ населения, добывающий *мира, хлеба, свободы*.

Борьба этих трех сил определяет положение, создавшееся теперь и являющееся *переходным* от первого ко второму этапу революции.

Для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в

посулах краснобаев либерализма, *не* рабочие должны поддержать новое правительство, а это правительство должно «поддержать» рабочих! Ибо единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Все остальное фразы и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря.

Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу—и свобода в России будет непобедима, монархия невозможна, республика обеспечена.

Иначе народ будет обманут. Обещания дешевы. Обещания ничего не стоят. Обещаниями «кормили» народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во *всех* буржуазных революциях.

Наша революция буржуазная,—*поэтому* рабочие должны поддерживать буржуазию,—говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов ¹⁰⁾.

Наша революция буржуазная—говорим мы, марксисты,—*поэтому* рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на *свои* силы, на *свою* организацию, на *свое* объединение, на *свое* вооружение.

Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Миллюковых, *не может*—даже если бы они искренно хотели этого—дать ни *мира*, ни *хлеба*, ни *свободы*.

Мира—потому, что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистской бойни, правительство *захвата*, пока еще не отказавшееся ни *звуком* от царистской политики захвата Армении, Галиции, Турции, отнятия Константинополя, нового завоевания Польши, Курляндии, Литовского края и т. д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть лишь отделение всемирной «фирмы», ворочающей *сотнями миллиардов* рублей и носящей название: «Англия и Франция».

Хлеба—потому, что это правительство буржуазное. В *лучшем* случае оно даст народу, как дала Германия, «гениально организованный голод». Но народ не будет терпеть голода. Народ узнает и, вероятно, скоро узнает, что хлеб есть и может быть получен, но не иначе как путем мер, *не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения*.

Свободы—потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, *боящееся* народа.

О тактических задачах нашего ближайшего поведения по отношению к этому правительству мы поговорим в другой статье. Там мы покажем, в чем своеобразие текущего момента, *перехода* от первого ко второму этапу революции, почему лозунгом, «задачей дня» в *этот* момент должно быть: *рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции.* Ограничиваясь *теперь* анализом классовой борьбы и соотношения классовых сил на данном этапе революции, мы должны еще поставить вопрос: каковы *союзники* пролетариата в *данной* революции?

У него *два* союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России. Этой массе *необходим* мир, хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии, и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Жестокие уроки войны, которые будут *тем более* жестокими, чем энергичнее поведут войну Гучков, Львов, Милюков и К^о, неизбежно будут толкать эту массу к пролетариату, вынуждать ее идти за ним. Эту массу мы должны теперь, пользуясь свободой нового порядка и Советами Рабочих и Солдатских Депутатов, стараться *просветить* и *организовать* прежде всего и больше всего. Советы крестьянских депутатов, советы сельско-хозяйственных рабочих—вот одна из насущнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельско-хозяйственные рабочие выделяли свои особые советы, но и чтобы нищие и беднейшие крестьяне организовались *отдельно* от зажиточных крестьян. Об особых задачах и особых формах насущно-необходимой теперь организации в следующем письме.

Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат *всех* воюющих и *всех* вообще стран. Он в значительной степени при давлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие и в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистской войны, а русская революция *неизбежно* ускорит этот процесс в громадных размерах.

С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, *используя особенности* теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к *социализму*, который один даст измученным войной народам *мир, хлеб и свободу*.

«Правда» №№ 14 и 15,
21 и 22 марта 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.

Как мы доехали.

(Сообщение, сделанное Исполнит. Комитету тт. Лениным и Зиновьевым по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии).

В социалистическую печать уже проникли известия, что английское и французское правительства отказались пропустить в Россию эмигрантов-интернационалистов.

Приехавшие сюда 32 эмигранта разных партий (среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника парижской интернациональной газеты «Наше Слово») считают своим долгом огласить следующее:

«В наших руках имеется ряд документов, которые мы огласим, как только получим их из Стокгольма (мы оставили их потому, что на шведско-русской границе хозяйничают представители английского правительства), и которые обрисуют пред всеми печальную рознь названных «союзных» правительств в данном вопросе. По этому пункту прибавим только следующее: Цюрихский Комитет по эвакуации эмигрантов, в который входят представители 23 групп (в том числе Ц. К., О.К., С.-Р., Бунд и т. д.) ¹¹⁾, в единогласно принятой резолюции публично констатировал тот факт, что английское правительство решило отнять у эмигрантов-интернационалистов возможность вернуться на родину и принять участие в деятельности против империалистской войны.

Уже с первых дней революции для эмигрантов выяснилось это намерение английского правительства. Тогда на совещании представителей партии С.-Р. (М. А. Натансон) ¹²⁾, Ц.К.Р. С.-Д. Р. П. (Л. Мартов) ¹³⁾, Бунд (Коссовский) ¹⁴⁾ возник план (его выдвинул Л. Мартов) добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных.

В Россию был послан ряд телеграмм в этом смысле и вместе с тем через швейцарских социалистов были предприняты шаги для проведения этого плана.

Телеграммы, посланные в Россию, были задержаны, очевидно, нашим Временным «революционным Правительством» (или его сторонниками).

Прождав две недели ответа от России, мы решились сами провести названный план (другие эмигранты решили пока ждать еще, считая еще недоказанным, что Временное Правительство так и не примет мер пропуска всех эмигрантов).

Дело находилось в руках швейцарского социалиста-интернационалиста Фрица Платтена ¹⁵⁾. Он заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Текст условий мы публикуем. Главные его пункты: 1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля, ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Все попытки германского с.-д. большинства вступить в общение с едущими последние решительно отклонили. Вагон всю дорогу сопровождался Платтеном. Последний решил доехать с нами до Петрограда, но был задержан на русской границе (Торисе). Будем надеяться—только временно. Все переговоры велись при участии и в полной солидарности с рядом иностранных социалистов-интернационалистов. Протокол о поездке подписан двумя французскими социалистами: Лорие ¹⁶⁾ и Гильбо ¹⁷⁾ и социалистом из группы Либкнехта ¹⁸⁾ (Хартштейн), швейцарским социалистом Платтеном, польским соц.-демократом Бронским, шведскими с.-д. депутатами Линдхагеном, Карлссоном, Штремом, Туре Нерманом и другими *).

«Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюков выпустил бы его в Германию; Бетман-Гольвеги ¹⁹⁾ выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело—ехать в Россию и бороться там и с германским и с русским империализмом». Так сказали нам названные товарищи-интернационалисты. Мы думаем, что они были правы. Доклад о поездке мы сделаем Исполнительно-

---

*) Приводим протокол в переводе, помещенном в «Правде»

«Нижесignedавшиеся ознакомились с тем, какие прения правительства. Соглашения ставят отъезду русских интернационалистов на родину. Они ознакомились с тем, на каких условиях германское правительство согласилось пропустить товарищей через Германию в Швецию.

му Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Мы надеемся, что он добьется освобождения соответствующего числа интернированных, в первую очередь видного австрийского социалиста Отто Бауера ²⁰⁾, и что он добьется пропуска в Россию всех эмигрантов, а не только социал-патриотов. Мы надеемся, что Исполнительный Комитет положит конец и тому неслыханному положению вещей, когда никакие газеты левее «Речи» не пропускаются и когда даже манифест Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к рабочим всех стран не пропускается в заграничную печать.

«Правда» № 23,
4 апреля 1917 г.

Не сомневаясь в том, что германское правительство спекулирует на одностороннее усиление антивоенных тенденций в России, мы заявляем:

Русские интернационалисты, которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против империализма вообще и германского империализма в особенности, отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств. Пример героической борьбы русского пролетариата послужит лучшим поощрением для пролетариев других стран. Поэтому мы, нижеподписавшиеся, интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии (и Швеции. *Ред.*), считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им представляется.

Мы желаем им лучших успехов в их борьбе против империалистской политики русской буржуазии, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социальную революцию.

Берн, 7 апреля 1917 г.

Павел Хартштейн (Германия),

Анри Гильбо (Франция).

Ф. Лорю (Франция).

Броиский (Польша).

Ф. Платтен (Швейцария).

Линдхаген (городской голова Стокгольма).

Штрём (депутат шведского парламента).

Туре Нерман (редактор центр. орг. шведск. соц. «Politiken»).

Чильбум (редактор «Stormklockan»).

Гаусен (Норвегия).

(Примечание автора к настоящему изданию). Первые четыре товарища проводжали нас в Берне. Псевдонимом Хартштейна назвался товарищ Павел Леви, после революции в Германии ставший сотрудником «Красного Знамени», газеты спартаковцев. Последние пять товарищей проводжали нас в Стокгольме.

Д в а м и р а.

Газеты капиталистов, вроде «Речи» и «Нового Времени», напечатали статьи против нашего проезда через Германию с темными намеками на счет того, не помогают ли приехавшие германским империалистам *).

Газета «Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» печатает *полностью* доклад, напечатанный вчера в газете «Правда» **) и представленный в *первый же* день после приезда Исп. Комитету Совета Р. и С. Депутатов; кроме доклада «Известия» печатают еще постановление Исп. Комитета. Это постановление редакция «Известий Совета Р. и С. Депутатов» передает так:

«Исп. Комитет, заслушав доклад тов. Зурабова и Зиновьева, постановил немедленно обратиться к Временному Правительству и принять меры к немедленному пропуску всех эмигрантов в Россию, независимо от их политических взглядов и отношения к войне. О результатах переговоров с Правительством мы сообщим в ближайшие дни.

Рсд.».

Вот вам маленькая—очень маленькая, но очень характерная—картинка двух миров. Мир капиталистов, «Речи», «Русск. Воли», «Нов. Времени», грязные намеки, подлые инсинуации против социалистов—мир революционной демократии, рабочих и солдатских депутатов, который в спокойной, выдержанной, достойной форме постановил *«принять меры»*. Меры к чему? К тому, чего не исполнило Вр. Правительство!

Разве это не равняется выносу порицания Временному Правительству?

И разве это не заслуженное порицание?

Заметьте, что Исп. Комитет принял свою резолюцию, зная о *политических* разногласиях большевиков с ним. Для капиталистов это был бы повод к инсинуациям. Человеческое достоинство,—этого в мире капиталистов искать нечего.

«Правда» № 25,
6 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

---

*) Знаменитая—печально знаменитая—«Русская Воля» в своей статье против нас дает «материалец» вполне в духе «Речи». Не устыдится ли г.г. Милоковы и К^о такого соседства?

**) Решится ли ее напечатать «Речь»?

О задачах пролетариата в данной революции ²¹⁾.

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, — и *добросовестным* оппонентам, — было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков, и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе:

Т е з и с ы.

«1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова ²²⁾ и К^о безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

«На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

«Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром *нельзя* без свержения капитала.

«Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

«Братанье.

«2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

«Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

«Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

«3. Никакой поддержки Временному Правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

«4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком* всех мелко-буржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от Н.-С., С.-Р. до О. К. (Чхеидзе ²³), Церетели ²⁴) и пр.), Стеклова ^{24а}) и пр. и пр.

«Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок и тактики.

«Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

«5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху.

«Устранение полиции, армии, чиновничества »)

«Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

«6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. Батр. Депутатов.

«Конфискация всех помещичьих земель.

«Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. Батр. и Крест. Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300, по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батр. Депутатов и на общественный счет.

«7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

«8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

«9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны» **),

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии ***)

«10. Обновление Интернационала.

«Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» ****)».

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение го-

---

*) Т.-с. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

**) Т.-с. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

**) Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо называться *Коммунистической Партией*.

****) «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (=«оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К^о в Германии, Лонгэ и К^о во Франции, Чхеидзе и К^о в России, Турати и К^о в Италии, Макдональд и К^о в Англии и т. д.

сподина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Неправда ли перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разяснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Волн»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разяснение* ошибок их тактики»...

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде револ. демократии»!!

Я нападал на Вр. Правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. Собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что *без* Советов Р. и С. Деп. созыв Учр. Собр. не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. Собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разяснить, вспомнить, *как* рассуждали

Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 г.г. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 авг. 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А г. г. Плехановы, Гольденберги и К^о «обижаются»... за кого?—за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

«Правда» № 26,
7 апреля 1917 г.,
за подписью Н. Лении.

Луиблановщина.

Французский социалист Луи Блан ²⁵⁾ в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелко-буржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия *может* помочь рабочим в деле «организации труда» — этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления.

Луиблановщина одержала теперь полную победу в «социал-демократии» правого фланга, партии О. К., в России. Чхеидзе, Церетели, Стеклов и мн. др., ныне являющиеся вождями Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, бывшие также вождями Всероссийского совещания Советов, закончившегося на-днях, заняли именно позицию Луи Блана.

Во всех главных вопросах современной политической жизни эти вожди, стоящие на точке зрения приблизительно международного течения «центра», Каутского, Лонгэ, Турати и мн. др., оказались именно на мелко-буржуазной позиции Луи Блана. Возьмите вопрос о войне.

Пролетарская точка зрения состоит в отчетливой *классовой* характеристике войны и в непримиримой враждебности к империалистской войне, т.-е. к войне *между* группами капиталистических (все равно, монархических или республиканских) стран из-за дележа капиталистической добычи.

Мелко-буржуазная точка зрения отличается от буржуазной (прямое оправдание войны, прямая «защита отечества», т.-е. защита «интересов» *своих* капиталистов, защита их «прав» на аннексии)—тем, что мелкий буржуа «отрекается» от аннексий, «осуждает» империализм, «требует» от буржуазии, чтобы она перестала быть империалистской, оставаясь в рамках всемирных империалистских связей и капиталистического хозяйственного строя. Ограничиваясь этой добренькой, безвредной, пустой декламацией, мелкий буржуа *на деле* только беспомощно плетется *за* буржуазией, «сочувствуя» кое в чем пролетариату на словах, оставаясь в зависимости от буржуазии на деле, не умея или не желая понять пути, ведущего к свержению капиталистического ига, единственно способного избавить человечество от империализма.

«Потребовать» от буржуазных правительств, чтобы они сделали *«торжественную декларацию»* в духе отрицания аннексий,— это является для мелкого буржуа верхом смелости и образцом анти-империалистской, «циммервальдистской» последовательности. Нетрудно видеть, что это — луиблановщина худшего типа. Во-первых, сколько-нибудь опытный буржуазный политикан никогда не затруднится наговорить сколько угодно «блестящих», эффектных, звонких, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих фраз против аннексий «вообще». А коснется до *дела*, — можно сфокусничать хотя бы так, как сфокусничала на-днях «Речь»²⁶), имевшая печальное мужество заявить, что Курляндия (аннексированная ныне хищниками-империалистами буржуазной Германии) *не* есть аннексия России!!

Это—самое возмутительное фокусничество, самый нетерпимый обман рабочих буржуазией, ибо всякий, сколько-нибудь политически грамотный, человек должен будет признать, что Курляндия *была всегда аннексией* России.

Мы делаем открытый и прямой вызов «Речи»: 1) пусть она представит народу такое политическое определение понятия «аннексии», которое относилось бы ко *всем* аннексиям в мире, и немецким, и английским, и русским, и прошлым и настоящим, ко всем без исключения; 2) пусть она ясно и точно скажет, что это значит, по ее мнению, *отказаться от аннексий* не на словах, а на деле. Пусть она даст такое политическое определение понятия «отказ от аннексий на деле», которое (определение) относилось бы не только к немцам, но и к англичанам и ко всем народам, когда-либо совершавшим аннексии вообще.

Мы утверждаем, что «Речь» либо уклонится от нашего вызова, либо перед всем народом будет разоблачена нами. Именно ввиду затронутого «Речью» вопроса о Курляндии наш спор — не теоретический, а практический, самый неотложный, самый насущный, самый злободневный.

Во-вторых. Допустите даже, хотя бы на секунду, что буржуазные министры — идеал добросовестности, что Гучковы, Львовы, Милюковы и К^о самым искренним образом *верят* в возможность отказать от аннексий, сохраняя капитализм, и *хотят* отказаться от них.

Допустим на секунду даже это, сделаем это лублановское допущение.

Спрашивается, может ли взрослый человек удовлетворяться тем, что люди о себе *думают*, не проверяя этого тем, что они *делают*? Может ли марксист не отличать пожеланий и заявлений от объективной действительности?

Нет. Не может.

Аннексии держатся связями финансового, банкового, империалистского капитала. В *этом* современная, хозяйственная основа аннексий. Аннексия есть, с этой стороны, гарантированная политически *прибыль* с миллиардов капитала, «помещенного» в тысячах и тысячах предприятий аннексированных стран.

Нельзя, даже при желании, отказаться от аннексий, *не делая* решительных шагов к свержению ига капитала.

Значит ли это, как готовы заключать и заключают «Единство» ²⁷⁾, «Раб. Газета» ²⁸⁾ и прочие «Луи Блань» нашей мелкой буржуазии, что надо *не* делать решительных шагов к свержению капитала? что надо мириться хоть с частичкой аннексий?

Нет. *Надо* делать решительные шаги к свержению капитала. Их надо делать умело и постепенно, опираясь *только* на сознательность и организованность подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян. Но эти шаги надо делать. И Советы Р. Депутатов в ряде мест России *уже* начали их делать.

На очереди дня — решительная, бесповоротная размежевка с Луи Бланами — Чхеидзе, Церетели, Стекловыми, партией О. К., партией с.-р. и т. п. и т. п. Разъяснение массам, что лублановщина губит и загубит успех дальнейшей революции, успех даже свобод, если массы не поймут вреда этих мелко-буржуазных иллюзий и не присоединятся к сознательным рабочим в их осторожных, постепенных, обдуманных, но твердых и немедленных шагах к социализму.

Вне социализма *нет* спасения человечеству от войн, от голода, от гибели еще миллионов и миллионов людей.

«Правда» № 27,
8 апреля 1917 г.,
за подписью Н. Ленина.

О двоевластии.

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное свособразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя идти вперед. Старые «формулы», напр., большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление *оказалось* иное. О двоевластии *никто* раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным Правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее, *другое правительство*: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть — власть *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года ²⁹⁾. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений прямым вооружением всего на-

рода; государственной порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили г. г. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т.-е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне соц.-дем., соц.-рев. и т. под.

Отделяются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не хотят *подумать* о том, *что такое* Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, *поскольку* они — власть, постольку в России существует государство *типа* Парижской Коммуны.

Я подчеркнул: «поскольку». Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством, и рядом фактических уступок *сдала и сдает* позиции буржуазии.

Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К^о делают «ошибку»? Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина — *недостаточная сознательность* и организованность пролетариев и крестьян. «Ошибка» названных вождей — в их мелко-буржуазной позиции, в том, что они *затемняют* сознание рабочих, а не проясняют его, *внушают* мелко-буржуазные иллюзии, а не опровергают их, *укрепляют* влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния.

Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть — ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может* дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами Рабочих Депутатов и главным Советом, Питер-

ским, прежде всего; 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на *«поддержку»* буржуазии *вторым* правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты ³⁰⁾, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, шовинизма оборончества, фразы зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из *беднейших* крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо *жизнь* будет ежедневно разбивать мелко-буржуазные иллюзии «социал-демократов» Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр., «соц.-революционеров», мелких буржуа еще более «чистых», и пр. и пр.

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов Р., Б., К. и С. Деп.,—за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания, *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия—«соц.-дем.», с.-р. и пр. и пр.—колеблется, мешая этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, *классовое*, соотношение сил, определяющее наши задачи.

«Правда» № 28,
9 апреля 1917 года,
за подписью П. Ленин.

Письма о тактике.

Предисловие.

4-го апреля 1917 г. мне пришлось выступить в Питере с докладом на указанную в заглавии тему сначала на собрании большевиков. Это были делегаты Всеросс. Совецания Советов Р. и С. Деп.,

делегаты, которые должны были разъезжаться и поэтому никакой отсрочки дать мне не могли. По окончании собрания председатель его, т. Г. Зиновьев, предложил мне, от имени всего собрания, повторить мой доклад тотчас на собрании и большевистских и меньшевистских делегатов, желавших обсудить вопрос об объединении Р. С.-Д. Р. Партии.

Как ни трудно мне было повторять немедленно мой доклад, я не считал себя в праве отказаться, раз этого требовали *и мои единомышленники* и меньшевики, которые из-за отъезда действительно не могли дать мне отсрочки.

На докладе я прочел свои тезисы, опубликованные в № 26 «Правды» от 7 апреля 1917 года.

И тезисы и доклад мой вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды». После ряда совещаний мы единогласно пришли к выводу, что всего целесообразнее *открыто* продискутировать эти разногласия, давая таким образом материал для собирающейся 20 апреля 1917 года всероссийской конференции нашей партии (Росс. С.-Д. Р. Партии, объединенной Ц. К-том) в Питере.

В исполнение этого постановления о дискуссии я и печатаю нижеследующие *письма*, не претендуя в них на *всестороннее* изучение вопроса, а желая лишь наметить главные доводы, особенно существенные для *практических* задач движения рабочего класса.

П и с ь м о I.

О ц е н к а м о м е н т а .

Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия» — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса.

Какими же точно установленными объективными *фактами* должна партия революционного пролетариата руководиться теперь для определения задач и форм своего действия?

И в своем первом «Письме издаелена» («Первый этап первой революции»), напечатанном в «Правде», №№ 14 и 15, от 21 и 22 марта 1917 г., и в своих тезисах я определяю «своеобразие текущего момента в России», как полосы *перехода* от первого этапа революции ко второму. И поэтому основным лозунгом, «задачей дня» в *этот* момент я считал: «рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» («Правда» № 15).

В чем же состоит первый этап?

В переходе государственной власти к буржуазии.

До февральско-мартовской революции 1917 г. государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках *другого*, нового, класса, именно: *буржуазии*.

Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции*, как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России *закончена*.

Здесь мы слышим шум возражателей, охотно называющих себя «старыми большевиками»: разве не говорили мы всегда, что буржуазно-демократическую революцию заканчивает лишь «революционно - демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»? разве аграрная революция, тоже буржуазно-демократическая, кончилась? разве же не факт, наоборот, что она *еще не началась*?

Отвечаю: большевистские лозунги и идеи *в общем* вполне подтверждены историей, но *конкретно* дела сложились *иначе*, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, быстрее.

Игнорировать, забывать этот факт значило бы уподобляться тем «старым большевикам», которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу, вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» уже осуществилась *) в русской революции, ибо эта «формула» предвидит лишь *соотношение классов*, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество. «Совет Р. и С. Деп.»—вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»

Эта формула уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и *тем самым* видоизменила.

На очереди дня уже иная, новая задача: раскол пролетарских (анти-оборонческих, интернационалистских, «коммунистских», стоящих за переход к коммуне) элементов *внутри* этой диктатуры и элементов *мелко-хозяйских* или *мелко-буржуазных* (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, с.-р. и пр. и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства).

Кто говорит *теперь* только о «револ.-демокр. диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого *перешел* на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»).

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, но чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных видоизменений. О них я буду говорить особо, в одном из дальнейших писем. Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни.

«Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни».

Кто ставит вопрос о «законченности» буржуазной революции *по-старому*, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

По-старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

---

*) В известной форме и до известной степени.

А в живой жизни *уже* вышло *иначе*: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, *переплетение того и другого*. Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее.

Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство *не* производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно *над* народом чиновничества *нет*. Это—факт. Это именно такой факт, который характерен для государства типа Парижской Коммуны. Этот факт не укладывается в старые схемы. Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о «диктатуре пролетариата и крестьянства» *вообще*.

Подойдем к вопросу с другой стороны, чтобы лучше осветить его.

Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет *тоже* буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что *этот* слой *не может* притти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это не возможно?

Так рассуждают часто старые большевики.

Отвечаю—это вполне возможно. Но марксист в учете момента должен исходить *не* из возможного, а из действительного.

Действительность же показывает нам *факт*, что свободно избранные солдатские и крестьянские депутаты свободно входят во второе, побочное правительство, свободно дополняют, развивают, поделывают его. И столь же свободно они *отдают* власть буржуазии—явление, ничуть не «нарушающее» теории марксизма, ибо мы всегда знали и многократно указывали, что буржуазия держится *не* только насилием, а также несознательностью, рутинной, заботностью, неорганизованностью масс.

И вот перед лицом этой действительности сегодняшнего дня прямо-таки смешно отворачиваться от факта и говорить о «возможностях».

Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть. Я не только не забываю этой возможности, не ограничиваю своего кругозора одним сегодняшним днем, а прямо и точно формулирую

аграрную программу с учетом *нового* явления: более глубокого раскола батраков и беднейших крестьян с крестьянами-хозяевами.

Но возможно и иное: возможно, что крестьяне послушают советов мелко-буржуазной партии с.-р., поддавшейся влиянию буржуа, перешедшей к оборончеству, советующей ждать до Учредительного Собрания, хотя до сих пор даже срок его созыва не назначен! *)

Возможно, что крестьяне *сохранят*, продолжат свою сделку с буржуазией, сделку, заключенную ими сейчас чрез посредство Советов Р. и С. Депутатов не только формально, но и фактически.

Возможно разное. Было бы глубочайшей ошибкой забывать об аграрном движении и аграрной программе. Но такой же ошибкой было бы забывать *действительность*, которая показывает нам *факт соглашения* — или, употребляя более точное, менее юридическое, более экономически-классовое выражение — факт *классового сотрудничества* буржуазии и крестьянства.

Когда этот факт перестанет быть фактом, когда крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее, — тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо.

Марксист, который, по случаю возможности такого будущего этапа, забывает свои обязанности *теперь*, когда крестьянство *соглашается* с буржуазией, превратился бы в мелкого буржуа. Ибо он на деле проповедывал бы пролетариату *доверие* к мелкой буржуазии («она, эта мелкая буржуазия, это крестьянство должно отделиться от буржуазии еще в пределах буржуазно-демократической революции»). Он по случаю «возможности» приятного и сладкого будущего, когда крестьянство *не* будет хвостом буржуазии, с.-р-ы, Чхеидзе, Церетели, Стекловы *не* будут придатком буржуазного правительства, — он по случаю «возможности» приятного будущего забыл бы о *неприятном настоящем*, когда крестьянство пока еще остается хвостом буржуазии, когда с.-р-ы и с.-д. пока еще не выходят из роли придатка буржуазного правительства, оппозиции «Его Величества» Львова.

---

*) Чтобы моих слов не перетолковали, скажу тотчас, забегаая вперед: и безусловно за то, чтобы батрацкие и крестьянские *Советы тотчас* брали всю землю, но строжайше соблюдали *сами* порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а *усиливали* его, ибо солдатам пужно *вдвое* больше хлеба, и народ не должен голодать.

Предположительно взятый нами человек походил бы на сладецкого Луи Блана, на слащавого каутскинца, но никак не на революционного марксиста.

Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную—не изжившую еще крестьянского движения—революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: «без царя, а правительство *рабочее*»,—эта опасность мне бы грозила. Но я сказал *не* это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) *не может* быть *помимо* Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова *только* к этим Советам, а в них *как раз* преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику.

Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелко-буржуазное движение, от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 году и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство *большинства* и активность масс лишь в мере *сознательного* выступления самого большинства.

Я свел дело в тезисах с полной определенностью к *борьбе за влияние внутри* Советов Рабочих, Батрацких, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Чтобы не допустить ни теин сомнений на этот счет, я *дважды* подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой, «приспособляющейся к *практическим* потребностям *масс*» работы «разъяснения».

Невежественные люди или ренегаты марксизма, вроде г. Плеханова и т. п., могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п. Кто желает думать и учиться, тот не может не понять, что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы Рабочих и т. д. Депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние *внутри* таких Советов, не может, прямо-таки *не может* сбиться в болото бланкизма. И она не может сбиться в болото анархизма, ибо анархизм

есть отрицание *необходимости государства и государственной власти* для эпохи *перехода* от господства буржуазии к господству пролетариата. А я, с исключаяющей всякую возможность недоразумений ясностью, *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества.

Если г. Плеханов кричит изо всех сил в своем «Единстве» об анархизме, то этим лишний раз только доказан его разрыв с марксизмом. На мой вызов в «Правде» (№ 26) рассказать, чему учили Маркс и Энгельс о государстве в 1871, 1872, 1875 г.г. ³¹⁾, г-ну Плеханову приходится и придется отвечать молчанием по существу вопроса и выкриками в духе озлобленной буржуазии.

Учения марксизма о государстве бывший марксист г. Плеханов *совершенно* не понял. Между прочим, зародыши этого непонимания заметны и в его немецкой брошюре об анархизме.

* * *

Посмотрим теперь, как тов. Ю Каменев ³²⁾ в заметке № 27 «Правды» формулирует свои «разногласия» с моими тезисами и вышеизложенными взглядами. Это поможет нам точнее уяснить их.

«Что касается общей схемы т. Ленина,—пишет т. Каменев,—то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции *законченной* и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую»...

Здесь две большие ошибки.

Первая. Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции *поставлен неверно*. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая *не* соответствует объективной действительности. Кто ставит *так* вопрос, кто спрашивает *теперь*: «закончена ли буржуазно-демократическая революция» и *только*,—тот лишает себя возможности понять чрезвычайно сложную, по меньшей мере «двухцветную» действительность. Это—в теории. А на практике—тот сдается беспомощно *мелко-буржуазной революционности*.

В самом деле. Действительность показывает нам *и* переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демократическая революция обычного типа), и существование рядом с настоящим пра-

вительством побочного, которое представляет из себя «рев.-дем. диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже правительство» *само* уступило власть буржуазии, *само* привязало себя к буржуазному правительству.

Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «бурж.-дем. революция не закончена»?

Нет, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее.

Вторая. Вопрос практический. Неизвестно, может ли теперь быть еще в России *особая* «рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства», *оторванная* от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя.

Но *если* это может еще случиться, то путь к этому один и только один: немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелко-буржуазных.

Почему?

Потому, что вся мелкая буржуазия не случайно, а необходимо повернула к шовинизму (= оборончеству), к «поддержке» буржуазии, к зависимости от нее, к *боязни* обойтись без нее и пр., и т. п.

Как можно «толкнуть» мелкую буржуазию к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но не *хочет* взять ее?

Только отделением пролетарской, коммунистической партии, пролетарской классовой борьбой, *свободной* от робости этих мелких буржуа. Только сплочение пролетариев,—на деле, а не на словах свободных от влияния мелкой буржуазии,—способно сделать такой «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии, что ей при известных условиях *придется* взять власть; не исключено даже, что Гучков и Милюков будут—опять-таки при известных обстоятельствах—за всевластие, за единовластие Чхеидзе, Церетели, с.-р., Стеклова, ибо это все же «*оборонцы*».

Кто отделяет сейчас же, немедленно и бесповоротно, пролетарские элементы Советов (т.-е. пролетарскую, коммунистическую партию) от мелко-буржуазных, тот правильно выражает интересы движения на оба возможных случая: *и* на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру пролетариата и крестьянства», *и* на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т.-е. до социализма) колебаться между нею и нами.

Кто руководится в своей деятельности только простой формулой «буржуазно-демократическая революция не закончена», тот тем самым берет на себя нечто вроде гарантий за то, что мелкая буржуазия наверное способна на независимость от буржуазии. Тот тем самым сдается в данный момент беспомощно на милость мелкой буржуазии.

Кстати. О «формуле» диктатура пролетариата и крестьянства не мешает все же вспомнить, что в «Двух тактиках» (июль 1905) я специально подчеркивал (стр. 435 в «За 12 лет»):

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм»...

Ошибка т. Каменева в том, что он и в 1917 году смотрит только на *прошлое* рев.-дем. диктатуры и пр. и пр. А для нее *на деле* уже началось *будущее*, ибо интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика *на деле* уже разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистской войне.

И здесь я подошел ко второй ошибке в приведенном рассуждении т. Каменева. Он упрекает меня в том, что моя схема «рассчитана» на «немедленное перерождение этой (бурж.-дем.) революции в социалистическую».

Это неверно. Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: «*Не* введение социализма, как наша *непосредственная* задача»...

Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма?

Мало того. Даже ввести в России «государство-коммуну» (т.-е. государство, организованное по типу Парижской Коммуны) *нельзя* «немедленно», ибо для этого необходимо, чтобы *большинство* депутатов во всех (или в большинстве) Советов ясно сознало всю ошибочность и весь вред тактики и политики с.-р., Чхеидзе, Церетели, Стеклова и пр. А я совершенно точно заявил, что «рассчитываю в этой области только на «терпеливое» (надо ли быть терпеливым, чтобы получить изменение, которое можно осуществить «немедленно»?) разъяснение!

Тов. Каменев немножечко «нетерпеливо» размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа *государства*. А такое государство в России *уже* родилось, это и есть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов!

Тов. Каменев не вдумался в *факт*, в значение *существующих* Советов, в их тождество по типу, по социально-политическому характеру с государством Коммуны и, вместо изучения *факта*, стал говорить о том, на что я будто бы «рассчитываю», как на «немедленное» будущее. Получилось, к сожалению, повторение приема многих буржуа: от вопроса о том, *что такое* Советы Р. и С. Деп., выше ли они по типу, чем парламентарная республика, *полезнее* ли они для народа, *демократичнее* ли они, *удобнее* ли они для борьбы, напр., с бесхлебьем и т. д., от этого насущного, реального, жизнью поставленного на очередь дня вопроса, внимание отводится в сторону, на пустой, якобы научный, на деле бессодержательный, профессорски-мертвый вопрос о «расчете на немедленное перерождение».

Пустой, ложно поставленный вопрос. Я «рассчитываю» *только* на то, *исключительно* на то, что рабочие, солдаты и крестьяне лучше, чем чиновники, лучше, чем полицейские, справятся с *практическими* трудными вопросами об усилении производства хлеба, о лучшем распределении его, о лучшем обеспечении солдат и пр., и т. п.

Я глубочайше убежден, что Советы Р. и т. д. Деп. скорее и лучше проведут самостоятельность *массы* народа в жизнь, чем парламентарная республика (о сравнении обоих типов государства подробнее в другом письме). Они лучше, практичнее, вернее решат, как можно сделать и какие именно можно сделать *шаги* к социализму. Контроль за банком, слияние всех банков в один, это *еще не* социализм, но *шаг* к социализму. Такие шаги сегодня делает юнкер и буржуа в Германии против народа. Их гораздо лучше сумеет сделать завтра в пользу народа Совет С. и Р. Деп., если в его руках будет вся государственная власть.

А что *вынуждает* такие шаги?

Голод. Расстройство хозяйства. Грозящий крах. Ужасы войны. Ужасы ран, наносимых войной человечеству.

Тов. Каменев кончает свою заметку заявлением, что «в широкой дискуссии он надеется отстоять свою точку зрения, как единственно возможную для революционной с.-д., поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов».

Мне сдается, что в этих словах видна глубоко ошибочная оценка момента. Тов. Каменев противопоставляет «партию масс» «группе пропагандистов». Но ведь «массы» как раз теперь поддались угару «революционного» оборончества. Не приличнее ли и для интернационалистов в такой момент уметь противостоять «массовому» угару, чем «хотеть остаться» с массами, т.-е. поддаться общему поветрию? Не видели ли мы во всех воюющих европейских странах, как шовинисты оправдывали себя желанием «остаться с массами»? Не обязательно ли уметь на известное время быть в меньшинстве против «массового» угара? Не является ли работа именно пропагандистов как раз в настоящий момент центральным пунктом для *высвобождения* пролетарской линии из «массового» оборонческого и мелко-буржуазного угара? Именно слитость масс, и пролетарских и непролетарских, без разбора классовых различий внутри масс, явилась одним из условий оборонческого поветрия. Презрительно говорить о «группе пропагандистов» *пролетарской* линии, пожалуй, не очень-то пристало.

*Издано отдельной брошюрой
Московским подрайоном пе-
чатников.*

Задачи пролетариата в нашей революции.

(Проект платформы пролетарской партии ³³)

Переживаемый исторический момент в России характеризуется следующими основными чертами:

**К л а с с о в ы й   х а р а к т е р   п р о и с ш е д ш е й
р е в о л ю ц и и.**

1. Старая царская власть, представлявшая только кучку крепостных помещиков, командуемую всей государственной машиной (армией, полицией, чиновничеством), разбита и устранена, но не добита. Монархия не уничтожена формально. Шайка Романовых продолжает монархические интриги. Гигантское землевладение крепостников-помещиков не ликвидировано.

2. Государственная власть в России перешла в руки нового *класса*, именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков. *Потому* буржуазно-демократическая революция в России закончена.

Оказавшаяся у власти буржуазия заключила блок (союз) с явно монархическими элементами, проявлявшими себя неслыханно-усердной поддержкой Николая-Кровавого и Столыпина-Вешателя³⁴) в 1906—1914 г.г. (Гучков и другие, правее кадетов стоящие политики). Новое буржуазное правительство Львова и К^о пыталось и начало вести переговоры с Романовыми о восстановлении монархии в России. Это правительство, под шумок революционной фразы, назначает на командные места сторонников старого порядка. Весь аппарат государственной машины (армию, полицию, чиновничество) это правительство старается как можно менее реформировать, отдав его в руки буржуазии. Революционному почину массовых действий и захвату власти народом *снизу*—этой *единственной* гарантии действительных успехов революции—новое правительство уже начало всячески препятствовать.

Срока созыва Учредительного Собрания это правительство до сих пор даже не назначило. Помещичьего землевладения, этой материальной основы крепостнического царизма, оно не трогает. К расследованию действий, к оглашению действий, к контролю монополистических финансовых организаций, крупных банков, синдикатов и картелей капиталистов и т. п. это правительство и не помышляет приступить.

Самые главные, решающие министерские посты в новом правительстве (министерство внутренних дел, министерство военное, т.-е. командование армией, полицией, чиновничеством, всем аппаратом угнетения масс) принадлежат заведомым монархистам и сторонникам крупного помещичьего землевладения. Кадетам, республиканцам вчерашнего дня, республиканцам поневоле, предоставлены второстепенные посты, прямого отношения к *командованию* над народом и к аппарату государственной власти не имеющие. А. Керенский, представитель трудовиков и «тоже-социалист», не играет ровно никакой роли, кроме усыпления народной бдительности и внимания звонкими фразами.

По всем этим причинам даже в области внутренней политики никакого доверия новое буржуазное правительство со стороны пролетариата не заслуживает, и никакая поддержка ему не допустима с его стороны.

Внешняя политика нового правительства.

3. В области внешней политики, которая теперь в силу объективных условий выдвинута на первый план, новое правительство является правительством продолжения империалистской войны, войны в союзе с империалистскими державами Англии, Франции и т. д., из-за дележа капиталистической добычи, из-за удушения мелких и слабых народов.

Подчиненное интересам русского капитала и его могучего покровителя и хозяина, богатейшего во всем мире англо-французского империалистского капитала, новое правительство, вопреки пожеланиям, высказанным самым определенным образом от имени несомненного большинства народов России, через Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, не сделало никаких реальных шагов к прекращению бойни народов из-за интересов капиталистов. Оно не опубликовало даже тех тайных договоров заведомо грабительского содержания (о разделе Персии, о грабеже Китая, о грабеже Турции, о разделе Австрии, об отнятии Восточной Пруссии, об отнятии немецких колоний и т. д.), которые заведомо связывают Россию с англо-французским империалистским грабительским капиталом. Оно *подтвердило* эти договоры, заключенные царизмом, который в течение веков грабил и угнетал больше народов, чем другие тираны и деспоты,—царизмом, который не только угнетал, но и позорил и развращал великорусский народ, превращая его в палача других народов.

Новое правительство, подтвердив эти позорные и разбойничьи договоры, не предложило всем воюющим народам немедленного перемирия, вопреки ясно выраженным требованиям большинства народов России через Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Оно отделалось торжественными, звонкими, парадными, но совершенно пустыми декларациями и фразами, которые всегда служили и служат в устах буржуазных дипломатов для обмана доверчивых и наивных масс угнетенного народа.

4. Поэтому не только не заслуживает новое правительство ни малейшего доверия в области внешней политики, но и предъявлять ему дальше требование о том, чтобы оно возвестило волю народов России к миру, о том, чтобы оно отказалось от аннексий и т. д. и т. д., является на деле лишь обманом народа, внушением ему неосуществимых надежд, оттяжкой прояснения его сознания, косвенным примирением его с продолжением войны, истинный

социальный характер которой определяется не добрыми пожеланиями, а классовым характером ведущего войну правительства, связью представляемого данным правительством класса с империалистским финансовым капиталом России, Англии, Франции и пр., той *реальной действительной политикой*, которую ведет этот класс.

Своеобразное двоевластие и его классовое значение.

5. Самой главной особенностью нашей революции,—особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции *двоевластие*.

Это двоевластие проявляется в существовании *двух* правительств ³⁵): главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, «Временного Правительства» Львова и К^о, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства в лице Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат.

Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 года не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и *дошла вплотную* до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т.-е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие, местные, советы рабочих и солдатских депутатов.

6. Следующей, в высшей степени важной, особенностью русской революции является то, что Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, пользующийся, судя по всему, доверием большинства местных советов, *добровольно* передает государственную власть буржуазии и *ее* Временному Правительству, *добровольно уступает* ему первенство, заключив с ним соглашение о поддержке его, ограничивается ролью наблюдателя, контролера за созывом Учредительного Собрания (срок созыва которого Временное Правительство до сих пор даже не опубликовало).

Это чрезвычайно своеобразное, невиданное в такой форме в истории, обстоятельство создало *переплетение вместе, воедино двух* диктатур: диктатуры буржуазии (ибо правительство Львова и К^о есть диктатура, т.-е. власть, опирающаяся не на закон и не на предварительное выражение народной воли, а на захват силою, при чем захват этот осуществлен определенным классом, именно: буржуазией) и диктатуры пролетариата и крестьянства (Совет Рабочих и Солдатских Депутатов).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго продержаться такой «переплет» *не в состоянии*. Двух властей в государстве *быть не может*. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами, повсюду над устранением и обессилением, сведением на-нет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь *переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще* до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства.

Классовое значение (и классовое объяснение) этого переходного неустойчивого положения состоит в следующем: как и всякая революция, наша революция потребовала величайшего героизма, самопожертвования массы для борьбы с царизмом, а также сразу *втянула в движение* неслыханно громадное количество обывателей.

Один из главных, научных и практически-политических, признаков *всякой* действительной революции состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа «обывателей», переходящих к активному, самостоятельному, действительному участию в политической жизни, в *устройстве государства*.

Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забытые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелко-буржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику,

• Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле *места* в общественном *производстве*), и в образе мыслей она идет за буржуазией.

Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма,—вот что характеризует современную политику *масс* в России, вот что *выросло* с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелко-буржуазной из всех европейских стран. Вот *классовая* основа «*соглашения*» (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько *фактическую* поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов,—соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету—посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских.

Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его—вот другая сторона той же медали.

Все народнические партии, вплоть до с.-р., всегда были мелко-буржуазны, партия О. К. (Чхеидзе, Церетели и пр.) тоже; беспартийные революционеры (Стеклов и др.) равным образом поддались волне или не осилили, не успели осилить волны.

В ы т е к а ю щ е е   и з   п р е д ы д у щ е г о   с в о е о б р а з и е   т а к т и к и .

7. Из указанного выше своеобразия фактического положения вытекает обязательное для марксиста,—который должен считаться с объективными фактами, с массами и классами, а не с лицами и т. п.,—своеобразие тактики *данного* момента.

Это своеобразие выдвигает на первый план «вливание уксуса и желчи в сладенькую водицу революционно-демократических фраз» (как выразился—замечательно метко—мой товарищ по Ц. К. нашей партии, Теодорович, на вчерашнем заседании Всероссийского Съезда Жел.-Дор. Служащих и Рабочих в Питере). Работа критики, *разъяснение* ошибок мелко-буржуазных партий с.-р. и с. д., подготовка и сплочение элементов *сознательно*-пролетарской, коммунистической партии, *высвобождение* пролетариата из «общего» мелко-буржуазного угара.

Это *кажется* «только» пропагандистской работой. На деле это—самая *практическая революционная* работа, ибо нельзя дви-

гать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает «шаг на месте» *не из-за* внешних помех, *не из-за насилия* со стороны буржуазии (Гучков только еще грозитя пока применить насилие против солдатской массы), а *из-за* доверчивой бессознательности масс.

Только борясь с этой доверчивой бессознательностью (а бороться с ней можно и должно исключительно идейно, товарищеским убеждением, указанием на *опыт жизни*), мы можем высвободиться из-под царящего *разгула революционной фразы* и действительно толкать вперед как пролетарское сознание, так и сознание масс, так и смелую решительную инициативу их *на местах*, самочинное осуществление, развитие и укрепление свобод, демократии, принципа общенародного владения всей землей.

8. Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал *два* способа удержания народа в угнетении. Первый—насилие. Николай Романов (I), Николай Палкин, и Николай II—Кровавый показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа. Но есть другой способ, лучше всего разработанный английской и французской буржуазией, «проученных» рядом великих революций и революционных движений масс. Это—способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного.

Своеобразие момента в России—головокружительно быстрый переход от первого способа ко второму, от насилия над народом к *лести* народу, к обманыванию его обещаниями. Кот-Васька слушает да ест. Милюков и Гучков держат власть, охраняют прибыли капитала, ведут империалистскую войну в интересах русского и англо-французского капитала,—и отделиваются посулами, декларацией, эффектными заявлениями в ответ на речи таких «поваров», как Чхеидзе, Церетели, Стеклов, которые грозят, усовещивают, заклинаят, умоляют, требуют, провозглашают... Кот-Васька слушает да ест.

И с каждым днем доверчивая бессознательность и бессознательная доверчивость будут отпадать, особенно со стороны пролетариев и *беднейших* крестьян, которых жизнь (общественно-экономическое положение их) учит не верить капиталистам.

Вожди мелкой буржуазии «должны» учить народ доверию к буржуазии. Пролетарии должны учить его недоверию.

Революционное оборончество и его классовое значение.

9. Самым крупным, самым ярким проявлением мелко-буржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать *революционное оборончество*. Именно оно—злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции.

Кто поддался в этом пункте и не сумел высвободиться,—тот погиб для революции. Но массы иначе поддаются, чем вожди, и *иначе*, иным ходом развития, иным способом высвобождаются.

Революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой—выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который «свято» хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами.

Буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто *социально-политический* характер войны со стороны России изменился от этого этапа революции, от замены царской монархии Гучково-Миллюковской почти-республикой. И народ поверил—на время—благодаря, в значительной степени, предрассудкам старины, заставляющим видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто вроде собственности или вотчины великороссов. Подлое развращение великорусского народа царизмом, приучавшего видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежащее Великороссии, не могло рассеяться *сразу*.

От нас требуется *умение* разъяснить массам, что социально-политический характер войны определяется не «доброй волей» лиц и групп, даже народов, а положением *класса*, ведущего войну, *политикой* класса, продолжением коей война является, *связями* капитала, как господствующей экономической силы в современном обществе, *империалистским характером* международного капитала, зависимостью—финансовой, банковской, дипломатической—России от Англии и Франции и т. д. Умело, понятно для масс объяснить это *не легко*, без ошибок никто из нас этого не сумел бы сразу сделать.

Но направление или, вернее, содержание нашей пропаганды должно быть такое, и только такое. Малейшая уступка революционному оборончеству есть *измена социализму*, полный отказ от

интернационализма, какими бы красивыми фразами, какими бы «практическими» соображениями это ни оправдывалось

Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости *иначе подойти* к широкой массе. Он похож, по-моему, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «добраго старого времени» шел просто и прямо в деревню—и получал побои. Массовые представители революционного оборончества *добросовестны*,—не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким *классам* (рабочие и беднейшие крестьяне), которые *действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают. Это не то, что буржуа и г. г. «интеллигенты», прекрасно знающие, что *нельзя* отказаться от аннексий, не отказавшись от господства капитала, и бессовестно обманывающие массы красивой фразой, обещаниями без меры, посулами без числа.

Массовый представитель оборончества смотрит на дело по-просту, по-обывательски: «я не хочу аннексий, на *меня* «прет» немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистские интересы». Такому человеку надо разъяснять и разъяснять, что дело не в его личных желаниях, а в отношениях и условиях массовых, *классовых*, политических, в связи войны с интересами капитала и с международной сетью банков и т. д. Только такая борьба с оборончеством серьезна и обещает успех—может быть, не очень быстрый, но верный и прочный.

Как можно кончить войну?

10. Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю», употребляя выражение одного солдата оборонца.

Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, «выступлением» пролетариев всех стран, «волей» народов и т. п.—все фразы этого рода, наполняющие статьи оборонческих и полуборонческих, полуинтернационалистских газет, а также бесчисленные резолюции, воззвания, манифесты, резолюции Совета Рабочих и Солдатских Депутатов,—все эти фразы не что иное, как пустые, невинные, добренькие пожелания мелких буржуа. Нет ничего вреднее таких фраз о «выявлении народов к миру», об *очереди* революционных выступлений пролетариата (после русского «очередь» за германским) и т. п. Все это луйблаивщина, сладенькие мечты, игра в «политические кампании», на деле повторение басни с котом-Васькой.

Война порождена не злой волей хищников-капиталистов, хотя она, несомненно, *только* в их интересах ведется, только их обогащает. Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. *Нельзя* выскочить из империалистской войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к *другому* классу, к пролетариату.

Русская революция февраля - марта 1917 г. была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала *первый* шаг к прекращению войны. Только *второй* шаг может *обеспечить* прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта» — фронта интересов капитала, и, только прорвав *этот* фронт, пролетариат *может* избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира.

И к такому «прорыву фронта» капитала русская революция *уже* подвела пролетариат России вплотную, создав Советы Рабочих Депутатов.

Н о в ы й т и п г о с у д а р с т в а , в ы р а с т а ю щ и й в н а ш е й р е в о л ю ц и и .

11. Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль *в русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип государства*.

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики*: власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее *над* народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX века, выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова». Это — государство типа Парижской Коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. В *этом* суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуаз-

ные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах. Республика Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным Собранием народных представителей или Советом Советов и т. п.,—вот что *уже входит в жизнь* у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему*, не дожидаящегося ни того, как г. г. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной республики,—ни того, как педанты и рутинеры мелко-буржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелко-буржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» г. Плеханова, Каутского и К^о тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна.

Главные отличия этого последнего типа государства от старого следующие:

От парламентарной буржуазной республики возврат к монархии совсем легок (как и доказала история), ибо остается неприкосновенной вся машина угнетения: армия, полиция, чиновничество. Коммуна и Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и т. д. Депутатов *разбивают* и устраняют эту машину.

Парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь *масс*, их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное—Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал «открытой, наконец, политической формой, в которой *может* произойти экономическое освобождение трудящихся».

Обычно возражают: русский народ еще не подготовлен к «введению» Коммуны. Это—довод крепостников, говоривших

о неподготовленности крестьян к свободе. *Никаких* преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т.-е. Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна вводить. Чем сильнее экономический крах и порождаемый войной кризис, тем настоятельнее необходимость наиболее совершенной политической формы, *облегчающей* излечение ужасных ран, нанесенных человечеству войной. Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем *решительнее* надо *приступать* к организационному строительству *самого народа*, а не одних только буржуазных политиканов и чиновников с «доходными местечками».

Чем скорее мы сбросим с себя старые предрассудки искаженного г. Плехановым, Каутским и К^о лже-марксизма, чем усерднее мы примемся помогать народу строить тотчас и повсюду Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, брать в их руки *всю* жизнь—чем дольше будут г. Львовы и К^о оттягивать созыв Учредительного Собрания, — тем легче будет народу сделать (через посредство Учредительного Собрания или помимо него, если Львов не созовет его очень долго) выбор в пользу Республики Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Ошибки в нозом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем *ждать*, когда созываемые г. Львовым профессора-юристы напишут законы о созыве Учредительного Собрания и об увековечении парламентарной буржуазной республики, об удушении Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Если мы сорганизуемся и умело поведем свою пропаганду, не только пролетарии, но и девять десятых крестьянства будут против восстановления полиции, против несменяемого и привилегированного чиновничества, против отделенной от народа армии. А только в этом и состоит новый тип государства.

12. Замена полиции народной милицией—есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстанавливала полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ.

Чтобы не дать восстановить полицию, есть голько одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа). В такой милиции должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастами позволительно определить участие подростков и стариков. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и пр. за дни, посвященные общественной службе в милиции. Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полиции», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге только.

Не дать восстановить полиции, привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции—таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции.

А г р а р н а я   и   н а ц и о н а л ь н а я   п р о г р а м м ы.

13. Мы не можем знать определенно в настоящее время, разовьется ли в ближайшем будущем могучая аграрная революция в русской деревне. Мы не можем знать, насколько именно глубоко углубившееся несомненно в последнее время классовое деление крестьянства на батраков, наемных рабочих и беднейших крестьян («полупролетариев»), с одной стороны,—и крестьян зажиточных и средних (капиталистов и капиталистиков), с другой. Такие вопросы решит и может решить только опыт.

Но мы безусловно обязаны, как партия пролетариата, выступить немедленно не только с аграрной (земельной) программой, но и с проповедью немедленно осуществимых практических мер *в интересах* крестьянской аграрной революции в России.

Мы должны требовать национализации *всех* земель, т.-е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти. Эта власть должна определять размеры и проч. переселенческого фонда, определять законы для охраны лесов, для мелиорации и т. п., запрещать безусловно всякое посредничество между собственником земли—государством и арендатором *ее*—хозлином (запрещать всякую передачу земли). Но

все распоряжение земель, все определение *местных условий* владения и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных *Советов Крестьянских Депутатов*.

В интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития рационального крупного хозяйства и общественного контроля над ним, мы должны внутри крестьянских комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства, под контролем *Советов Батрацких Депутатов*.

В противовес мелко-буржуазной фразе и политике, которая царит у с.-р., особенно в пустых разговорах о «потребительной» или «трудовой» норме, о «социализации земли» и т. п., партия пролетариата должна разъяснять, что система мелкого хозяйства при товарном производстве *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс и угнетения их.

Не раскалывая немедленно и обязательно Советов Крестьянских Депутатов, партия пролетариата должна разъяснять необходимость особых Советов Батрацких Депутатов и особых Советов Депутатов от беднейших (полупролетарских) крестьян или, по крайней мере, особых постоянных совещаний депутатов *такого классового положения*, как отдельных фракций или партий внутри общих Советов Крестьянских Депутатов. Без этого все сладенькие мелко-буржуазные фразы народников о крестьянстве вообще окажутся прикрытием обмана неимущей массы зажиточным крестьянством, которое представляет из себя лишь одну из разновидностей *капиталистов*.

В противовес буржуазно-либеральной или чисто-чиновничьей проповеди, которую ведут многие с.-р. и Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного Собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и к немедленной конфискации помещичьих земель по решениям Советов Крестьянских Депутатов на местах.

Особенно важно при этом настаивать на необходимости *увеличить* производство съестных продуктов для солдат на фронте и для городов,—на абсолютной *недопустимости* какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр. и пр.

14. В национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства, т.-е. аннексированных.

Все заявления, декларации и манифесты об отказе от аннексий, не сопровождаемые действительным осуществлением свободы отделения, сводятся к буржуазному обману народа или к мелкобуржуазным невинным пожеланиям.

Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций.

Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций.

Полная свобода отделения—самая широкая местная (и национальная) автономия—детально разработанные гарантии прав национального меньшинства—такова программа революционного пролетариата.

Н а ц и о н а л и з а ц и я   б а н к о в   и   с и н д и к а т о в к а п и т а л и с т о в .

15. Партия пролетариата никоим образом не может задаться целью «введения» социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции.

Но только буржуазные софисты, прячущиеся за «почти марксистские» словечки, могут выводить из этой истины оправдание такой политики, которая бы оттягивала немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, *осуществленные* зачастую *во время войны рядом буржуазных государств*, настоятельно необходимые для борьбы с надвигающимся полным экономическим расстройством и голодом.

Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление *немедленного контроля* за ними Советов Рабочих Депутатов и т. п.,

отнодь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха, а останавливаться перед посягательством на неслыханно-высокие прибыли капиталистов и банкиров, наживающихся именно «на войне» особенно скандально, партия революционного пролетариата никогда не будет.

Положение дел в социалистическом Интернационале.

16. Международные обязанности рабочего класса России именно теперь с особенной силой выдвигаются на первый план.

Интернационализмом не клянется в наши дни только ленивый, даже шовинисты-оборонцы, даже г.г. Плеханов и Потресог, даже Керенский называет себя интернационалистом. Тем насущнее обязанность пролетарской партии противопоставить со всей ясностью, точностью, определенностью интернационализм на деле интернационализму на словах.

Голые воззвания к рабочим всех стран, пустые заверения в своей преданности интернационализму, попытки прямо или косвенно установить «очередь» выступлений революционного пролетариата в разных воюющих странах, потуги заключить «соглашения» между социалистами воюющих стран о революционной борьбе, хлопотня с социалистическими съездами для кампании за мир и т. д., и т. д.—все это по своему *объективному* значению, как бы ни были искренни авторы таких идей, таких попыток или таких планов, все это одно фразерство, в *лучшем* случае—невинные, добренькие пожелания, годные лишь для прикрытия *обмана* масс шовинистами. И наиболее ловкие, наиболее искусные в приемах парламентского мошенничества *французские* социал-шовинисты давным-давно побили рекорд по части неслыханно громких и звонких пацифистских и интернационалистских фраз, *соединенных* с неслыханно наглой изменой социализму и Интернационалу, вступлением в министерства, ведущие империалистскую войну, голосованием за кредиты *или за займы* (как Чхеидзе, Скобелев ³⁶), Церетели, Стеклов в последние дни в России), противодействием революционной борьбе в своей *собственной стране* и т. д., и т. д.

Добрые люди забывают часто жестокую, свирепую обстановку всемирной империалистской войны. Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными, сладенькими пожеланиями.

Интернационализм на деле—один, и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же* борьбы, такой же линии, и *только се одной*, во *всех* без исключения странах.

Все остальное—обман и макиловщина.

Три течения выработало международное социалистическое и рабочее движение за два с лишним года войны во *всех* странах, и кто сходит с *реальной* почвы признания этих трех течений, анализа их, последовательной борьбы за интернационалистское на деле течение,—тот осуждает себя на бессилие, беспомощность и ошибки.

Три течения следующие:

1) Социал-шовинисты, т. е. социалисты на словах, шовинисты на деле—это люди, признающие «защиту отчества» в империалистской (и, прежде всего, в данной империалистской) войне.

Эти люди—наши *классовые* противники. Они перешли на сторону буржуазии.

Таково большинство официальных вождей официальной социал-демократии во *всех* странах. Г.г. Плеханов и К^о в России, Шейдеманы в Германии, Ренодель ³⁷⁾, Гэд ³⁸⁾, Самба ³⁹⁾ во Франции, Биссолати ⁴⁰⁾ и К^о в Италии, Гайндман, фабианцы и «лабуристы» (вожди «рабочей партии») в Англии, Брантинг ⁴¹⁾ и К^о в Швеции, Трульстра ⁴²⁾ и его партия в Голландии, Стаунинг ⁴³⁾ и его партия в Дании, Виктор Бергер ⁴⁴⁾ и пр. «защитники отчества» в Америке и т. п.

2) Второе течение—так наз. «центр»—люди, колеблющиеся между социал-шовинистами и интернационалистами на деле.

«Центр» весь клянется и божится, что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие «давления» на правительства, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявления им воли народа к миру», за всевозможные кампании в пользу мира, за мир без аннексий и т. д., и т. д.—и *за мир с социал-шовинистами*. «Центр»—за «единство», центр—противник раскола.

«Центр»—царство добренькой мелко-буржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле.

Гвоздь вопроса в том, что «центр» не убежден в необходимости революции против своих правительств, не проповедует ее, не ведет беззаветной революционной борьбы, выдумывает самые пошлые—и архи-«марксистски» звучащие—*отговорки* от нее.

Социал-шовинисты—наши *классовые противники, буржуа* среди рабочего движения. Они представляют слой, группы, прослойки рабочих, *объективно* подкупленных буржуазией (лучшая плата, почетные места и т. д.) и помогающих *своей* буржуазии грабить и душить мелкие и слабые народы, бороться *из-за* дележа капиталистической добычи.

«Центр»—люди рутинны, изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники, привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют *особого* слоя, они представляют только *переход* от изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871—1914 годов, от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере,—*к* *полосе* новой, ставшей *объективно* необходимою со времени первой всемирной империалистской войны, открывшей *эру социальной революции*.

Главный вождь и представитель «центра»—Карл Каутский, виднейший авторитет II-го (1889—1914) Интернационала, образец полного краха марксизма, неслыханной бесхарактерности, самых жалких колебаний и измен с августа 1914 года ⁴⁵⁾. Течение «центра»—Каутский, Гаазе ⁴⁶⁾, Ледебур ⁴⁷⁾, так наз. «рабочее или трудовое содружество» в рейхстаге; во Франции—Лонгэ ⁴⁸⁾. Прессман ⁴⁹⁾ и так наз. «миноритеры» ⁵⁰⁾ (меньшевики) вообще; в Англии—Филипп Сноуден ⁵¹⁾, Рамсэй Макдональд ⁵²⁾ и мн. др. вожди «независимой рабочей партии» и частью брит. соц. партии; Моррис Хилквит ⁵³⁾ и мн. др. в Америке; Турати ⁵⁴⁾, Тревес ⁵⁵⁾, Модильяни ⁵⁶⁾ и т. п. в Италии; Роберт Гримм ⁵⁷⁾ и т. д. в Швейцарии; Виктор Адлер ⁵⁸⁾ и К⁰ в Австрии; партия О. К., Аксельрод ⁵⁹⁾, Мартов ⁶⁰⁾, Чхеидзе, Церетели и пр. в России и т. п.

Понятно, что отдельные лица иногда переходят, незаметно для себя, с позиции социал-шовинизма на позицию «центра» и обратно. Всякий марксист знает, что классы отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из класса в класс; так и *течения* в политической жизни отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из одного течения в другое, несмотря на попытки и усилия *слить* течения.

3) Третье течение—интернационалисты, на деле ближе всего выражаемые «Циммервальдской левой» (мы перепечатаем в приложении ее манифест от сентября 1915 г., чтобы читатели могли ознакомиться в подлиннике с рождением данного течения) ⁶¹⁾.

Главный отличительный признак: полный разрыв и с социал-шовинизмом, и с «центром». Беззаветная революционная борьба против *своего* империалистского правительства и *своей* империалистской буржуазии. Принцип: «главный враг в собственной стране». Беспощадная борьба со сладенькой социал-пацифистской (социал-пацифист—социалист на словах, буржуазный пацифист на деле; буржуазные пацифисты мечтают о вечном мире *без* свержения ига и господства капитала) фразой и со всякими *отговорками*, направленными к отрицанию возможности или уместности, или своевременности революционной борьбы пролетариата и пролетарской, социалистической революции *в связи* с данной войной.

Виднейшие представители этого течения: в Германии—«группа Спартака» ⁶²⁾, или «группа Интернационала», с Карлом Либкнехтом, как членом ее. Карл Либкнехт—знаменитейший представитель этого течения и *нового*, настоящего, пролетарского Интернационала.

Карл Либкнехт призвал рабочих и солдат Германии *обратить оружие* против *своего* правительства. Карл Либкнехт делал это открыто с трибуны парламента (рейхстага). А потом он пошел на Потсдамскую площадь, одну из самых больших площадей Берлина, с нелегально отпечатанными прокламациями, на демонстрацию с призывом «долой правительство». Его арестовали и осудили *на каторгу*. Он сидит теперь в каторжной тюрьме в Германии, как и вообще *сотни*, если не *тысячи*, *истинных* социалистов Германии сидят в тюрьмах за борьбу против войны.

Карл Либкнехт вел беспощадную борьбу в речах и письмах не только *со своими* Плехановыми, Потресовыми (Шейдеманами, Легиными, Давидами и К⁰), *но и со своими людьми центра*, со своими Чхеидзе, Церетели (с Каутским, Гаазе, Ледебуром и К⁰).

Карл Либкнехт с своим другом Отто Рюлэ ⁶³⁾, вдвоем из ста десяти депутатов, порвали дисциплину, разрушили «единство» с «центром» и шовинистами, *пошли против всех*. Один Либкнехт представляет социализм, пролетарское дело, пролетарскую революцию. *Вся* остальная германская социал-демократия, по верному выражению Розы Люксембург ⁶⁴⁾ (тоже член и один из *всех* «группы Спартака»),—*смердящий труп*.

Другая группа интернационалистов на деле в Германии—
бременная газета «Рабочая Политика».

Во Франции ближе всего к интернационалистам на деле—
Лорьо ⁶⁵) и его друзья (Бурдерон и Мергейм скатились к социал-
пацифизму), а также франц. Анри Гильбо ⁶⁶), издающий в Женеве
журнал «Завтра», в Англии—газета «Трэд-юнионист» и часть член-
ов брит. соц. партии и независимой раб. партии (напр., Вил-
лиам Рессель ⁶⁷), открыто звавший к расколу с *изменившими*
социализму вождями), шотландский народный учитель социа-
лист *Маклин*, осужден буржуазным правительством Англии *на*
каторгу за революционную борьбу против войны; сотни социа-
листов Англии в тюрьмах за те же преступления. Они и только
они—интернационалисты *на деле*; в Америке—«Соц. Раб. Партия»
и те элементы внутри оппортунистической «Соц. Партии», которые
начали издавать с января 1917 г. газету «Интернационалист»;
в Голландии—партия «трибунистов», издающих газету «Три-
буна» (Паннекук Герман Гортер, Вейнкоп, Генриетта Роланд-
Хольст ⁶⁸), бывшая центром в Циммервальде, перешедшая те-
перь к нам); в Швеции—партия молодых или левых с такими во-
ждями, как Линдхаген, Туре Нерман, Карлсон, Штрём, З. Хег-
лунд ⁶⁹), участвовавший лично в Циммервальде в основании
«Циммервальдской левой» и осужденный ныне в тюрьму за рево-
люционную борьбу против войны; в Дании—Трир ⁷⁰) и его дру-
зья, ушедшие из ставшей вполне *буржуазной* «соц.-дем.» партии
Дании, с *министром* Стаунигом во главе; в Болгарии—«тес-
няки»; в Италии—ближе всего секретарь партии Константин
Ладзари ⁷¹) и редактор центрального органа «Вперед» Серрати ⁷²);
в Польше—Радек ⁷³), Ганецкий и др. вожди социал-демократии,
объединенной «Краевым Правлением»; Роза Люксембург, Тыш-
ка ⁷⁴) и др. вожди соц.-дем., объединенной «Главным Правлением»;
в Швейцарии—те левые, которые составили мотивировку «рефе-
рендума» (январь 1917 г.) для борьбы с социал-шовинистами и
«центром» *своей* страны и которые на цюрихском кантональном
соц. съезде в Тессе, 11 февраля 1917 г., внесли принципиально-
революционную резолюцию против войны; в Австрии—молодые
друзья Фридриха Адлера ⁷⁵) слева, действовавшие отчасти в
клубе «Карл Маркс» в Вене,—клубе, закрытом ныне реакцион-
нейшим австрийским правительством, губящим Фр. Адлера за
его геройский, хотя и мало обдуманый, выстрел в министра
и т. д., и т. д.

Дело не в оттенках, которые есть и между левыми. Дело в *течении*. Вся суть в том, что не легко быть интернационалистом на деле в эпоху ужасной империалистской войны. Таких людей мало, но *только* в них—вся будущность социализма, *только* они—*вожди масс*, а не развратители масс.

Различие между реформистами и революционерами, среди с.-д., среди социалистов вообще, с объективной неизбежностью должно было претерпеть изменение в обстановке империалистской войны. Кто ограничивается «требованиями» к буржуазным правительствам о заключении мира или о «выявлении воли народов к миру» и т. п., тот *на деле* скатывается к реформам. *Ибо вопрос о войне*, объективно, стоит *только революционно*.

Нет выхода из войны к демократическому, не насильническому миру, к освобождению народов от кабалы, *миллиардных* процентов господам капиталистам, нажившимся на «войне»,—нет выхода, кроме революции пролетариата.

От буржуазных правительств можно и должно требовать самых различных реформ, но нельзя, не впадая в маниловщину, в реформизм, требовать от этих тысячами нитей империалистского капитала опутанных людей и классов *разрыва* этих нитей, а без такого разрыва все разговоры о войне против войны—пустые, обманчивые фразы.

«Каутскианцы», «центр»—революционеры на словах, реформисты на деле,—интернационалисты на словах, пособники социал-шовинизма на деле

К р а х Ц и м м е р в а л ь д с к о г о И н т е р н а ц и о н а л а . — Н е о б х о д и м о о с н о в а т ь т р е т и й .

И н т е р н а ц и о н а л .

17. Циммервальдский Интернационал с самого начала встал на колеблющуюся, «каутскианскую», «центровую» позицию, что и заставило *циммервальдскую левую* немедленно отгородиться, обособиться, выступить со *своим* манифестом (напечатанным в Швейцарии по-русски, по-немецки и по-французски).

Главный недостаток Циммервальдского Интернационала—причина его *краха* (ибо он потерпел уже идейно-политический крах)—колебания, нерешительность в важнейшем, практически *всеопределяющем* вопросе о полном разрыве с социал-шовинизмом и с социал-шовинистским старым Интернационалом, возглавляемым Вандервельдом ⁷⁶⁾, Гюисмансом ⁷⁷⁾ в Гааге (Голландия) и пр.

У нас еще не знают, что циммервальдское большинство есть *именно каутскианцы*. А между тем это основной факт, который нельзя не учитывать и который теперь в Западной Европе общеизвестен. Даже шовинист, крайний немецкий шовинист Гейльман, редактор архи-шовинистской «Хемницкой Газеты» и сотрудник архи-шовинистского парвусовского «Колокола» (разумеется, «социал-демократ» и ярый сторонник «единства» социал-демократии) должен был признать в печати, что центр или «каутскианство» и *циммервальдское большинство*—это одно и то же.

А конец 1916-го и начало 1917-го годов окончательно установили этот факт. Несмотря на осуждение социал-пацифизма Кинтальским манифестом, *вся* циммервальдская правая, *все* циммервальдское большинство скатилось к социал-пацифизму: Каутский и К^о в ряде выступлений в январе и феврале 1917 года; Бурдерон и Мергейм во Франции, голосуя *единодушно* с социал-шовинистами за пацифистские резолюции социалистической партии (декабрь 1916 г.) и «генеральной конфедерации труда» (т.-с. общенациональной организации французских профессиональных союзов, тоже в декабре 1916 г.); Турати и К^о в Италии, где *вся* партия заняла социал-пацифистскую позицию, а Турати лично «поскользнулся» (и не случайно, конечно) до *националистических*, прикрашивающих империалистскую войну, фраз в речи 17 декабря 1916 года.

Председатель Циммервальда и Кинталя Роберт Гримм в январе 1917 года вошел в союз с социал-шовинистами *своей* партии (Грейлих, Пфлюгер, Густав Мюллер и др.) *против* интернационалистов на деле.

На двух совещаниях *циммервальдцев* разных стран, в январе и феврале 1917 года это двойственное и двуличное поведение циммервальдского большинства было формально заклеймено левыми интернационалистами нескольких стран: Мюнценбергом, секретарем международной организации молодых и редактором прекрасной интернационалистской газеты «Интернационал молодежи»; Зиновьевым, представителем Ц. К. нашей партии; К. Радеком, польской с.-д. партии («Краевое Правление»); Хартштейном, немецким социал-демократом, членом «группы Спартак».

Русскому пролетариату много дано; нигде в мире не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России. Но кому много дано, с того много спросится.

Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полу-

связи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде *только* для информации.

Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления *новый* революционный, пролетарский Интернационал, или вернее не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует.

Это—Интернационал тех «интернационалистов на деле», которых я точно перечислил выше. Они и только они—представители революционно-интернационалистских масс, а не развратители масс.

Если мало *таких* социалистов, то пусть спросит себя каждый русский рабочий, много ли было сознательных революционеров в России *накануне* революции февральской и мартовской 1917 года?

Дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата. Суть не в «провозглашении» интернационализма, а в том, чтобы уметь быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле.

Не будем обманываться надеждой на соглашение и международные конгрессы. Международные сношения, пока длится империалистская война, сжаты железными тисками империалистски-буржуазной всенной диктатуры. Если даже «республиканец» Милюков, вынужденный терпеть побочное правительство Совета Рабочих Депутатов, *не пустил* в Россию, в апреле 1917 года, швейцарского социалиста, секретаря партии, интернационалиста, участника Циммервальда и Кинтала, *Фрица Платтена* ⁷⁸⁾, хотя он женат на русской, ехал к родственникам жены, хотя он участвовал в революции 1905 г., в Риге сидел за это в русской тюрьме, внес залог, для освобождения, царскому правительству, хотел получить этот залог обратно,—если республиканец Милюков мог *сделать* это в России в апреле 1917 года, то можно судить о том, чего стоят обещания и посулы, фразы и декларации насчет мира без аннексий и т. п. со стороны буржуазии.

А арест Троцкого ⁷⁹⁾ английским правительством? А невыпуск Мартова из Швейцарии, а надежды заманить Мартова в Англию, где его ждет судьба Троцкого?

Не будем делать себе иллюзий. Не надо самообманов.

«Ждать» международных конгрессов или совещаний значит быть *изменником* интернационализма, раз доказано, что даже из Стокгольма к нам не пускают ни верных интернационализму

социалистов, ни *даже* писем от них, несмотря на полную возможность—и на полную свирепость военной цензуры.

Не *ждать*, а *основать* третий Интернационал должна тотчас наша партия,—и сотни социалистов в тюрьмах Германии и Англии вздохнут с облегчением —тысячи и тысячи немецких рабочих, которые устраивают ныне стачки и демонстрации, пугающие негодая и разбойника Вильгельма, прочтут в *нелегальных* листках о нашем решении, о нашем братском доверии Карлу Либкнехту и только ему, о *нашем* решении бороться и *теперь* против «революционного оборончества», — прочтут это и укрепятся в своем революционном интернационализме.

Кому много дано, с того много спросится. Нет в мире страны, где бы *сейчас* была такая свобода, как в России. Воспользуемся этой свободой не для проповеди поддержки буржуазии или буржуазного «революционного оборончества», а для смелого и честного, пролетарского и Либкнехтского, — *основания третьего Интернационала*, Интернационала, враждебного бесповоротно и изменникам — социал-шовинистам, и колеблющимся людям «центра».

18. О том, что об объединении социал-демократов в России не может быть и речи, не приходится тратить много слов после *вышесказанного*.

Лучше остаться вдвоем, как Либкнехт,—и *это значит остаться с революционным пролетариатом*,—чем допускать хотя бы на минуту мысль об объединении с партией О. К., Чхеидзе и Церетели, которые терпят блок с Потресовым в «Рабочей Газете», которые голосуют за заем в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов, которые скатились к «оборончеству».

Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

Кто хочет *помочь* колеблющимся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому.

Каково должно быть научно-правильное и политически помогающее проявлению сознания пролетариата название нашей партии?

19. Перехожу к последнему, к названию нашей партии. Мы должны назваться *Коммунистической партией*,—как называли себя Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Комм. Манифест», извращенный и преданный социал-демокра-

тней по двум главным пунктам: 1) рабочие не имеют отечества: «защита отечества» в империалистской войне есть измена социализму; 2) учение марксизма о государстве извращено Н-м Интернационалом.

Название «социал-демократия» *научно* неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 года и популярнее повторил Энгельс в 1894 году. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т.-е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (социал-демократы). Демократия есть одна из форм *государства*. Между тем мы, марксисты, противники *всякого* государства.

Вожди II-го (1889—1914) Интернационала, г. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость государства* для перехода к социализму,—но (и в этом отличие от Каутского и К^о) *не такого государства*, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы Рабочих Депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: *жизнь* создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это новое «государство», *не являющееся* государством в собственном смысле слова.

Это *уже* вопрос практики масс, а не только теории вождей.

Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше, *рождающееся*, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим *строжайший* порядок, необходимо *беспощадное* подавление насилием всяких попыток контр-революции и царистской, и Гучковски-буржуазной.

Но наше *рождающееся*, новое государство *не есть* уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России

эти отряды вооруженных людей есть *сама масса*, весь народ, а не кто-либо, над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию общинно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, *монархических*, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть *шора*, одеваемая на глаза революционному народу и мешающая ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы Рабочих, Крестьянских и всяких иных Депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в 1871—1914 г.г., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократии». Ибо *тогда*, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полу-крепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции.

Пойдем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей куль-

туры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа.

Выхода *нет*, кроме революции пролетариата.

И в такой момент, когда эта революция начинается, когда она делает свои первые, робкие, нетвердые, несознательные, слишком доверчивые к буржуазии шаги,—в такой момент большинство (это правда, это факт) «социал-демократических» вождей, «социал-демократических» парламентариев, «социал-демократических» газет,—а ведь именно таковы *органы* воздействия на массы,—большинство их *изменило* социализму, *предало* социализм, перешло на сторону «своей» национальной буржуазии.

Массы смущены, сбиты с толку, обмануты *этим* вождями.

И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась того старого и устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил II Интернационал!

Пусть «многие» рабочие *понимают* социал-демократию по-честному. Пора учиться различию субъективного от объективного.

Субъективно эти рабочие социал-демократы—вернейшие вожди пролетарских масс.

А объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит *воздей*, т.-е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны,—и все они «тоже-социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они предъявляют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией»...

А доводы против?.. «Смешают с анархистами-коммунистами»...

Отчего не боимся мы смешения с социал-националами и социал-либералами, с радикалами-социалистами, самой переловой и самой ловкой в буржуазном обмане масс буржуазной партии в французской республике?.. «Массы привыкли, рабочие «полюбили» *свою* социал-демократическую партию»...

Вот единственный довод, но ведь это довод, отбрасывающий прочь и науку марксизма, и задачи завтрашнего дня в революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II-го Интернационала, и порчу практического дела стаями окружающих пролетариев «тоже-социал-демократов».

Это довод рутины, довод спячки, довод косности.

А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую», грязную рубаху...

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Написана 10 апреля 1917 года

издана брошюрой в сентябре 1917 года.

Политические партии в России и задачи пролетариата ⁸⁰⁾.

Нижеследующее представляет опыт формулировки сначала наиболее существенных, а затем и менее существенных вопросов и ответов, характеризующих современное политическое положение России и оценку его разными партиями.

ВОПРОСЫ:

1) Каковы главные группы политических партий в России?

ОТВЕТЫ:

А, (правее к.-д.). Партии и группы правее кадетов.

Б, (к.-д.) Партия конст.-дем. (кадеты, партия народной свободы) и близкие к ней группы.

В, (с.-д. и с.-р.). Социал-демократы, социалисты-революционеры и близкие к ним группы.

Г, («большевики»). Партия, которой следовало бы называться **КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ** и которая ныне зовется «Росс. С.-Д. Раб. П., объедин. Ц. К.», а в просторечии «большевиками».

2) Какой класс представляют эти партии? Точку зрения какого класса она выражают?

А, (правее к.-д.). Крепостииков-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии (капиталистов).

Б, (к.-д.). Всей буржуазии, т.-е. класса капиталистов, и обуржуазившихся, т.-е. ставших капиталистами, помещиков.

В, (с.-д. и с.-р.). Мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих.

Г, («большевики»). Сознательных пролетариев, наемных рабочих и примыкающей к ним беднейшей части крестьян (полупролетариев).

3) Как относятся к социализму?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Безусловно враждебно, ибо он грозит прибылям капиталистов и помещиков.

В, (с.-д. и с.-р.). За социализм, но думать о нем и немедленно делать практические шаги к его осуществлению рано.

Г, («большевики»). За социализм. Необходимо, чтобы Советы Рабочих и пр. Депутатов тотчас делали практически возможные шаги к осуществлению социализма *).

4) Какого государственного устройства хотят в настоящее время?

А, (правее к.-д.). Конституционной монархии, всевластия чиновников и полиции.

Б, (к.-д.). Буржуазной парламентарной республики, т.-е. упрочения господства капиталистов при сохранении старого чиновничества и полиции.

В, (с.-д. и с.-р.). Буржуазной парламентарной республики с реформами для рабочих и крестьян.

Г, («большевики»). Республики Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов. Уничтожения постоянной армии и полиции; замены их поголовно вооруженным народом; не только выборности, но и сменяемости чиновников, платы им не выше платы хорошему рабочему.

5) Как относятся к восстановлению монархии Романовых?

А, (правее к.-д.). За, но действуют тайком и осторожно, боясь народа.

Б, (к.-д.). Когда Гучковы казались силой, кадеты были за то, чтобы посадить на трон брата или сына Николая, а когда народ стал казаться силой, кадеты против.

В, (с.-д. и с.-р.), Г, («большевики»). Безусловно против какого бы то ни было восстановления монархии.

---

*) О том, какие это шаги, смотри вопросы 20 и 22.

6) *Как относятся к захвату власти? Что называют порядком, что анархией?*

А, (правее к.-д.). Если царь или brave генерал захватит власть, то это от бога, это порядок. Остальное—анархия.

Б, (к.-д.). Если капиталисты захватят власть, хоть бы насильем, то это порядок. Захватить власть против капиталистов было бы анархией.

В, (с.-д. и с.-р.). Если Советы Рабочих, Солд. и пр. Депутатов одни возьмут всю власть, то это грозит анархией. Пусть пока у капиталистов будет власть, а у Советов Р. и С. Д.—«контактная комиссия».

Г, («большевики»). Вся власть должна быть только у Советов Раб. и Солд., Крест., Батрацких и др. Депутатов. Всю пропаганду, агитацию и организацию миллионов и миллионов людей надо *тотчас направить* к этой цели *).

7) *Надо ли поддерживать Временное Правительство?*

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Безусловно надо, ибо оно есть единственно возможное в данный момент для охраны интересов капиталистов.

В, (с.-д. и с.-р.). Надо, но с условием, чтобы оно выполняло соглашение с Советом Р. и С. Деп. и посещало «контактную комиссию».

Г, («большевики»). Не надо; пусть его капиталисты поддерживают. Нам надо *готовить* весь народ к всевластию и единовластию Советов Раб., Солд. и др. Деп.

8) *За единовластие или за двоевластие?*

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). За единовластие капиталистов и помещиков.

В, (с.-д. и с.-р.). За двоевластие: «контроль» Советов Р. и С. Д. за Временным Правительством.—Думать о том, действителен ли контроль без власти, вредно.

Г, («большевики»). За единовластие Советов Раб., Солд., Крест. и т. д. Депутат., снизу доверху, во всей стране.

9) *Надо ли созывать Учредительное Собрание?*

А, (правее к.-д.). Не надо, ибо оно может повредить помещикам. Неровен час, крестьяне в Учредительном Собрании решат, что все земли следует отобрать у помещиков

---

*) Анархией называется отрицание всякой государственной власти, а Совет. Раб. и Солд. Деп. есть *тоже* государственная власть.

Б, (к.-д.). Надо, но срока не назначать. Подольше обсудить с профессорами-юристами; ибо, во-1-х, еще Бебель сказал, что юристы самые реакционные люди на свете; а во-2-х, опыт всех революций учит, что дело народной свободы гибнет, когда его вверяют профессорам.

В, (с.-д. и с.-р.). Надо и поскорее. Надо назначить срок, мы уже 200 раз говорили об этом в контактной комиссии и завтра же поговорим в 201 раз окончательно.

Г, («большевики»). Надо и поскорее. Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление силы Советов Р., С., Кр. и пр. Деп.; организация и вооружение рабочих масс—единственная гарантия.

10) Нужна ли государству полиция обычного типа и постоянная армия?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Необходимо и безусловно нужна, ибо это—единственно прочная гарантия господства капиталистов, а в случае надобности, как учит опыт всех стран, это очень облегчает обратный переход от республики к монархии.

В, (с.-д. и с.-р.). С одной стороны, пожалуй, не нужна. С другой стороны, не преждевременны ли коренные изменения? Впрочем, мы поговорим в контактной комиссии.

Г, («большевики»). Безусловно не нужна. Тотчас и безусловно всюду проводить поголовное вооружение народа, слияние его с милицией и армией: капиталисты должны платить рабочим за дни службы в милиции. .

11) Нужно ли государству чиновничество обычного типа?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Безусловно да. Это—на 9 десятых сынки и братья помещиков и капиталистов. Они должны остаться привилегированной, на деле несменяемой группой лиц.

В, (с.-д. и с.-р.). Едва ли уместно сразу ставить вопрос, поставленный практически Парижской Коммуной.

Г, («большевики»). Безусловно не нужно. Необходима не только выборность, но сменяемость в любое время всех чиновников и всех и всяких депутатов. Плата им не выше платы хорошему рабочему. Замена их (постепенно) всенародной милицией и ее отрядами.

12) Надо ли, чтобы офицеры выбирались солдатами?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Нет. Это вредно помещикам и капиталистам. Если нельзя иначе сладить с солдатами, надо на время обещать им эту реформу, а потом поскорее отобрать.

В, (с.-д. и с.-р.). Надо.

Г, («большевики»). Не только надо выбирать, но каждый шаг офицера и генерала должны проверять особые выборные от солдат.

13) Полезно ли самочинное смещение начальства солдатами?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Безусловно вредно. Гучков же запретил это. Он уже пригрозил насилием. Надо поддержать Гучкова.

В, (с.-д. и с.-р.). Полезно, но остается неясным, сначала ли надо сместить, а потом пойти в контактную комиссию, или наоборот.

Г, («большевики»). Полезно и необходимо во всех отношениях. Только выборных властей солдаты слушаются, только их они уважают.

14) За данную войну или против нее?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Безусловно за, ибо она несет неслыханно большие прибыли капиталистам и обещает упрочить их господство благодаря разъединению рабочих и натравливанию их друг на друга. Рабочих будем надувать, называя войну оборонительной и направленной собственно к свержению Вильгельма.

В, (с.-д. и с.-р.). Мы вообще против империалистической войны, но готовы дать себя обмануть и назвать «революционным оборончеством» поддержку империалистической войны, ведомой империалистическим правительством Гучкова-Милюкова и К^о.

Г, («большевики»). Безусловно против империалистической войны вообще; против *всех* буржуазных правительств, ведущих ее, против нашего Временного Правительства в том числе; безусловно против «революционного оборончества» в России.

15) За грабительские международные договоры (об удушении Персии, дележе Китая, Турции, Австрии и проч.), заключенные царем с Англией, Францией и проч., или против?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Всецело и безусловно за. При этом публиковать договоры нельзя как потому, что англо-французский империалистический капитал и его правительства не

позволят этого, так и потому, что русский капитал не может открыть всей публике своих грязных проделок.

В, (с.-д. и с.-р.). Против, но мы еще надеемся, что контактной комиссией и рядом «кампаний» в массах можно «повлиять» на правительство капиталистов.

Г, («большевики»). Против. Вся задача—разъяснять массам полнейшую безнадежность ждать чего-либо в этом отношении от капиталистических правительств и необходимость перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам.

16) За аннексии или против?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Если аннексии совершены германскими капиталистами и их разбойничьим вождем, Вильгельмом, то мы против. Если английскими, то мы не против, ибо они—«наши» союзники. Если нашими капиталистами, насильно удерживающими в границах России народы, кои поработал царь, то мы за, мы не называем это аннексиями.

В, (с.-д. и с.-р.). Против аннексий, но мы еще надеемся, что можно и от правительства капиталистов добиться «обещания» отказаться от них.

Г, («большевики»). Против аннексий. Все обещания капиталистических правительств отказаться от аннексий—сплошной обман. Чтобы разоблачить его, есть одно средство: требовать освобождения народов, угнетенных *своими* капиталистами.

17) За «заем свободы» или против?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Безусловно за, ибо он облегчает ведение империалистической войны, т.-е. войны *из-за того*, какой группе капиталистов господствовать над миром.

В, (с.-д. и с.-р.). За, ибо неправильная позиция «революцион. оборончества» осуждает нас на это явное отступление от интернационализма.

Г, («большевики»). Против, ибо война остается империалистической, ведут ее капиталисты в союзе с капиталистами, в интересах капиталистов.

18) За то, чтобы капиталистические правительства выявляли волю народов к миру или против?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). За, ибо опыт французских республиканских социал-шовинистов лучше всего показал возможность обмануть этим народ: сказать можно, что угодно, а на деле мы

удержим добычу, награбленную нами у немцев (колонии их), но отнимем у немцев ту добычу, которую награбили *эти* разбойники!

В, (с.-д. и с.-р.). *За*, ибо мы еще не потеряли вообще многих неосновательных надежд, возлагаемых мелкой буржуазией на капиталистов.

Г, («большевики»). Против, ибо сознательные рабочие не питают *никаких* надежд насчет капиталистов, и наша задача—разъяснять массам неосновательность этих надежд.

19) Надо ли свергать вообще всех монархов?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Нет, английского, итальянского и союзных вообще свергать не надо, а только германского, австрийского, турецкого, болгарского, ибо победа над ними удеситерит наши прибыли.

В, (с.-д. и с.-р.). Надо установить «очередь» и начать непременно с свержения Вильгельма; с союзными монархами, пожалуй, можно погодить.

Г, («большевики»). Очереди для революции установить нельзя. Надо помогать *только* революционерам *на деле* и во всех без исключения странах свергать *всех* монархов.

20) Надо ли крестьянам тотчас брать все помещичьи земли?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Ни в каком случае. Надо ждать Учредительного Собрания. Шингарев уже разъяснил, что если капиталисты захватывают власть у царя, то это есть великая и славная революция, а если крестьяне отбирают земли у помещиков, то это есть самоуправство. Нужны примирительные комиссии, в которых помещиков и крестьян будет поровну, а председатели будут из чиновников, т.-е. из тех же капиталистов и помещиков.

В, (с.-д. и с.-р.). Лучше, чтобы крестьяне подождали Учредительного Собрания.

Г, («большевики»). Надо брать всю землю тотчас; устанавливать строжайший порядок через Советы Кр. Деп. Производство хлеба и мяса должно увеличиться: солдаты должны питаться лучше. Портить скот, орудия и пр. безусловно недопустимо.

21) Можно ли ограничиться одними Советами Крестьянских Депутатов для распоряжения землей и всеми деревенскими делами вообще?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Помещики и капиталисты вообще против единовластия и всевластия Советов Крестьянских Дену-

татов в деревнях. Но, если уже нельзя избежать этих Советов, то, конечно, лучше ограничиться ими, ибо богатые крестьяне—те же капиталисты.

В, (с.-д. и с.-р.). Пока, пожалуй, можно и ограничиться, хотя с.-д. «в принципе» не отрицают необходимости особой организации сельско-хозяйственных наемных рабочих.

Г, («большевики»). Невозможно ограничиться одними общими Советами Крестьянских Депутатов, ибо богатые крестьяне те же капиталисты, которые всегда будут склонны обидеть или обмануть батраков, поденщиков и беднейших крестьян. Необходимо создавать тотчас же особые организации этих последних разрядов деревенского населения и внутри Советов Крестьянских Депутатов и в виде особых Советов Депутатов от сельско-хозяйственных рабочих.

22) Следует ли народу взять в свои руки самые крупные и самые сильные, монополистические организации капиталистов, банки, синдикаты заводчиков и т. п.?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Ни в каком случае не следует, ибо это может повредить помещикам и капиталистам.

В, (с.-д. и с.-р.). Вообще говоря, мы за переход таких организаций в руки всего народа, но сейчас об этом думать и это готовить рано.

Г, («большевики»). Немедленно следует *готовить* Советы Рабочих Депутатов, Советы Депутатов банковских служащих и т. п. к тому, чтобы начать практически возможные и вполне осуществимые шаги сначала к слиянию всех банков в один национальный, потом к контролю Советов Рабочих Депутатов за банками и синдикатами, затем к национализации их, т.-е. передаче в собственность всего народа.

23) Какой социалистический интернационал, проводящий и осуществляющий братский союз между рабочими всех стран, нужен сейчас народам?

А, (правее к.-д.), Б, (к.-д.). Вообще говоря, для капиталистов и помещиков вреден и опасен всякий социалистический интернационал, но если немецкий Плеханов, т.-е. Шейдеман, сойдется и согласится с русским Шейдеманом, т.-е. Плехановым, если они откроют друг у друга следы социалистической совести, то, пожалуй, нам, капиталистам, следует приветствовать *такой* интерна-

ционал *таких* социалистов, которые становятся на *сторону своих* правительств.

В, (с.-д. и с.-р.). Нужен социалистический интернационал, объединяющий всех: и Шейдеманов и Плехановых, *и* людей «центра», т.-е. колеблющихся между социал-шовинизмом и интернационализмом. Чем больше каша, тем больше «единство»: *а* здраствует великое социалистическое единство.

Г, («большевики»). Народам нужен только такой интернационал, который объединяет действительно революционных рабочих способных положить конец ужасной и преступной войне народов, способный избавить человечество от ига капитала. Только такие люди (группы, партии и т. п.), как немецкий социалист Карл Либкнехт, сидящий в каторжной тюрьме, только люди, борющиеся беззаветно и со *своим* правительством, и со *своей* буржуазией, и со *своими* социал-шовинистами, и со *своим* «центром», могут и должны немедленно составить необходимый народам интернационал.

24) Необходимо ли поощрять братание на фронте между солдатами воюющих стран?

А, (правее к.-д.), В, (к.-д.). Нет. Это вредно для интересов помещиков и капиталистов, ибо может ускорить освобождение человечества из-под их гнета.

В, (с.-д. и с.-р.). Да. Это полезно. Но мы не все твердо убеждены в том, что за такое поощрение братания *надо* браться немедленно во всех воюющих странах.

Г, («большевики»). Да. Это полезно и необходимо. Безусловно необходимо немедленно во всех воюющих странах поощрять попытки братания между солдатами *обеих* воюющих групп.

25) Какого цвета знамя соответствовало бы природе и характеру различных политических партий?

А, (правее к.-д.). Черное, ибо это настоящие черн осотенцы.

Б, (к.-д.). Желтое, ибо это международное знамя рабочих, служащих капиталу не за страх, а за совесть.

В, (с.-д. и с.-р.). Розовое, ибо вся их политика *есть* политика розовой водицы.

Г, («большевики»). Красное, ибо это *есть* знамя всемирной пролетарской революции.

Написана в начале апреля 1917 г.

Издана отдельной брошюрой

в июне-июле 1917 г.

Бесстыдная ложь капиталистов.

Мало того, что газеты капиталистов лгут и ведут погромную агитацию против «Правды», что «Речь» соперничает в этом отношении с той самой «Русской Волей», к которой сама не может относиться без презрения.

Теперь и министры правительства капиталистов заговорили языком «Русской Воли». «Речь» приводит сегодня слова министра Некрасова ⁶¹⁾, который заявлял на Московском собрании партии к.-д. 9 апреля:

«Страшна та проповедь насилия, которая ныне раздается на Каменноостровском проспекте».

Господин министр, подражая «Русской Воле», бессовестно лжет, обманывает народ, помогает погромщикам, прячась за спину их и не решаясь назвать прямо ни одного имени, ни газеты, ни оратора, ни партии.

Господин министр предпочитает темные намеки—авось, кто-нибудь не поймет!

Но все политически грамотные люди поймут: г. министр говорит об органе Ц. К. Росс. С.-Д. Р. П. «Правде» и ее единомышленниках.

Вы лжете, г. министр, г. член партии «народной свободы». Проповедь насилия ведет г. Гучков, грозя карами солдат за смещение властей. Проповедь насилия ведет дружественная вам «Русская Воля», погромная газета погромных «республиканцев».

«Правда» и ее единомышленники не только не проповедают насилия, а, напротив, говорят с полнейшей ясностью, точностью и определенностью, что весь центр тяжести работы для нас лежит сейчас в *разъяснении* пролетарским массам их пролетарских задач в отличие от поддавшихся шовинистскому угару мелкой буржуазии.

Пока вы, г.г. капиталисты, Гучков и К^о, ограничиваетесь только угрозами насилия, пока вы не прибегли к насилию, пока существуют Советы Раб. и Солдатских Депутатов, пока вы не выполнили ваших угроз против Советов (такие угрозы прямо печатал, напр., сотрудник г. Милюкова, корреспондент «Times», г. Вильтон), пока нет насилия над массами с вашей стороны, до тех пор мы, правдисты, заявляем и повторяем, что мы признаем Советы Рабочих и Солдатских Депутатов *единственно возможной* формой правительства.

Борьба за влияние среди пролетарских масс, борьба за влияние среди Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, *разъяснение* ошибок их тактики, разъяснение всей обманчивости шовинистского (=революционно-оборонческого) угара—вот наша, всех правдивых, всей нашей партии тактика теперь и до тех пор, пока вы, г.г. капиталисты, вы, в руках которых командный состав армии, *не начали насилия*.

Г. министр Некрасов прекрасно знает это,—хотя бы даже из тех цитат, которые сама «Речь» вынуждена была привести. Г. министр подражает «Русской Воле», он хочет ложью, клеветой, травлей, угрозами погромов *помешать* спокойному разъяснению истины.

Не удастся, г.г. Некрасовы, не удастся!

Рабочие и солдаты хотят знать правду, хотят разобраться в вопросах войны, мира, государственного устройства. И они станут разбираться в них.

*«Правда» № 30,
12 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

Речь к солдатам.

(На митинге в Измайловском полку ⁸²⁾).

Вчера на митинге измайловцев, где выступали т. Зиновьев и я, после агитатора от П. К., я говорил следующее:

Товарищи солдаты! Вопрос о государственном устройстве стоит теперь на очереди. Капиталисты, в руках которых сейчас государственная власть, хотят парламентарной буржуазной республики, т.-е. такого государственного порядка, когда царя нет, но господство остается у капиталистов, управляющих страной посредством старых учреждений, именно: полиции, чиновников, постоянной армии.

Мы хотим иной, более соответствующей интересам народа, более демократической республики. Революционные рабочие и солдаты Питера свергли царизм и дочиста очистили столицу от полиции. Рабочие всего мира с восторгом и надеждою смотрят на революционных рабочих и солдат России, как на передовой отряд всемирной освободительной армии рабочего класса. Начав революцию, надо укреплять и продолжать ее. Не дадим же восстановить полиции! Вся власть в государстве, снизу доверху,

от самой захолустной деревушки до каждого квартала в Питере, должна принадлежать Советам Рабочих, Солдатских, Батрацких, Крестьянских и т. д. Депутатов. Центральной государственной властью должно быть объединяющее эти местные Советы Учредительное собрание или Народное собрание или Совет Советов,— дело не в названии.

Не полиция, не чиновники, безответственные перед народом, стоящие над народом, не постоянная армия, отрезанная от народа, а *сам вооруженный поголовно народ*, объединенный Советами,—вот кто должен управлять государством. Вот кто установит необходимый порядок, вот какую власть будут не только слушаться, *но и уважать* рабочие и крестьяне.

Только такая власть, только сами Советы Солдатских и Крестьянских Депутатов могут, не в интересах помещиков и не починнически, решить великий вопрос о земле. Земля не должна принадлежать помещикам. Землю крестьянские Комитеты должны тотчас отобрать у помещиков, строго охраняя при этом от порчи всяческое имущество и заботясь об *увеличении* производства хлеба, чтобы солдаты на фронте были лучше обеспечены. Вся земля должна принадлежать всему народу, а распоряжаться ею должны местные Советы Крестьянских Депутатов. Чтобы богатые крестьяне—те же капиталисты—не могли обидеть и обмануть батраков и беднейших крестьян, необходимо или совещаться, спланиваться, объединяться самим, отдельно, или устраивать свои собственные Советы Батрацких Депутатов.

Не дайте восстановить полиции, не отдавайте ни государственной власти, ни управления государством в руки невыборных, неменяемых, по буржуазному оплачиваемых чиновников, объединитесь, спланивайтесь, организуйтесь сами, никому не доверяя, полагаясь только на свой ум, на свой опыт,—и тогда Россия сможет твердыми, мерными, верными шагами пойти к освобождению и нашей страны и всего человечества как от ужасов войн, так и от гнета капитала.

Наше правительство, правительство капиталистов, продолжает войну из-за интересов капиталистов. Как немецкие капиталисты с своим коронованным разбойником, Вильгельмом, во главе, так и капиталисты *всех* других стран ведут войну из-за дележа прибыли капиталистов, из-за господства над миром. Сотни миллионов людей, почти все страны земли втянуты в эту преступную войну, сотни миллиардов капитала вложены в «доходные» предприятия, несущие народам смерть, голод, разорение, одичание, а

капиталистам бешеные, скандально-высокие прибыли. Чтобы вырваться из этой ужасной войны и заключить действительно демократический, не насильнический мир, есть только один путь: переход всей государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Рабочие и беднейшие крестьяне, не заинтересованные в охране прибыли капитала, в грабеже слабых народов, смогут действительно осуществить то, что только сулят капиталисты, именно покончить войну прочным миром, обеспечивающим свободу всем без исключения народам.

*«Правда» № 30,
12 апреля 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.*

Война и Временное Правительство.

... Мы все - таки заставили Временное Правительство отказаться от аннексий

Из речи Ю. Стеклова, произнесенной 4 апр. в Таврическом Дворце.

... Как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы...

Из речи П. Милюкова («Речь» 11 апр.).

Шаг за шагом вожди Временного Правительства разоблачают свою истинную политику в отношении войны. Уже в пресловутой декларации Временного Правительства рядом со словесным «отказом» от аннексий говорилось о том, что «наши» договоры с английским и французским правительствами остаются в силе. Прошла пара недель, и в газете «Речь», органе министра иностранных дел г. Милюкова, мы читаем:

Заявление Милюкова.

В бытность свою в Москве министр иностранных дел П. Н. Милюков на собрании членов партии народной свободы сделал следующее заявление:

«Декларация Временного Правительства о целях войны содержит не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже про-

возглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран. Условия мира могут быть выработаны не иначе, как в согласии с нашими союзниками согласно лондонской конвенции. Как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы воссоединения Польши, Армении, удовлетворение национальных стремлений австрийских славян».

(«Речь» 11/24 апреля 1917 г., № 83).

Это заявление министра иностранных дел Милюкова, без всякого сомнения, обойдет всю иностранную печать и усилит воинственное настроение в Германии. Милюков помогает германским империалистам разжигать шовинизм в Германии, *Милюков помогает Вильгельму II вести грабительскую войну «до конца»*.

Разберем заявление г. Милюкова Декларация Временного Правительства о целях войны (то самое, которое Ю. Стеклов по печальному недоразумению называет отказом от аннексий) содержит—говорит Милюков—не условия мира, а «лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран». В переводе на простой язык сие означает: отказ от аннексий это лишь парадная фраза, «общие принципы», слова, слова, слова. Этих слов сколько угодно говорили и «наши» союзники. А действительные условия «мира»—это нечто совсем другое.

Один государственный деятель,—если не ошибаемся—Бисмарк,—сказал: принять «в принципе» на языке дипломатов означает отвергнуть на деле. Так и у Милюкова. «В принципе» он против аннексий, на деле он за аннексию, и ради этого он стоит за войну «до конца».

Парадные фразы, это—еще не условия мира,—заявляет нам г. Милюков!

Каковы же его условия мира?

Условия эти предусмотрены лондонской конвенцией. К ней и отсылает нас Милюков.

Но кем заключена эта конвенция (договор)? Царем Николаем II с английскими и французскими капиталистами! Значит, договоры, заключенные царской шайкой, остаются в силе? Значит, мы воюем во имя этих грабительских договоров, заключенных царской шайкой и «союзными» банкирами.

Захват Польши, Армении, захваты в Австрии (о Константинополе г. Милюков на этот раз умолчал)—вот к чему сводится программа мира г. Милюкова.

Что скажут по поводу последнего заявления министра иностранных дел Милюкова вожди большинства Совета Рабочих Депутатов? Ограничатся тем, что от имени «контактной» комиссии «поставят на вид» Милюкову эти слова... Куда девался тот отказ «Временного Правительства от аннексий», которого «все-таки» добились от последнего Ю. Стеклов и Н. Чхеидзе.

Никакого двоевластия в России не существует. Совет Рабочих Депутатов только осуществляет благожелательный контроль над Временным Правительством. Так говорил, если верить газетным отчетам, Н. С. Чхеидзе на военном съезде в Минске.

Вот куда мы пришли с этим благожелательным контролем! От имени России продолжают говорить люди, разжигающие войну. Рабочих и солдат кормят общими фразами о мире без аннексий, а под сурдинку проводится политика, выгодная только кучке миллионеров, наживающихся на войне.

Товарищи рабочие и солдаты! На всех собраниях читайте и разъясняйте приведенное выше заявление Милюкова! Заявите, что вы не желаете умирать во имя тайных конвенций (договоров), заключенных царем Николаем II и остающихся священными для Милюкова!

*«Правда» № 31,
13 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

По стопам „Русской Воли“.

Приемы «Русской Воли», от которой даже кадеты отворачиваются с презрением, находят себе все больше подражателей. Посмотрите на «Единство» г. Плеханова. Желая «разоблачить» «Правду», г. Плеханов берет первый тезис Ленина, цитирует слова, что война со стороны России остается грабительской, империалистической войной, и победоносно вопрошает:

«А как обстоит дело со стороны Германии? Об этом у Ленина не сказано ничего».

Так, буквально так. Читаешь и глазам не веришь. Неужели в самом деле г. Плеханов дошел уже вполне до черты «Нового Времени» и «Русской Воли»? Невероятно, но факт налицо.

Бесстыдство г. Плеханова переходит все пределы. Он прекрасно знает литературу большевиков, изданную за границей. Он превосходно знает, что бесчисленное количество раз все больше-

вики без исключения, и в речах, и в статьях, и в резолюциях заявляли: война со стороны Германии является *столь же* грабительской, империалистской, как и со стороны всех остальных воюющих «великих» держав. Капиталисты Германии, их коронованный разбойник—глава Вильгельм—такие же империалистские хищники, как капиталисты других стран.

Повторяем: ни один грамотный человек, хоть что-либо знающий о большевиках, не может не знать, что такое наше мнение. И г. Плеханов прекрасно знает это. Он знает, что заграничная брошюра Зиновьева и Ленина «Социализм и война» была в Швейцарии издана также по-немецки, была тайком ввозима в Германию. А про Германию прямее прямого говорится в этой брошюре, что Германия ведет грабительскую войну из-за «ограбления конкурирующих стран», что Германия есть «*молодой и сильный разбойник*», что «*германские империалисты бесстыдно нарушили нейтралитет Бельгии*, как делали всегда и везде воюющие государства, попиравшие в случае надобности все договоры и обязательства»;—что «Каутский безыдейно примиряет основную мысль социалшовинизма, признание защиты отечества в данной войне с показной уступкой левым»;—что «оппортунисты-шовинисты *нигде* не дошли до такой степени падения и ренегатства, как в Германии».

Г. Плеханов превосходно знает это—и опускается до приемов «Нового Времени» и «Русской Воли», старается изобразить правдистов германофилами.

Издеваясь над марксизмом, г. Плеханов, далее, цепляется за то, кто кому *объявил* войну.

Г. Плеханов забыл, что для марксистов война есть *продолжение политики*, которую вели определенные правительства, представляющие определенные классы.

Что Николай II и Вильгельм II представляли оба реакционные и капиталистические классы своих стран, что оба они вели за последние десятилетия политику грабежа чужих стран, грабежа Китая, удушения Персии, кромсания и дележа Турции,—это факт. Если бы г. Плеханов прикоснулся—хотя бы только прикоснулся—к истории дипломатии и внешней политики за последние десятилетия, он не мог бы не заметить этого, он не осмелился бы отрицать это.

И как раз эту грабительскую, империалистскую политику, тесно связанную с банковым капиталом обеих стран, *продолжали* Николай II и Вильгельм II данной войной.

А если война ведется между двумя группами хищников и угнетателей из-за дележа разбойничьей добычи, из-за того, *кому больше* душить народов, *кому больше* наgrabить, то для *такой* войны никакого ни экономического, ни политического значения не имеет вопрос, кто первый начал, кто объявил войну и т. п.

Г. Плеханов опустился,—совершенно так же, как и немецкие Плехановы, Шейдеманы и К^о,—до уровня самого вульгарного, самого дюжинного буржуазного шовиниста, не желающего знать (или никогда не знавшего) о том, что война есть продолжение политики, что война и политика связаны с интересами определенных классов, что надо разобрать, какие классы из-за чего воюют.

Бешеная, бесстыдная ложь, прикрытие грабительской политики Николая II,—политики, которой не изменили Львов с К^о (они даже договоры царя подтвердили!),—вот вся премудрость г. Плеханова.

Не пойдут за этой ложью ни сознательные рабочие, ни сознательные солдаты.

*«Правда» № 31,
13 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

Союз лжи.

Один прием буржуазной печати всегда и во всех странах оказывается наиболее ходким и «безошибочно» действительным. Лги, шуми, кричи, повторяй ложь—«что-нибудь останется».

«Шумит Ленин во дворце Кшесинской, шумит во-всю», пишет «Речь». «Ленин говорил на митинге Модерн с крыши», пишет ряд газет.

И все—неправда. На митинге Модерн Ленина не было. Шуметь Ленин вовсе не шумел, ибо имел *один* доклад перед большевиками и меньшевиками и ряд небольших статей в маленькой газете «Правда».

Шумят капиталисты и пресса капиталистов, вот кто «шумит во-всю», стараясь *перекричать*, не дать выслушать правды, залить все потоком брани и выкриков, *помешать* деловому *разъяснению*.

В этом суть попытки капиталистов в данный момент, а также тех горе-социалистов, которые перешли вполне на сторону капиталистов, вроде г. Плеханова.

«Речь» сегодня в передовице особенно «государственно-важной» кричит опять против «проповеди анархии» и при этом особенно ясно побивает сама себя — для всякого, кто думает над прочитанным и услышанным.

«...Великая революция смела всю старую организацию власти»... Неверно. Далеко еще не всю. «Восстановить ее может только перелом народной (в широком смысле) психологии, — лучше сказать, та новая психология, которая признает необходимость ввести и обязательность подчинения».

Вот вам, воочию, явная ложь, явный союз лжи капиталистов с г. г. Плехановыми, Череваниными⁸³⁾ и К^о, кричащими об анархии.

И в науке, и в практическом разговорном обиходе установлено бесспорно, что анархизмом называется *отрицание государства* для переходного периода от капитализма к социализму.

Что социализм ведет к «отмиранию» государства, этому учит марксизм, этого не могут не знать объединившиеся на лжи Милюковы, Плехановы, Череванины и т. д.

Отрицают ли правдисты или Ленин необходимость *государства теперь?* — необходимость «организации власти»? — «обязательность подчинения ей»?

Все грамотные люди, кроме союза лгунов, прекрасно знают, что нет.

Яснее ясного сказали и повторили и «Правда», и Ленин, что все мы безусловно за необходимость государства и организации власти не только в данное время, но и для позднейшего исторического момента перехода от капитализма к социализму.

Только союз лжи может отрицать это или не видеть этого.

Вопрос в том, *какую* «организацию власти» мы *предлагаем народу*.

Не старую организацию власти, не полицию, не чиновничество, не постоянную армию, а новую — *Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и т. д. Депутатов*.

Такие Советы уже существуют, уже рождены революцией, уже *признаны, как полувласть*, всеми, даже правительством капиталистов.

И мы сказали яснее ясного, что *такие* Советы *единственно возможная* форма революционного правительства.

Что может быть недвусмысленнее этого?

Раз «единственно возможная», — значит надо действовать только разъяснением, пока кто-либо не перешел к насилию над массами.

«Необходимость власти и обязательность подчинения» правды все признали и проповедают народу.

Милюковы, Плехановы, Череванины и К^о лгут, чтобы скрыть от народа правду; лгут, чтобы замолчать *главное*: вопрос о классовом характере *той* или *иной* организации власти.

В этом суть.

Капиталист называет «анархией» Советы Раб. и пр. Депутатов, ибо *такая* организация власти не связывает народ заранее и безусловно игом капиталистов, а дает свободу и порядок вместе с возможностью мирного и постепенного перехода к социализму.

Этим и только этим недовольны, возмущены, озлоблены капиталисты. Отсюда — союз лжи. Отсюда — моря клевет и вой злобы.

Отсюда прикрытая, прячущаяся за намеками *погромная* агитация, которую ведет «Речь» в названной передовице, призывая к «противодействию», к отказу от «равнодушия», «пассивности» и проч.

Если за вами большинство народа, господа, если прочен ваш союз с Советом (в котором большинство сейчас *не наше*: мы ясно сказали это), — то чего боитесь, господа, зачем вы лжете?

Мы хотим только *разъяснить* рабочим и беднейшим крестьянам ошибки их тактики. Мы признаем *Советы* единственно возможной властью. Мы проповедаем необходимость власти и обязательность подчинения ей.

Чего же вы боитесь? Зачем вы лжете?

Вы боитесь именно правды. Вы лжете, чтобы *замаять* погромщиками, клеветой, насилием, грязью возможность *разъяснения* правды.

Это видят уже и некоторые наши противники. Прочтите сегодня «Дело Народа» ⁸⁴⁾, орган партии с.-р., орган, где участвует министр Керенский.

Этот орган пишет о Плеханове, вернейшем союзнике «Рус. Воли» и «Речи», —... «такие слова, такой метод борьбы мы привыкли видеть на страницах «Русской Воли». И видеть их в статьях социалистов, по чистой совести, тяжело и больно»...

Так пишут наши противники.

Так пишут демократы, у которых проснулась совесть демократа.

Устыдить Милюковых, Плехановых, Череваниных дело безнадежное, но если даже газета, в которой участвует министр Керенский, брезгливо отворачивается от бешено-шовинистских

клеветнически грязных, погромом пахнущих приемов Плеханова, то мы можем сказать:

Мертвые люди — герои таких приемов.

*«Правда» № 32,
14 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

Банки и министры.

Бывший министр иностранных дел и нынешний товарищ председателя центрального военно-промышленного комитета Н. Н. Покровский ⁸⁵⁾ вступил членом Совета в Русский для внешней торговли банк. В члены Совета банка вступает также бывший председатель Совета Министров граф В. Н. Коковцев.

Этим известием обрадовали нас вчерашние вечерние газеты.

Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр. За «войну до конца» — и сегодня и завтра.

Так обстоит дело не только в России, но и всюду, где царствует капитал. На войне наживается кучка банкиров, которая держит в руках весь мир.

— Нам скажут, пожалуй: но Покровский и Коковцев ведь были министрами при старом режиме, а ныне мы живем в обновленной России.

Ответим на это вопросом:

— *А в скольких банках участвуют (директорами, пайщиками, фактическими хозяевами) нынешние министры Гучков, Терещенко, Коновалов? ⁸⁶⁾*

Товарищи банковские служащие (которым, в скобках сказать, необходимо поскорее организовать свой союз) хорошо сделают, если соберут по этому поводу материал и опубликуют его в рабочей печати.

*«Правда» № 32,
14 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

Граждане! Поймите, в чем состоят приемы капиталистов в с е х странах!

Сегодня «Речь» кончает редакционную статью следующими словами:

«Германское правительство силится сохранить в Германии внутреннее единство и разъединить державы согласия. Наши

«правдисты» всячески подрывают единство революционной России и натравливают русское правительство на союзные правительства Англии и Франции. Не в праве ли мы сказать, что ленинские «молодцы» работают на фон Бетмана-Гольвега и на Вильгельма II?»

Нет, господа капиталисты, вы не в праве сказать это. Именно мы, правдисты, и только мы, не только не сохраняем в Германии внутреннее единство, а, *напротив, разрушаем* его.

Это факт, которого никакой ложью не устроят из жизни г.г. русские капиталисты.

Это факт, что мы, правдисты, и только мы, требуем безусловного и немедленного раскола немецких социалистов с немецкими Плехановыми, т.-е. Шейдемапами, и с немецким «центром», т.-е. людьми, колеблющимися, не решающимися принципиально и бесповоротно расколоться с Шейдеманами.

Это факт, что мы, правдисты, и только мы, стоим за единство *исключительно* с двумя группами немецких социалистов («Спартак» и «Рабочая Политика»), — группами, разделяющими политику Карла Либкнехта, т.-е. *политику разрушения внутреннего единства в Германии*. Политика Карла Либкнехта состоит *на деле*, а не на словах, в разрушении «внутреннего единства» капиталистов и рабочих *в Германии*.

Ясно сознавая, что германские капиталисты и их Вильгельм суть империалисты, т.-е. разбойники, Карл Либкнехт еще на конференции в Циммервальде (сентябрь 1915 г.) прислал письмо, которое не было напечатано, ибо тогда Либкнехт был еще легальным человеком. Но все, бывшие в Циммервальде, знают это письмо.

Это письмо содержало призыв: не гражданское перемирие, «а гражданская война».

Вот как проповедывал *наш* единомышленник, Карл Либкнехт, «внутреннее единство» в Германии. Вот что в немецком переводе нашей, правдистской (Зиновьева и Ленина), брошюры «Социализм и война» проповедывали мы.

И Карл Либкнехт не только говорил так, но и поступал так. С трибуны немецкого парламента он призвал солдат Германии повернуть оружие против *своего* германского правительства, а затем пошел на уличную демонстрацию с революционными прокламациями: «долой правительство».

Вот как «сился сохранить внутреннее единство в Германии» сторонник нашей, правдистской, политики, Карл Либкнехт. Вот **за** что он томится теперь в каторжной тюрьме.

И Карла Либкнехта не только вся печать немецких капиталистов прямо называет предателем и изменником, но и все газеты немецких Плехановых обвиняют его, более или менее прямо, в измене или в анархизме.

Во *всех* странах капиталисты осыпают потоками лжи и клеветы, брани и обвинений в измене тех социалистов, которые действуют, как Карл Либкнехт в Германии, как правдисты в России, т.-е. которые *разрушают* «внутреннее единство» рабочих с капиталистами *каждой* страны, с Плехановыми каждой страны, с людьми «центра» каждой страны, и *создают единство рабочих всех стран* для прекращения разбойничьей, грабительской, империалистской войны, для избавления всего человечества от ига капитала.

В Германии капиталисты травят, как изменника, Карла Либкнехта и его друзей. В Германии нашему товарищу Карлу Либкнехту тоже не раз угрожали самосудом толпы. Об этом говорил даже немецкий Плеханов, — социал-шовинист Давид. В России капиталисты травят, как изменников, правдистов. В Англии капиталисты травят, как изменника, шотландского народного учителя Маклина, томящегося тоже в каторжной тюрьме за *такое же* преступление, за такую же «измену», в которой повинен Карл Либкнехт и мы, правдисты.

Во Франции правительство капиталистов-республиканцев держит в тюрьме французского *Контана* и русского Раева за издание прокламаций: «добьешься силой мира».

Господа из «Речи», господа министры, господа члены революционного правительства! Посадите нас, правдистов, в каторжные тюрьмы или предложите народу русскому запереть нас в каторжные тюрьмы! Вот тогда вы будете на деле подражать политике «союзной» (царю Николаю II, ибо *он* заключил союзный договор!) капиталистической Англии, держащей на каторге английских правдистов.

Долой «внутреннее единство» рабочих и капиталистов *во всех* странах, ибо это «единство» осудило и осуждает человечество на ужасы разбойничьей, империалистской войны из-за интересов капиталистов!

Да здравствует единство *таких* социалистов и рабочих *всех* стран, которые не на словах только сочувствуют Карлу Либкнехту, а на деле ведут такую же политику против *своих* капиталистов!

«Правда» № 33,
15 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Честный голос в хоре клеветников.

«Маленькая Газета» печатает сегодня обращение группы солдат 4-го передового автомобильного санитарного отряда ко всем товарищам по армии, требуя расследования обстоятельств проезда Ленина и др. через Германию.

Вот это — честный голос, выделяющийся из потока грязной лжи, мутной клеветы и погромной агитации. Действительно, всякий гражданин в праве и *обязан* требовать расследования любого факта, имеющего общественное значение.

Вот это — честный путь честных людей, а не погромщиков.

И на этот путь *сразу*, в первый же день приезда вступили Ленин и *все* приехавшие с ним *сторонники разных партий*. Они сделали доклад* о преезде Иск. Комитету Совета Р. и С. Деп., они назвали в докладе *имена* социалистов двух нейтральных стран, Швейцарии и Швеции, подписавших протокол о поездке, выслушавших *все* документы. В Исп. Ком. были Чхеидзе, Церетели, Скобелев, Стеклов и др. Они постановили напечатать и доклад и постановление Иск. Ком. в «Известиях»

После доклада постановлено: «Исполнительный Комитет, заслушав доклад тов. Зурабова и Зиновьева, постановил немедленно обратиться к Временному Правительству и принять меры к немедленному пропуску всех эмигрантов в Россию, независимо от их политических взглядов и отношений к войне».

И то и другое напечатано в «Известиях Совета» № 32, от 5 апр. 1917 года.

Честно ли, разумно ли *не* перепечатывать этого доклада и постановления и вести погромную агитацию?

Правильно ли поступили товарищи из 4-го передового автомобильного санитарного отряда, которые уже торопятся и «клеить» приехавших, и бранить их «предателями», и посылать им «проклятие», и осыпать их другими ругательствами, *не обсудив* того, что напечатано в «Известиях»?

Не означает ли это именно анархизма, именно *призыва не уважать* выбранных рабочими и солдатами членов Исп. Комитета?

«Правда» № 33,
15 апреля 1917 г.,
за подписью Н. Лени.

Солдаты и земля

Большинство солдат—из крестьян. Всякий крестьянин знает, как угнетали и угнетают народ помещики. А в чем сила помещиков?

В земле.

У помещиков десятки миллионов десятин земли. Поэтому миллионам крестьянских семей ничего не остается, как идти в кабалу к помещикам.

Никакие «свободы» не помогут крестьянам, пока помещики владеют десятками миллионов десятин земли.

Надо, чтобы все земли помещиков отошли к народу. Надо, чтобы все земли в государстве перешли в собственность всего народа. А распоряжаться землей должны местные Советы Крестьянских и Батрацких Депутатов.

Как добиться этого? Надо немедленно устраивать по всей России, в каждой без исключения деревне Советы Крестьянских и Батрацких Депутатов по образцу Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в городах. Если *сами* крестьяне и батраки не объединятся, если *сами* не возьмут собственной судьбы в свои собственные руки, то никто в мире им не поможет, никто их не освободит из кабалы у помещиков.

А чтобы сами крестьяне на местах могли немедленно взять всю землю у помещиков и распорядиться ею правильно, соблюдая полный порядок, оберегая всякое имущество от порчи,—для этого надо, чтобы солдаты помогли крестьянам.

Крестьяне, рабочие, солдаты — огромное большинство в государстве. Это большинство *хочет*, чтобы все земли немедленно перешли в руки Советов Крестьянских Депутатов. Никто не сможет помешать большинству, *если* оно хорошо организовано (сплочено, объединено), *если* оно сознательно, *если* оно вооружено.

Солдаты! Помогите объединению и вооружению всех рабочих и всех крестьян!

Солдаты! Объединяйтесь сами крепче и теснее сливайтесь с рабочими и крестьянами! Не давайте вооруженной силы отнять из ваших рук!

Тогда и только тогда народ получит всю землю, народ избавится от кабалы у помещиков.

«Солдатская Правда» № 1,
15 апреля 1917 г.,
с подписью Н. Лени.

Съезд крестьянских депутатов.

В Таврическом дворце происходит с 13 апреля съезд представителей крестьянских организаций и Советов Крестьянских Депутатов, съехавшихся для выработки положения о созыве Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и создания таких же советов на местах

На съезде, по словам «Дела Народа», участвуют представители более 20 губерний.

Приняты резолюции о необходимости скорейшей организации «крестьянства» снизу «доверху». «Наилучшей формой организации крестьянства» признаны «Советы Крестьянских Депутатов различных районов действия».

Член временного бюро к созыву происходящего съезда Быковский указал, что организовать крестьянство путем создания Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов решил Московский Кооперативный съезд, представляющий 12 миллионов организованных членов или 50 миллионов населения.

Это—гигантской важности дело, которое надо поддерживать всеми силами. Если оно будет без замедления проведено в жизнь, если крестьянство, вопреки голосу Шингарева, будет по решению большинства, а не его «добровольному соглашению» с помещиками, брать в свои руки всю землю тотчас, то не только выиграют солдаты, получая больше хлеба и мяса,—выиграет и дело свободы.

Ибо организация самих крестьян, непременно снизу, непременно без чиновников, без «контроля и надзора» помещиков и их прихвостней, есть вернейший и единственный залог успеха революции, успеха свободы, успеха освобождения России от ига и кабалы помещиков.

Нет сомнения, все члены нашей партии, все сознательные рабочие всеми силами поддержат организацию Совета Крестьянских Депутатов, позаботятся об увеличении их числа, об укреплении их силы, напрягут со своей стороны усилия, чтобы внутри этих Советов вести работу в последовательно и строго пролетарском классовом направлении.

Чтобы вести такую работу, надо спланировать отдельно пролетарские (батрацкие, поденщицкие и т. п.) элементы *внутри* общекрестьянских Советов или (а иногда и) организовывать отдельные Советы Батрацких Депутатов.

Не раздробление сил преследуем мы этим; напротив, для того, чтобы усилить и расширить движение, надо поднимать *самый «низкий»*, по терминологии помещиков и капиталистов, слой или, вернее, класс.

Для того, чтобы двигать движение вперед, надо высвободить его из-под влияния буржуазии, стараться очищать это движение от неизбежных слабостей, колебаний, ошибок мелкой буржуазии.

Надо вести эту работу товарищеским убеждением, не упреждая событий, не торопясь «закреплять» организационно того, что еще недостаточно сознано, продумано, понято, прочувствовано *самими* представителями пролетариев и полупролетариев в деревне. Но работу эту надо вести, ее надо начать немедленно и повсюду.

Практическими требованиями, лозунгами,—вернее, предложениями, которые надо ставить, привлекая к ним *внимание* крестьян, должны быть очередные, злободневные вопросы самой жизни.

Первый вопрос—о земле. Пролетарии деревни будут за полный и немедленный переход *всей* без изъятия земли ко всему народу и за немедленное взятие земли в распоряжение местными комитетами. Но землю нельзя есть. Многие миллионы дворов без лошади, без орудий, без семян ничего не выиграют от перехода земли к «народу».

Надо немедленно ставить на обсуждение вопрос о том, и принимать практические меры к тому, чтобы крупные хозяйства, при малейшей к тому возможности, продолжали вестись, как крупные, под руководством агрономов и Советов Батрацких Депутатов, с наилучшими машинами, семенами, с применением наилучших приемов земледельческой техники.

Мы не можем скрывать ни от крестьян, ни тем более от пролетариев и полупролетариев деревни, что мелкое хозяйство, при сохранении товарного хозяйства и капитализма, *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс,—что надо *думать* о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и *браться за него тотчас*, уча массы и *учась у масс* практически целесообразным мерам такого перехода.

Другой важнейший, злободневнейший вопрос: вопрос государственного устройства и управления. Недостаточно демократию проповедывать, недостаточно ее провозглашать и постановлять, недостаточно верить ее осуществление «представителям» народа в представительных учреждениях. Надо *строить* демократию *тотчас*, снизу, почином самих масс, их действительным участием *во*

всей государственной жизни, без «надзора» сверху, без чиновников.

Замена полиции, чиновничества, постоянной армии всеобщим, поголовным вооружением народа, всеобщей, поголовной, непременно с участием женщин, *милицией*—вот то практическое дело, за которое можно и должно браться немедленно. Чем больше почина, разнообразия, смелости, творчества внесут в это дело массы, тем лучше. Не только пролетарии и полупролетарии деревни,—девять десятых всего крестьянства, наверное, пойдет за нами, если мы сумеем ясно, просто, понятно, на живых примерах и уроках живой жизни пояснить наше предложение:

— не дать восстановить полиции;

— не дать восстановить всевластия чиновников, на деле неменяемых и принадлежащих к классу помещиков или капиталистов;

— не дать восстановить отделенной от народа постоянной армии, вернейшего залогом всяких попыток отнять свободу, вернуться к монархии;

— учить народ, до самого низу, искусству государственного управления не только книжкой, а немедленным, повсеместным переходом к практике, к применению опыта масс.

Демократия снизу, демократия без чиновников, без полиции, без постоянной армии. Несение общественной службы поголовно вооруженной, всенародно составленной *милицией*—вот залог такой свободы, которой не смогут отнять ни цари, ни brave генералы, ни капиталисты.

*«Правда» № 34,
16 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

Наши взгляды.

(Ответ на резолюцию Исполнительной Комиссии Совета Солдатских Депутатов.)

Газеты от 16 апреля печатают следующую резолюцию:

«Обсудив сообщение товарищей о распространении дезорганизаторской пропаганды, прикрывающейся революционным, часто даже социал-демократическим флагом, в частности о пропаганде так наз. ленинцев, и считая эту пропаганду не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа, признавая в то же время невозможным принимать репрессивные меры про-

тив пропаганды, пока она остается лишь пропагандой, Исполнительная Комиссия Сов. Солд. Депутатов признает крайне необходимым принять все меры к тому, чтобы противопоставить этой пропаганде нашу пропаганду и агитацию. Мы должны стремиться к тому, чтобы наши организации были достаточно сильны, чтобы в любой момент всякому контр-революционному действию, откуда бы оно ни исходило, противопоставить наши действия. Мы выражаем настойчивое желание, чтобы Исполнительный Комитет в целях борьбы с дезорганизационной пропагандой открыл планомерную агитацию как в печати, так и в особенности в воинских частях».

Если мы сопоставим с этой резолюцией приведенное нами заявление передовой статьи редакции «Известий» (от 17 апреля) против «бесчестной и отвратительной травли», то мы увидим сразу, какое политическое деление установилось *на деле* по данному вопросу:

«Русская Воля», как орган травли, «Единство» г-на Плеханова, как повторяющее «такой метод борьбы», признаны *свидетелем*: «Делом Народа».

Другую позицию занимает Исполнительная Комиссия Совета Солд. Депут., прямо объявляющая «невозможным принятие репрессивных мер, пока пропаганда остается лишь пропагандой».

Вот почему мы полностью перепечатаваем резолюцию Исполнит. Комиссии и считаем полезным разбор ее по существу.

Пронаганду Ленина резолюция объявляет «не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа».

Рассмотрим же, в чем суть отличия: 1) контр-революционной пронаганды справа, затем 2) пропаганды за Вр. Правительство и за поддержку его и 3) нашей пропаганды.

Правые хотят свержения Вр. Правительства и возврата к монархии.

Вр. Правительство *обещало* действовать по соглашению с Петр. Советом Раб. и Солд. Депутатов.

Наша пропаганда: вся власть в государстве должна перейти в руки *только* Сов. Раб. Солд., Крест. и т. д. Депутатов, ибо эти Советы заведомо представляют огромное большинство народа. Для этого мы хотим добиваться «разъяснением» (как сказано в первый же день Лениным точно и ясно в его тезисах), чтобы большинство народа поняло необходимость такого перехода власти.

Итак, правые за власть монарха. Капиталисты—за власть капиталистов (ибо Врем. Правительство есть правительство капита-

листов); они обещают действовать по соглашению с Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

Мы хотим убедить большинство народа, что власть должна быть *только* у Советов Раб., Солд. и др. Депутатов.

Яснее ясного, что назвать нашу пропаганду «не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа», нельзя *даже* с точки зрения сторонников соглашения с Врем. Правительством. Ибо сторонники соглашения сейчас опираются на большинство народа! Как же они могут называть «столь же вредной, как правая», нашу пропаганду, *убеждающую* большинство взять всю власть?

Это явная несообразность.

Совет Солд. Депутатов едва ли сможет долго защищать такой взгляд его Исполнительной Комиссии.

Пойдем дальше.

В чем по существу наши разногласия?

Главным образом по трем пунктам:

1) О земле. Мы за то, чтобы крестьяне, по собственному решению большинства самих крестьян на местах, брали *всю* землю тотчас, увеличивая таким образом производство хлеба и мяса для солдат.

Врем. Правительство за «соглашение» крестьян с помещиками, т.-е. за «соглашение» трехсот крестьян с одним помещиком.

Посмотрим, за нас или за Врем. Правительство окажется по этому вопросу большинство народа.

2) Мы за такую республику, в которой бы снизу доверху не было ни полиции, ни постоянной армии (вместо нее, по нашему убеждению, должно быть всеобщее вооружение всего народа), ни чиновничества, пользующегося на деле несменяемостью и привилегированной буржуазной платой за труд. Мы за полную выборность, за сменяемость в любое время всех чиновников и за пролетарскую плату им.

Врем. Правительство за восстановление полиции обычного типа, за постоянную армию, за обычное чиновничество.

3) Врем. Правительство за продолжение *той* и *такой* войны, которую начал Николай Кровавый. Врем. Правительство за подтверждение *им* заключенных тайных грабительских договоров *без опроса воли народа* и даже без опубликования договоров.

Мы против такой войны, против подтверждения договоров, против неопубликования их.

Мы советуем народам, всем без исключения, кончить эту войну не насильническим, т.-е. истинно демократическим миром,

дающим свободу всем без изъятия народам и народностям. Мы хотим доказать народу, что для окончания войны действительно не насильническим миром необходим переход государственной власти всецело и исключительно в руки Советов Раб. и Солд. Депутатов.

Ибо пока власть в руках капиталистов и помещиков (Гучкова, Львова, Милюкова), война остается на деле под руководством капиталистов, все обещания на счет мира без аннексий остаются только обещаниями, недоверие рабочих масс всего мира к правительству капиталистов неизбежно; война, значит, будет все затягиваться.

Вопрос: как быть, если в России власть перейдет в руки Советов Раб. и Солд. Депутатов, а в Германии не произойдет такой революции, которая бы низвергла не только Вильгельма II, *но и немецких Гучковых и Милюковых* (ибо если немецкого Николая II заменят немецкие Гучковы и Милюковы, то по отношению к войне ровно ничего не изменится)?

Наш ответ: власть в руках Советов Раб. и Солд. Депутатов будет властью большинства народа, а большинство это — рабочие и беднейшие крестьяне. Они *действительно* не заинтересованы в аннексиях, они не на словах, а *на деле* от них откажутся, они *на деле* перестанут быть стражами прибыли капиталистов.

При таких условиях *и мы согласны* на революционную войну против капиталистов любой страны, ибо это будет на деле война против интересов какого-угодно капитала, а не за интересы капиталистов одной страны.

Вопрос: как на практике, тотчас, немедленно ускорить дело мира, если невозможно кончить войну простым втыканием штыков в землю?

Наш ответ: войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран. Практическое, немедленное средство для того, чтобы ускорить мир, есть и может быть только одно (кроме победы рабочей революции над капиталистами), именно: братанье солдат на фронте.

Немедленная, энергичнейшая, всесторонняя, безусловная помощь с нашей стороны братанью солдат *обеих* воюющих групп на фронте.

Такое братанье уже началось. Давайте помогать ему.

Вот наши взгляды. Мы твердо уверены, что большинство народа *не* назовет их «не менее вредными, чем всякая контр-революционная пропаганда справа».

*«Правда» № 35,
18 апреля 1917 г.,
за подписью Н. Ленина.*

Как они себя привязали к капиталистам.

Газета крупных капиталистов и банков «Финансовая Газета» в передовице от 17 апреля хорошо вскрывает громадной важности факт, именно: как партии социалистов-революционеров, меньшевиков с.-д. и т. п. связали себя по рукам и ногам, привязали себя к капиталистам пресловутым «соглашением» с Врем. Правительством.

Вот эта передовица полностью:

Левые и заем.

«Выпускаемый Временным Правительством Заем Свободы не вызвал в левых кругах того воодушевления, которым ответило на заем большинство населения.

«Левая печать разбилась на три группы. Ленинская «Правда» определенно высказалась против займа: она выразила при этом точку зрения большевиков. «Единство» Плеханова решительно поддерживает заем. Наконец, прочие органы социалистической печати: «Рабочая Газета», «Земля и Воля»⁸⁷⁾, «Воля Народа»⁸⁸⁾— заняли «среднюю» позицию: ни то, ни се; не то чтобы за заем, но и не против него. Такова и позиция Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, который в принципе постановил-было поддерживать заем, по ныне опять возымел сомнения и колеблется. И прав был «День»⁸⁹⁾, недавно упрекавший эту центральную, наиболее сильную группу, в которую входят меньшевики и социалисты-революционеры, в неопределенности и двойственности позиции.

«Словно для того, чтобы дать лишнее доказательство правильности этого упрека, вчера Совет Солдатских и Рабочих Депутатов вновь вернулся к решенному уже раз вопросу о займе и имел по этому поводу суждение. Н. С. Чхеидзе сообщил, что в ближайшие дни ожидается новый акт правительства, исчерпывающе освещающий его позицию по вопросам внешней и внутренней поли-

тики. До этого времени Н. С. Чхеидзе предложил рассмотрение вопроса о поддержке займа отложить.

«Эта позиция левых вызывает недоумение,—чтобы не сказать более. Ведь кто-нибудь должен управлять государством и осуществлять те реформы, которых жаждет истстрадавшаяся Россия.

«И одно из двух: либо нынешнее правительство пользуется доверием левых, т.-е. до сих пор, в прошлом ничего нарушающего данное обязательство оно не допустило; либо оно таковым доверием не пользуется. В последнем случае, левые, лишая Временное Правительство поддержки, должны взять на себя не только «контроль» над его деятельностью, но и все бремя управления, и ответственность перед народом и историей. Если же они ничего содеянного вменить в вину Временному Правительству не могут, то, естественно, они не в праве ждать его будущих актов и должны оказать ему всю поддержку. И уж во всяком случае недопустима та двойственность, та уклончивая сдержанность, те недомолвки, которые, с одной стороны, ни на йоту не облегчают ответственности Временного Правительства, которое не может даже сослаться перед историей на свое одиночество, а с другой—фактически лишают его поддержки широких демократических масс и ставят его в трудное положение.

«Достоинством социалистических течений была всегда их прямолинейность. Политика социалистических партий была чужда уклончивости, обывательской мягкотелости, эластического оппортунизма. Ныне в вопросе о займе центральные группы русского социализма изменили этим традиционным принципам и вступили на путь октябристской половинчатости. Общественное мнение вправе обратиться к ним с призывом: выяснить без обиняков свою позицию по отношению к займу, честно и открыто заявить о своем участии либо неучастии в нем и этим выполнить свой нравственный долг перед Временным Правительством: либо дать ему опереться на левые течения, либо констатировать свое расхождение с ним».

Баиковые воротилы—люди деловые. Они трезво смотрят на политику: обещался поддерживать правительство капиталистов (ведущее империалистскую войну)—подавай заем.

Верно! Связав себя по рукам и по ногам, партии соц.-рев. и меньшевиков беспомощно сдались капиталистам. Обещание издать «в ближайшие дни» «новый акт правительства, исчерпывающе (!??) освещающий» — освещено уже распренаидостаточно! — «его позицию по вопросам внешней и внутренней политики» есть пустой посул.

Никакими «актами», состоящими из заявлений, уверений, провозглашений, сути дела не изменишь. А суть эта в том, что правительство капиталистов, Львова, Гучкова, Милюкова и К^о представляет интересы капитала, связано этими интересами, не может вырваться (даже если бы хотело) из империалистской, захватной, аннексионистской политики.

При помощи ничего не говорящих и ни к чему не обязывающих фраз «*опереться*» на «левые» течения, т.-е. подкрепить свою империалистскую политику авторитетом левых, ничем на деле от нее не отступая,—вот что собирается проделать наше империалистическое правительство, вот что—объективно—помогают ему сделать Чхеидзе и его друзья.

«Октябристская половинчатость»—вот крылатое словечко!—не только деловая, но и вполне правильная оценка линии соц.-рев. и меньшевиков политиками, видящими ясно суть дела.

*«Правда» № 36,
20 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

О пролетарской милиции.

От 14 апреля наша газета сообщала в корреспонденции из Канавина, Нижегородской губ., что *«почти на всех заводах введена милиция из рабочих, оплачиваемая заводоуправлением»*.

В канавинский район, как сообщает автор корреспонденции, входят 16 заводов, около 30 тысяч рабочих, кроме железнодорожников, значит, введение рабочей милиции, оплачиваемой капиталистами, охватило в данной местности немалое уже число крупнейших предприятий.

Введение рабочей милиции, оплачиваемой капиталистами, есть мера, имеющая огромное—без преувеличения можно сказать: гигантское, решающее значение как практическое, так и принципиальное. Революция не может быть гарантирована, успех ее завоеваний не может быть обеспечен, дальнейшее развитие ее *невозможно*, если эта мера не станет всеобщей, не будет доведена до конца и проведена во всей стране.

Буржуазные и помещичьи республиканцы—ставшие республиканцами после того, как они убедились в невозможности *иначе* командовать над народом—стараятся учредить республику возможно более монархическую: нечто вроде французской, которую Педрин называл республикой без республиканцев.

Главное для помещиков и капиталистов в настоящее время, когда они убедились в силе революционных масс, *отстоять* наиболее существенные учреждения старого режима, отстоять старые орудия угнетения: полицию, чиновничество, постоянную армию. «Гражданскую милицию» стараются свести на старое, т.-е. на небольшие, оторванные от народа, стоящие возможно ближе к буржуазии, отряды вооруженных людей под командой лиц из буржуазии.

Программа-минимум социал-демократии требует замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Но большинство официальных с.-д. в Европе и большинство вождей наших меньшевиков «забыло» или отодвинуло программу партии, подменив интернационализм шовинизмом («оборончество»), революционную тактику реформизмом.

А между тем именно теперь, в революционный момент, всеобщее вооружение народа особенно настоятельно необходимо. Обманом и лживой уверткой была бы ссылка на то, что при революционной армии излишне вооружать пролетариат, или на то, что «не хватит» оружия. Дело идет о том, чтобы начать организовывать тотчас поголовно-всеобщую милицию, которая научится владеть оружием, несмотря на его «недостаток» для всех; ибо народу вовсе не обязательно нужно столько оружия, чтобы все всегда имели его. Народу нужно поголовно учиться владеть оружием и поголовно входить в милицию, заменяющую полицию и постоянную армию.

Рабочим нужно, чтобы не было оторванной от народа армии, чтобы рабочие и солдаты *сливались* в единую всенародную милицию.

Без этого аппарат угнетения остается в силе, готовый служить сегодня Гучкову и его друзьям, контр-революционным генералам, завтра может быть Радко-Дмитриеву ⁹⁰⁾ или какому-нибудь претенденту на престол и на создание плебисцитарной монархии.

Капиталистам нужна теперь республика, ибо иначе «не сладить» с народом. Но — им нужна республика «парламентарная», т.-е. чтобы демократизм ограничился демократическими *выборами*, правом посылать в парламент людей, которые — по меткому и глубоко-верному замечанию Маркса — народ *представляют* и народ *подавляют*.

Оппортунисты современной социал-демократии, подменившие Маркса Шейдеманом, заучили правило, что «надо использовать» парламентаризм (это бесспорно), но забыли уроки Маркса

б значении пролетарской демократии *в отличие* от буржуазного парламентаризма.

Народу нужна республика, чтобы воспитывать массы к демократии. Необходимо *не только* представительство по типу демократии, но и постройка всего управления государством снизу, самими массами, их действительное участие в каждом шаге жизни, их активная роль в управлении. *Заменить* старые органы угнетения, полицию, чиновничество, постоянную армию всеобщим вооружением народа, действительно всеобщей милицией — вот единственный путь, гарантирующий страну в наибольшей степени от восстановления монархии и дающий *возможность* идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не «вводя» его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению *всей* государственной властью.

Общественная служба через стоящую над народом полицию и через чиновников, вернейших слуг буржуазии, через постоянную армию под командой помещиков и капиталистов, — таков идеал буржуазной парламентарной республики, стремящейся увековечить господство капитала.

Общественная служба через всенародную, действительно головную, мужскую и женскую, милицию, способную отчасти заменить чиновников, соединенную не только с выборностью всех властей, не только с сменяемостью их в любое время, но и с оплатой их труда не «по-барски», не по-буржуазному, а по-рабочему, — таков идеал рабочего класса.

Этот идеал не только вошел в нашу программу, не только занял свое место в истории рабочего движения Запада, именно в опыте Парижской Коммуны, не только оценен, подчеркнут, разъяснен, рекомендован Марксом, — но и практически применялся уже рабочими России в 1905 и 1917 годах.

Советы Рабочих Депутатов, по своему значению, по типу государственной власти, создаваемому ими, суть именно учреждения такой демократии, которая устраняет старые органы угнетения, которая вступает на путь всенародной милиции.

Но как сделать милицию всенародной, когда пролетарии и полупролетарии загнаны на фабрику, задавлены каторжной работой на помещиков и капиталистов?

Средство одно: рабочая милиция должна оплачиваться капиталистами.

Капиталисты должны платить рабочим за те часы или дни, которые пролетарии посвящают общественной службе.

На этот верный путь вступают рабочие массы сами. Пример нижегородских рабочих должен стать образцом для всей России.

Товарищи рабочие, убеждайте крестьян и весь народ в необходимости создания всеобщей милиции взамен полиции и старого чиновничества! Вводите такую и только такую милицию. Вводите ее через Советы Рабочих Депутатов, через Советы Крестьянских Депутатов, через органы местного самоуправления, попадающие в руки рабочего класса. Не удовлетворяйтесь буржуазной милицией ни в коем случае. Привлекайте женщин к несению общественной службы наравне с мужчинами. Добивайтесь непременно, чтобы капиталисты платили рабочим за дни, посвященные общественной службе в милиции!

Учитесь демократии на практике, тотчас, сами, снизу, — поднимайте массы к действительному, непосредственному, всеобщему участию в управлении, — в этом и только в этом залог полной победы революции и ее твердого, обдуманного, планомерного шествия вперед

*«Правда» № 36,
20 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

К р а х ?

Нам передали сейчас, что в Исполнительном Комитете Совета Р. и С. Деп. только что получена нота, которую наше Врем. Правительство сообщило всем заграничным представителям.

Эта нота есть, очевидно, именно тот «акт», который, как предполагал Н. С. Чхеидзе, должен был быть издан через три дня и, по видимому, состоит из определенных заявлений против аннексий.

Что же оказалось?

Нота содержит прямое заявление Врем. Правительства, что Россия будет воевать до конца, — что Россия остается верна своим обязательствам перед союзниками.

Эта нота произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Растерянность большинства Исп. Комитета, Чхеидзе, Церетели и др. полная. Банкротство всей политики «соглаше-

ний» явное — и наступило оно гораздо раньше, чем мы ожидали.

Империалистическую войну разговорами в контактной комиссии не прекратишь...

*«Правда» № 36,
20 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

Один из коренных вопросов.

(Как рассуждают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии).

Г-н Плеханов прекрасно поясняет это. В своем «первомайском» письме к «артели социалистического студенчества», напечатанном сегодня «Речью», «Делом Народа», «Единством», он пишет:

«...Он (международный социалистический съезд 1889 г.) понимал, что социальная, точнее: социалистическая революция предполагает долгую просветительную и организационную работу в недрах рабочего класса. Об этом забывают у нас теперь люди, зовущие русскую трудящуюся массу к захвату политической власти, который мог бы иметь смысл только в том случае, если бы находились в наличности объективные условия, необходимые для социальной революции. Этих условий пока еще нет»... и так далее вплоть до призыва «дружно поддерживать» Временное Правительство.

Это рассуждение г-на Плеханова — типичнейшее рассуждение кучи «бывших людей», называющих себя соц.-демократами. И именно потому, что оно типично, на нем стоит подробно остановиться.

Во-первых, разумно ли и добросовестно ли ссылаться на первый съезд 2-го Интернационала, а не на последний?

1-й съезд Второго Интернационала (1889—1914) был в 1889 г., последний в Базеле в 1912 г. Базельский манифест, единогласно всеми принятый, говорит точно, определенно, прямо, ясно (так что даже г.г. Плехановы не могут исказить этого) о *пролетарской революции* и притом именно в связи с той самой войной, которая в 1914 году разразилась.

Нетрудно понять, почему социалистам, перешедшим на сторону буржуазии, приходится «забывать» либо весь базельский манифест, либо это его, самое важное, место.

Во-вторых, захват политической власти «русской трудящейся массой, — пишет наш автор, — мог бы иметь смысл только в том случае, если бы находились в наличности условия, необходимые для социальной революции».

Это — каша вместо мыслей.

Допустим *даже*, что «социальной» — есть описка вместо «социалистической». Каша не только в этом. Из каких классов состоит русская трудящаяся масса? Всякий знает, что из рабочих и крестьян. Кто из них в большинстве? Крестьяне. Кто такие это крестьяне по своему классовому положению? Мелкие хозяева или хозяйчики. Спрашивается: если мелкие хозяйчики составляют большинство населения и если объективных условий для социализма нет, то как *может* большинство населения высказаться за социализм?! кто *может* говорить и кто говорит о введении социализма против воли большинства?!

Г-н Плеханов сразу запутался самым смешным образом.

Попасть в смешное положение — наименьшее наказание тому, кто по образцу печати капиталистов сам себе рисует «врага» вместо точной ссылки на слова тех или иных политических противников.

Пойдем дальше. У кого должна быть в руках «политическая власть» с точки зрения *даже* вульгарного буржуазного демократа из «Речи»? У большинства населения. Составляет ли «русская трудящаяся масса», о которой так неудачно заговорил запутавшийся социал-шовинист, большинство населения России? Несомненно и подавляющее большинство!

Как же *можно*, не изменяя демократии, — даже миллюковски понимаемой демократии, — быть против «захвата политической власти» «русской трудящейся массой»?

Дальше в лес, больше дров. Каждый шаг анализа показывает новые бездны путаницы у г. Плеханова.

Социал-шовинист против перехода политической власти к большинству населения России.

Г-н Плеханов слышал звон, да не понял, откуда он. Он смешал также, — хотя Маркс еще в 1875 году особо предостерегал от этого смешения, — «трудящуюся массу» с массой пролетариев и полупролетариев. Поясним эту разницу для бывшего марксиста г-на Плеханова.

Может ли большинство крестьян в России потребовать и ввести национализацию земли? Несомненно, да. Есть ли это социалистическая революция? Нет. Это еще буржуазная рево-

люция, ибо национализация земли такая мера, которая совместима с капитализмом. Но это в то же время *удар* частной собственности на важнейшее средство производства. Такой удар *усиливает* пролетариев и полупролетариев неизмеримо больше, чем это бывало в революциях XVII, XVIII и XIX веков.

Далее. Может ли большинство крестьян в России высказаться за слияние всех банков в один?—за то, чтобы в каждой деревушке было отделение одного общенационального государственного банка?

Может, ибо удобства и выгоды для народа несомненны от такой меры. *Даже* «оборонцы» могут быть за нее, ибо она повысит способность России к «обороне» во много раз.

Возможно ли экономически немедленно провести такое слияние всех банков в один? Несомненно, вполне возможно.

Есть ли это социалистическая мера? Нет, это *еще не* социализм.

Далее. Может ли большинство крестьян в России высказаться за то, чтобы синдикат сахарозаводчиков перешел в руки государства, под контроль рабочих и крестьян и чтобы цена сахара понизилась?

Вполне может, ибо это большинству народа выгодно.

Возможно ли это экономически? Вполне возможно, ибо синдикат сахарозаводчиков не только на деле слился уже хозяйственно в один производственный организм общегосударственного размера, но и *стоял уже* под контролем «государства» (т.-е. чиновников, служащих капиталистам) еще при царизме.

Будет ли переход синдиката в руки демократически-буржуазного, крестьянского, государства социалистической мерой?

Нет, это еще не социализм. Г-н Плеханов легко убедился бы в этом, если бы вспомнил общеизвестные истины марксизма.

Спрашивается: такие меры, как слияние всех банков в один и переход синдиката сахарозаводчиков в руки демократического, крестьянского, государства, *усилят или ослабят* значение, роль, влияние пролетариев и полупролетариев в общей силе всего населения?

Несомненно, усилят, ибо это *не* «мелко-хозяйские» меры, ибо возможность их создана как раз теми «объективными условиями», коих в 1889 г. *еще* не было, кои теперь *уже* есть.

Такие меры неизбежно усилят значение, роль, влияние на все население, в особенности городских рабочих, как авангарда пролетариев и полупролетариев города и деревни.

После таких мер дальнейшие *шаги* к социализму в России станут вполне возможны, а при условии помощи нашим рабочим со стороны более развитых и подготовленных, расколовшихся с западно-европейскими Плехановыми, западно-европейских рабочих переход России *действительно* к социализму будет *неизбежен*, и успех такого перехода *обеспечен*.

Вот как должен рассуждать всякий марксист и всякий социалист, не перешедший на сторону «своей» национальной буржуазии.

«Правда» № 37,
21 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Нота Временного Правительства.

Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах.

Большинство Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, народники, меньшевики, все те, кто до сих пор призывал к доверию Временному Правительству, наказаны вдосталь. Они надеялись, ждали и верили, что Временное Правительство, под влиянием благодетельного «контакта» с Чхеидзе, Скобелевым и Стекловым, откажется навсегда от аннексий. Вышло немного не так...

В ноте от 18 апреля Временное Правительство заявляет о «всенародном (!) стремлении довести мировую войну *до решительной победы*».

«Само собой разумеется, — прибавляет нота, — Временное Правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников».

Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен...

Кто заключал этот союз с «нашими» союзниками, т.-е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно. Но для Милюкова и Ко договор этот — святыня.

Почему?

Некоторые отвечают: потому, что Милюков неискренний человек, что он хитрец и т. п.

Дело совсем не в этом. Дело в том, что Гучков, Милюков, Терещенко, Коновалов — представители *капиталистов*. А *капи-*

талистам захваты чужих земель нужны. Они получают новые рынки, новые места вывоза капитала, новые возможности устраивать десятки тысяч своих сынков на прибыльные должности и т. п. Дело в том, что *интересы* русских капиталистов сейчас такие же, как интересы английских и французских капиталистов. Поэтому и только поэтому договоры царя с англо-французскими капиталистами столь дороги сердцу Временного Правительства русских капиталистов.

Новая нота Временного Правительства подольет масла в огонь. Она может только разжечь воинственные настроения в Германии. Она помогает Вильгельму-разбойнику дальше обманывать «своих» рабочих и солдат и тянуть их на войну «до конца».

Новая нота Временного Правительства ребром поставила вопрос: что же дальше?

С первого же момента нашей революции английские и французские капиталисты стали уверять, что русская революция сделана только и исключительно для того, чтобы продолжать войну «до конца». Капиталистам нужно ограбить Турцию, Персию, Китай. Если по этому случаю придется уложить еще с десятков миллионов каких-то там русских мужиков — что за беда? Была бы только одержана «решительная победа»... И вот теперь Временное Правительство с полной откровенностью стало на тот же путь.

— Воюйте — потому, что мы хотим грабить.

— Умирайте десятками тысяч каждый день — потому, что «мы» еще не додрались, потому, что мы еще не получили своей доли добычи!..

Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более политики «доверия» к Временному Правительству. Политика доверия обанкротилась.

Наша общегородская с.-д. конференция сказала в своей резолюции, что теперь каждый день будет подтверждать правильность *нашей* позиции. Но такого быстрого хода событий даже мы не ожидали.

Нынешний Совет Рабочих и Солдатских Депутатов поставлен перед выбором: проглотить пилюлю, поднесенную ему Гучковым и Милюковым, значило бы раз навсегда отказаться от самостоятельной политической роли — завтра Милюков положит «ноги на стол» и сведет Совет к круглому нулю; дать отпор на ноту Милюкова — значит порвать со старой политикой доверия и перейти на путь, предлагаемый «Правдой».

Можно, конечно, найти и гниющую середину. Но — надолго ли?..

Рабочие, солдаты, скажите теперь во всеуслышание: мы требуем, чтобы у нас была единая власть — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Временное Правительство, правительство кучки капиталистов, должно очистить место названным Советам.

*«Правда» № 37,
21 апреля 1917 г.,
без подписи автора.*

Добросовестное оборончество показывает себя.

События в Петрограде в течение последних дней, особенно вчера, показывают воочию, насколько мы были правы, говоря о «добросовестном» оборончестве *масс* в отличие от оборончества вождей и партий.

Масса населения состоит из пролетариев, полупролетариев и беднейших крестьян. Это огромное большинство народа. *Эти* классы в аннексиях действительно не заинтересованы; в империалистской политике, в прибылях банкового капитала, в доходах от железных дорог в Персии, в доходных местечках в Галиции или Армении, в стеснении свободы Финляндии, — во всем этом они (данные классы) не заинтересованы.

А все это, вместе взятое, и составляет как раз то, что в науке и в газетах принято называть империалистской, захватно-грабительской политикой.

Суть дела в том, что Гучковы, Милюковы, Львовы — даже если бы все они были лично ангелами добродетели, бескорыстия и любви к людям — являются представителями, вождями, выборными людьми *класса* капиталистов, а этот класс заинтересован в захватно-грабительской политике. Этот класс миллиарды вложил «в войну» и сотни миллионов наживает «на войне» и аннексиях (т.-е. на насильственном подчинении или на насильственном *присоединении* чужих народностей).

Надеяться на то, что *класс* капиталистов может «исправиться», перестать быть капиталистическим классом, отказаться от своих прибылей, — есть обманчивая надежда, пустая мечта, на практике превращающаяся в обман народа. Только мелко-буржуазные политики, колеблясь между капиталистической и пролетарской политикой, могут питать или поддерживать такие обманчивые надежды. В этом именно состоит ошибка теперешних вождей народнических партий и меньшевиков, Чхеидзе, Церетели, Чернова и так далее.

Массовые представители оборончества с политикой вовсе не знакомы: они не могли учиться политике ни из книг, ни из участия в Гос. Думе, ни из близкого наблюдения над людьми, ведущими политику.

Массовые представители оборончества еще не знают, что войны ведутся *правительствами*, что правительства выражают интересы тех или иных *классов*, что данная война ведется со стороны обеих групп воюющих держав капиталистами из-за разбойничьих интересов и целей капиталистов.

Не зная этого, массовые представители оборончества рассуждают просто: мы не хотим аннексий, мы требуем демократического мира, мы не хотим воевать из-за Константинополя, из-за удушения Персии, из-за ограбления Турции и пр., мы «требуем», чтобы Врем. Правительство отказалось от аннексий.

Массовые представители оборончества *искренне* хотят этого, не в личном, а в классовом смысле, ибо они представляют классы, *не заинтересованные* в аннексиях. Но эти массовые представители не знают, что капиталисты и правительство капиталистов на словах может отказаться от аннексий, может «отделаться» посулами и красивыми фразами, а *на деле* не может отказаться от аннексий.

Вот почему массовые представители оборончества были возмущены так сильно и так законно нотой Вр. Правительства от 19 апреля.

Люди, знакомые с политикой, не могли быть удивлены этой нотой, ибо они прекрасно знали, что все «отказы от аннексий» со стороны капиталистов пустая отписка, — не более, как обычная уловка и фраза дипломатов.

Но массовые, «добросовестные», представители оборончества были удивлены, возмущены, исполнены негодования. Они *почувствовали* — они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обманутыми.

Вот в чем *суть* кризиса, который надо строго отличать от мнений, ожиданий, предположений отдельных лиц и партий.

«Заткнуть» этот кризис на короткое время новой декларацией, новой нотой, новой отпиской (к этому сводится совет г-на Плеханова в «Единстве» и стремления Милюковых и К^о, с одной стороны, Чхеидзе, Церетели и пр., с другой) — «заткнуть» образовавшуюся трещину «отпиской», конечно, можно, но ничего, кроме вреда, от этого не получится. Ибо при новой отписке массы будут неизбежно обмануты; неизбежен новый взрыв возмущения,

и если этот взрыв будет несознательн то он легко может оказаться очень вредным.

Массам надо говорить всю правду. Правительство капиталистов *не* может отказаться от аннексий; оно запуталось, ему выхода нет. Оно чувствует, сознает, видит, что без революционных мер (на которые способен только революционный класс) *спасения нет*, и оно мечется, сумасшествует, обещает одно, делает другое, то грозит насилием массам (Гучков и Шингарев), то предлагает взять у него из рук власть.

Разруха, кризис, ужасы войны, безвыходность положения — вот куда завели капиталисты *все* народы.

Выхода действительно нет — *кроме* перехода власти к революционному классу, к революционному пролетариату, который один только, при условии поддержки его большинством населения, способен помочь успеху революции во *всех* воюющих странах и повести человечество к прочному миру, к освобождению от ига капитала.

«Правда» № 38,
22 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Безумные капиталисты или недоумки социал-демократии?

«Рабочая газета» пишет сегодня:

«Мы решительно восставали против разжигания гражданской войны последователями Ленина. Но теперь сигнал к гражданской войне дают уже не последователи Ленина, а Временное Правительство, опубликовав акт, являющийся издевательством над стремлениями демократии. Это поистине безумный шаг, и нужны немедленные решительные действия со стороны Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, чтобы предотвратить его ужасные последствия».

Что может быть нелепее и смешнее этой сказки, будто мы «разжигали» гражданскую войну, когда самым точным, формальным, недвусмысленным образом мы объявили центром тяжести всей работы *терпеливое разъяснение* пролетарской линии в противовес мелко-буржуазному, оборонческому угару доверия к капиталистам?

Неужели «Рабочая Газета» в самом деле не понимает, что вопли о гражданской войне подняты теперь капиталистами, желающими срывать волю большинства народа?

Есть ли хоть гран марксизма в объявлении «безумием» поведения капиталистов, которые, будучи сжаты железными тисками русского и англо-французского империалистского капитала, не в состоянии поступать иначе.

Г-и Плеханов выражает сегодня в «Единстве» прямее политику всего мелко-буржуазно-оборонческого блока, призывая Совет Раб. и Солд. Депутатов «к соглашению» с Вр. Правительством. Забавный призыв, напоминающий горчицу после ужина.

Да ведь соглашение заключено уже давно! Да ведь оно существует с самого начала революции! Весь вопрос данного, сегодняшнего кризиса именно в том, что это соглашение оказалось пустой бумажкой или пустым посулом! Отвечать на «проклятые вопросы», прямо, в упор поставленные перед народом *крахом* данного соглашения, призывами к «соглашению» вообще, не говоря ни об его условиях, ни о *реальных* гарантиях, или воздыханиями и проклятиями «о вы, безумцы!» — разве это не трагикомедия мелко-буржуазных Луи Бланов (Луи Блан был вождем рабочих на словах, хвостом буржуазии на деле).

«Нужны немедленные решительные действия» — важно заявляет «Рабочая Газета». Какие «действия», любезные сограждане? Вы не можете сказать сами, вы не знаете сами, у вас только *декламация*, ибо вы, именно как Луи Блан, на деле забыли о классовой борьбе, на деле подменили классовую борьбу мелко-буржуазной фразеологией и декламацией.

«Правда» № 38,
22 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Уроки кризиса.

Петроград и вся Россия — пережили серьезный политический кризис, первый политический кризис после революции.

19 апреля Вр. Правительство приняло свою печально-знаменитую ноту ⁹¹⁾, подтверждающую захватно-грабительские цели войны достаточно ясно, чтобы вызвать возмущение широких масс, добросовестно поверивших желанию (и способности) капиталистов «отказаться от аннексий». 20 и 21 апреля Питер кипел ⁹²⁾. Улицы были переполнены народом; кучки и группы, митинги

разных размеров образовывались всюду и днем и ночью; массовые манифестации и демонстрации продолжались непрерывно. Вчера, 21 апреля, вечером кризис, повидимому, закончился или по крайней мере закончилась его первая ступень: Исп. Комитет Совета Р и С. Д., а затем и Совет признали удовлетворительными «объяснения», поправки к ноте «разъяснения» правительства (сводящиеся к пустейшим, ровнехонько ничего не говорящим, ничего не меняющим, ни к чему не обязывающим фразам) — и признали «инцидент исчерпанным».

Признают ли широкие массы «инцидент исчерпанным» — покажет будущее. Наша задача теперь внимательнее изучить силы, классы, обнаружившиеся в кризисе, и извлечь отсюда уроки для партии пролетариата. Ибо великое значение всяких кризисов состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное, поверхностное, мелкое, отметаю прочь политический сор, вскрывают истинные пружины действительно происходящей *классовой борьбы*.

Правительство капиталистов, в сущности, только повторило 19 апреля свои прежние ноты, облекавшие империалистскую войну дипломатическими оговорочками. Массы солдат пришли в возмущение, ибо они добросовестно верили искренности и миролюбию капиталистов. Демонстрации начались, как *солдатские демонстрации* с противоречивым, несознательным, ни к чему неспособным повести лозунгом «долой Миллюкова» (точно перемена лиц или группок могла изменить *суть* политики!).

Это значит, что широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса, ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике мелко-буржуазная, колебнулась *прочь от капиталистов на сторону* революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способней по своей силе *решить все*, и создало кризис.

Тогда сейчас же начали приходить в движение, выступать на улицу и организовываться *не* средние, а крайние элементы, *не* промежуточная мелко-буржуазная масса, а буржуазия и пролетариат.

Буржуазия захватывает Невский — «Миллюковский» по выражению одной газеты — проспект и соседние части богатого Питера, Питера капиталистов и чиновников. Манифестируют офицеры, студенты, «средние классы» за Временное Правительство, из лозунгов часто попадает на знаменах «долой Ленина».

Пролетариат поднимается из *своих* центров—из рабочих предместий, организуемый вокруг призывов и лозунгов Центр. Ком. нашей партии. Ц. К. принимает 20 и 21 резолюции, тотчас передаваемые через аппарат организации массам пролетариата. Рабочие манифестации заливают *ис* богатые, менее центральные районы города, затем частями проникают на Невский. От демонстраций буржуазии резко отличаются более массовые, более дружные демонстрации пролетариев. Из подписей на знаменах: «Вся власть Совету Р. и С. Д.».

На Невском доходит до столкновения. Рвут знамена «враждебных» демонстраций. В Исп. Ком. телефонируют из нескольких мест о том, что с обеих сторон стреляли, что были убитые и раненные; сведения об этом крайне противоречивы и непроверены.

Буржуазия выражает свой испуг перед тем, как бы настоящие массы, действительно большинство народа, не взяли власть в свои руки, криками о «призраке гражданской войны». Мелко-буржуазные вожди Совета, меньшевики и пародники, — не имеющие ни после революции вообще, ни в дни кризиса в особенности, никакой партийно выработанной линии — дают себя запугать В Исп. Комитете, в котором накануне число голосов против Вр. Правительства доходило почти до половины, собирается 34 голоса (против 19) *за* возврат к политике доверия к капиталистам и соглашения с ними.

«Инцидент» признан «исчерпанным».

В чем *суть* классовой борьбы? Капиталисты *за* оттягивание войны, *за* прикрытие этой фразой и посулами; они запутались в сетях русского, англо-французского и *американского* банкового капитала. Пролетариат, в лице своего сознательного авангарда, *за* переход власти к революционному классу, к рабочему классу и полупролетариям, *за* развитие всемирной рабочей революции, растущей явно и в Германии, *за* окончание войны *такой* революцией.

Широкая масса, преимущественно мелко-буржуазная, верящая еще меньшевистским и пародническим вождям, насквозь запуганная буржуазией и проводящая с оговорочками *се* линию, колеблется то вправо, то влево.

Война ужасна; именно широкая масса всего тяжелее чувствует это; именно в ее рядах растет, еще далеко не ясное, сознание, что война эта преступна, что она ведется из-за соревнования и грызни капиталистов, из-за дележа *их* добычи. Всемирное положение запутывается все больше. *Выхода нет* кроме всемир-

ной рабочей революции, которая *сейчас* впереди других стран в России, но нарастает явно (стачки, братанье) и в Германии. И масса колеблется: между доверием к старым господам, капиталистам, и озлоблением против них; между доверием к новому, открывающему путь в светлое будущее для всех трудящихся, единственному последовательно революционному классу — пролетариату и неясным сознанием его всемирно-исторической роли. Не первое и не последнее колебание мелко-буржуазной и полупролетарской массы!

Урок ясен, товарищи-рабочие! Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. *Все* силы отдайте делу просвещения отсталых, массового, товарищеского, непосредственного (не только митингового) сближения с каждым полком, с каждой группой еще не прозревших трудящихся слоев! *Все* силы на собственное сплочение, на организацию рабочих снизу доверху, вплоть до каждого района, до каждого завода, до каждого квартала столицы и ее предместий! *Не* давайте сбить себя ни мелко-буржуазным «соглашателям» с капиталистами оборонцам, сторонникам «поддержки», ни одиночкам, склонным торопиться и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать «долой Вр. Правительство!» Кризиса нельзя изжить насилием отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками «захвата власти», «ареста» Врем. Правительства и т. д.

Лозунг дня: разъясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны. Стройтесь крепче, шире, повсеместно в пролетарские ряды и колонны! Сплачивайтесь вокруг своих Советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство!

«Правда» № 39,
23 апрель 1917 г.,
без подписи автора.

Как запутывают ясный вопрос?

«День» пишет сегодня по поводу резолюции Ц. К. от 20 апреля, говорящей о необходимости перехода власти к революционному пролетариату «*при поддержке большинства народа*»:

«Очень просто, но в таком случае за чем же дело стало? Вместо резолюции — приходите и берите власть».

Вот типичный образчик обычных приемов буржуазной печати! Люди притворяются непонимающими самой ясной вещи и обеспечивают себе — на бумаге — легкую победу. Кто говорит: «берите власть», тот может, подумавши совсем немного, сообразить, что попытка взять власть была бы авантюрой или бланкизмом («Правда» особо, специально, точно, ясно, недвусмысленно предостерегала против этого), *пока нет* поддержки большинства народа.

В России теперь такая свобода, что волю большинства *можно* определять составом Советов Раб. и Солд. Деп.; значит, чтобы серьезно, не по бланкистски итти к власти, пролетарская партия должна *бороться за влияние* внутри Советов.

Все это сказано, пересказано, разжевано «Правдой», и только недомыслие или злая воля могут «не понимать» этого. Пусть судит читатель сам, к какой из этих двух малопочтенных категорий относится «Раб. Газета», которая называет «предложение» (Совету) «взять власть в свои руки» «безответственным подстрекательством», «демагогией, лишенной всякого чувства политической ответственности, с легким сердцем призывающей демократию к гражданской борьбе, войне, возбуждающей рабочих и солдат уже не только против Правительства, но и против самого Совета» и т. д.

Можно ли представить себе большую путаницу и сваливание с больной головы на здоровую по вопросу о демагогии?

Министр-председатель Львов, по отчету вечерних «Бирж. Вед.»^{92а}) от 21 апреля, сказал буквально следующее:

«До сих пор Временное Правительство встречало неизменную поддержку со стороны руководящего органа С. Р. и С. Д. Последние две недели отношения эти изменились. Временное Правительство взято под подозрение. При таких условиях оно не имеет никакой возможности управлять государством, так как в атмосфере недоверия и недовольства трудно что-либо сделать. При таких условиях лучше всего Временному Правительству уйти. Оно слишком хорошо сознает лежащую на нем ответственность перед родиной и во имя ее блага готово сейчас же уйти в отставку, если это необходимо».

Неужели это неясно? Неужели можно не понять, почему наш Ц. К. *после* такой речи предлагал опрос населения?

При чем тут «гражданская война», «подстрекательство», «демагогия» и прочие страшные слова, если председатель-ми-

нистр заявляет о готовности «уйти в отставку»??? Если Совет Р. и С. Д. он признал «руководящим органом»???

Одно из двух: либо «Рабочая Газета» полагает, что Львов таким или подобными заявлениями обманывает народ — тогда она должна звать не к доверию и поддержке, а к *недоверию и к отказу от поддержки*. Либо «Рабочая Газета» полагает, что Львов действительно «готов уйти», — тогда при чем же вопль о гражданской войне?

Если «Рабочая Газета» понимает правильно положение дела, понимает, что *капиталисты* криками о гражданской войне прикрывают *свое* желание сорвать насильем волю большинства, тогда к чему все крики этой газеты?

Львов в праве предлагать Совету одобрять, принимать его, Львова, политику. Наша партия в праве предлагать Совету одобрять, принимать нашу, пролетарскую, политику. Говорить о «подстрекательстве» и т. п. значит сбнаруживать полное непонимание дела или опускаться именно до низменной демагогии. Мы в праве бороться и будем бороться за влияние и за большинство в Совете и в Советах. И мы повторяем:

«Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы Рабочих и Солдатских Депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки».

«Правда» № 29,
23 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Что понимают под „позором“ капиталисты и что — пролетарии.

Сегодняшнее «Единство» печатает на первом месте жирным шрифтом воззвание, подписанное г.г. Плехановым, Дейчем ⁹³⁾, Засулич ⁹⁴⁾. В этом воззвании читаем:

«...Каждый народ имеет право свободно располагать своей судьбой. Вильгельм германский и Карл австрийский никогда не согласятся на это. Ведя войну с ними, мы защищаем свою и чужую свободу. Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором»...

Так рассуждают все капиталисты. Позором они считают несоблюдение договоров *между* капиталистами, как монархи считают позором неисполнение договоров между монархами.

А рабочие? Считают ли они позором неисполнение договоров, заключенных монархами и капиталистами?

Конечно, нет! Сознательные рабочие за расторжение *всех* таких договоров, за признание лишь тех и таких соглашений *между рабочими и солдатами всех* стран, которые выгодны народу, т.-е. не капиталистам, а рабочим и беднейшим крестьянам.

Между рабочими всех стран *есть* другой договор, именно Базельский манифест 1912 года (Плехановым тоже подписанный и — проданный). Этот «договор» рабочих называет «преступлением», если рабочие разных стран будут стрелять друг в друга из-за прибылей капиталистов.

Писатели из «Единства» рассуждают, как капиталисты («Речь» и пр. рассуждают так же), а не как рабочие.

Вполне справедливо, что ни монарх германский, ни монарх австрийский не согласятся на свободу каждого народа, ибо оба эти монарха — коронованные разбойники, как и Николай II. Но, во-первых, и английский и итальянский и пр. монархи («союзники» Николая II) ничуть не лучше. Забыть это, значит стать монархистом или защитником монархистов.

А во-вторых, *не* коронованные разбойники, т.-е. капиталисты в данной войне показали себя ничем не лучше монархов. Разве американская «демократия» — т.-е. демократические капиталисты — не ограбили Филиппин и не грабят Мексики?

Немецкие Гучковы и Милюковы, если бы они сменили Вильгельма II, были бы *тоже* разбойниками, тоже не лучше английских и русских капиталистов.

В-третьих, «согласятся» ли английские капиталисты на «свободу» народов угнетенных ими: Армении, Хивы, Украины, Финляндии?

Обходя этот вопрос, писатели «Единства» на деле превращаются в защитников «своих» капиталистов в их грабительской войне с другими капиталистами.

Рабочие интернационалисты всего мира стоят за свержение *всех* капиталистических правительств, за отказ соглашаться или договариваться с какими бы то ни было капиталистами, за *всеобщий мир*, заключенный *революционными рабочими всех* стран и способный на деле обеспечить свободу «каждому» народу.

«Правда» № 39,
23 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Неумное злорадство.

«Рабочая Газета» злорадствует и пляшет по поводу последней резолюции Ц. К., обнаружившей (в связи, между прочим, с напечатанным уже заявлением представителей большевистской фракции Совета) известные несогласия внутри нашей партии.

Пусть злорадствуют и пляшут меньшевики. Нас это не смутит. Ведь у меньшевиков нет никакой организации, Чхеидзе и Церетели — одно, это — министры без портфеля; О. К. — другое, это — соц.-демокр. без линии; «оборонцы» — третье, эти за Плеханова. Мартов — четвертое, он за заем не будет. Удивительно ли, что люди без организации, без партии с легким сердцем пляшут и играют по поводу обнаруженного недостатка в чужой организации.

Нам нечего бояться правды. Да, товарищи-рабочие, кризис обнаружил недостатки нашей организации. За работу для исправления ее!

Кризис обнаружил очень слабые попытки взять «чутьочку полее» нашего Ц. К. Наш Ц. К. не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся что согласие в нашей партии уже восстанавливается и притом добровольное, сознательное, самое полное.

Наша линия подтверждается с каждым днем. Для дружного проведения ее нужна организация пролетарских масс *втрое* лучше теперешней. В каждом районе, в каждом квартале, на каждом заводе, в каждой роте должна быть крепкая, дружная организация, способная действовать *как один* человек. От каждой такой организации должны быть прямые нити к центру, к Ц. К., и нити эти должны быть крепкие, чтобы враг не мог разорвать их первым ударом, нити эти должны быть постоянные, ежедневно, ежечасно укрепляемые и проверяемые, *чтобы враг не мог нас застать врасплох*.

Товарищи-рабочие! Будемте строить тотчас же, снизу, повсюду, массовую, крепкую, пролетарскую организацию и среди рабочих масс и среди войска. Не будем смущаться злорадством врагов, не будем бояться частных ошибок и недостатков. Мы их исправим. Будущее за нами.

«Правда» № 40,
25 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы ⁹⁵⁾.

В конце принципиальной части программы (после слов: «на точку зрения пролетариата») вставить:

Всемирный капитализм дошел в настоящее время — приблизительно с начала XX века — до ступени империализма. Империализм, или эпоха финансового капитала, есть столь высоко развитое капиталистическое хозяйство, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным, вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах, весь мир поделен уже территориально между богатейшими странами и начался раздел мира экономический между интернациональными трестами.

Империалистические войны — т.-е. войны из-за господства над миром, из-за рынков для банкового капитала, из-за удушения малых и слабых народностей — неизбежны при таком положении дела. И именно такова первая великая империалистическая война 1914—1917 годов.

И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма, вообще, и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом, и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистской войной, — все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской, социалистической революции.

Эта эра началась.

Только пролетарская, социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи ее, или волны контрреволюции, окончательная победа пролетариата неизбежна. .

На очередь дня переживаемой эпохи ставится поэтому, в силу объективных условий, всесторонняя непосредственная подготовка пролетариата к завоеванию политической власти для

осуществления экономических и политических мероприятий, составляющих содержание социалистической революции.

Выполнение этой задачи, требующей полнейшего доверия, теснейшего братского союза и непосредственного единства революционных действий рабочего класса всех передовых стран, неосуществимо без немедленного и принципиального разрыва с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах громадного большинства официальных с.-д. партий. Таким извращением является, с одной стороны, течение социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытое лозунгом «защиты отечества», защиты грабительских интересов «своей» национальной буржуазии, а с другой стороны, столь же широкое и международное течение так называемого «центра», стоящее за единство с социал-шовинистами, за сохранение или исправление обанкротившегося II Интернационала, — течение, колеблющееся между социал-шовинизмом и революционно-интернационалистской борьбой пролетариата за осуществление социалистического строя

В программе-минимум все начало (со слов: «На пути» и до § 1) выкинуть и заменить следующим:

В переживаемый Россией момент, когда Временное Правительство, принадлежащее к классу капиталистов и пользующееся доверием — по необходимости непрочным — широким масс мелко-буржуазного населения, обязалось созвать Учредительное Собрание, — перед партией пролетариата встает непосредственная задача борьбы за государственное устройство, наилучшее обеспечивающее как экономическое развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности.

Партия пролетариата не может ограничиться буржуазно-парламентарной демократической республикой, которая везде в мире сохраняет и стремится увековечить монархические орудия угнетения масс, именно: полицию, постоянную армию, привилегированное чиновничество.

Партия борется за более демократическую пролетарско-крестьянскую республику, в которой полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией; все должностные лица ста-

новятся не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства их избирателей; плата всем, без изъятия, должностным лицам определяется в размере, не превышающем среднюю плату хорошему рабочему; парламентарно-представительные учреждения заменяются постепенно Советами представителей народа (от разных классов и профессий или от разных мест), в одно и то же время законодательствующими и проводящими в жизнь свои законы.

Конституция демократической республики российской должна обеспечить:

§ 1. Самодержавие народа: вся верховная власть в государстве должна принадлежать представителям народа, избранным и сменяемым в любое время народом и составляющим одно народное собрание, одну палату.

§ 2.—добавить:

Пропорциональное представительство при всех выборах; сменяемость всех без изъятия делегатов и выборных в любое время по решению большинства их избирателей.

§ 3.—добавить:

Отмену всяких государством назначаемых местных и областных властей *).

В § 8-м последнее предложение изложить так:

Введение родного языка во всех местных, общественных и государственных учреждениях; отмену обязательного государственного языка.

§ 9 изменить так:

Право на свободное отделение и на образование своего государства за всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насилем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насилем над другими народностями.

---

*) См. три № 68 «Правда», от 28 мая 1917 г., рассуждения Фр. Энгельса по вопросу о точке зрения марксизма — и последовательной демократии вообще — на назначение или утверждение властей, выбранных местным населением.

§ 11 изменить так:

Выборность судей, должностных лиц, как в гражданской службе, так и в армии, народом, сменяемость всех их в любое время по решению большинства их избирателей.

§ 12 изменить так:

Замена полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа; рабочие и служащие должны получать обычную плату от капиталистов за время, посвященное общественной службе во всенародной милиции.

После финансового пункта программы (после слов: «на доходы и наследства») вставить:

Высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистской войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. п.

Аграрную программу формулировать так:

Начало оставить старое (со слов: «В целях устранения остатков» до слов: «партия требует»), а продолжение заменить следующим образом:

1) бороться всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.);

2) выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы Крестьянских Депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления;

3) требует национализации всех земель в государстве; означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений;

4) поддерживает начин. тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий живой и мертвый инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьян-

ства для общественно-регулируемого использования по обработке всех земель;

5) советует пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами Депутатов от сельско-хозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

Партия во всех случаях и при всяком положении и т. д. до конца абзаца («эксплоатации»).

Наконец, конец аграрной программы, со слов: «партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований» и до слов: «всякую эксплуатацию», оставить по-старому.

Весь конец программы, два последние абзаца, со слов: «стремясь к достижению» и до конца, выкинуть совсем.

Соображения по поводу предыдущих замечаний ⁹⁶⁾.

По поводу этих замечаний относительно общей части программы я должен отметить следующее:

Переработка всей общей части программы, по моему мнению, не вызывается необходимостью. План такой переработки, намечаемый секцией, мне кажется теоретически неправильным.

В теперешней своей редакции общая часть программы содержит описание и анализ главнейших и наиболее существенных особенностей капитализма, как общественно-экономического строя. Эти особенности *не* изменены в корне империализмом, эпохой финансового капитала. Империализм является продолжением развития капитализма, его высшей стадией, переходной — в известном отношении — к социализму.

Добавление к анализу основных особенностей капитализма вообще анализа империализма я не могу признать не к месту «механическим». Империализм на самом деле не перестраивает и *не может перестроить* капитализма снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но *устранить* обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм *не может*.

Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а

монополью рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами, — вот существеннейшая особенность империализма вообще.

Поэтому теоретически неправильно выкинуть анализ обмена товарного производства, кризисов и т. п. вообще и «заменить» этот анализ анализом империализма, как *целого*. Ибо такого целого нет. Есть *переход* от конкуренции к монополии, и гораздо правильнее будет поэтому, гораздо точнее воспроизведет действительность такая программа, которая оставит общий анализ обмена, товарного производства, кризисов и пр., добавляя характеристику *вырастающих* монополий. Именно это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии и существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т.-е. социалистическую революцию.

В России, кроме того, было бы неправильно изображать империализм, как связанное целое (империализм вообще есть несвязанное целое) — потому, что в России очень еще не мало областей и отраслей труда с переходом от натурального и полунатурального хозяйства к капитализму. Это — отсталое, это — слабое, но это все же существует и при известных условиях это может внести элемент затяжки в крахи капитализма

Программа восходит — и должна восходить — от простейших проявлений капитализма к более сложным и «высшим», от обмена к товарному производству, к вытеснению мелких предприятий крупными, к кризисам и т. д. вплоть до империализма, как вырастающей и выросшей только теперь в передовых странах наиболее высокой стадии. Именно так обстоит дело в жизни. Начать сопоставление рядом «обмена» вообще и экспорта капитала — неправильно исторически, неправильно теоретически.

Таково мое возражение против замечаний секции.

*Написано в апреле 1917 г. Напечатано за подписью
Н. Ленин в брошюре «Материалы по пересмотру
партийной программы» в мае 1917 г.*

Резолюция о войне.

(Принята на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. (большевинов) 24—29 апреля 1917 г. всеми голосами при 7-ми воздержавшихся)⁹⁷).

I

Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т.-е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков,

финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции и ее дальнейшему развитию.

Переход государственной власти в России к Временному Правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России. Этот факт особенно наглядно обнаружился в том, что новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных бывшим царем Николаем II с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило, без опроса народа, эти тайные договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д. Сокрытием этих договоров русский народ вводится в обман относительно истинного характера войны.

Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, не разрывая совершенно с интернационализмом, т.-е. братской солидарностью рабочих всех стран в борьбе против ига капитала.

Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т.-е. от завоевания чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банкового капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибыли на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д. Во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9 апр. 1917 года в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18 апреля и разъяснением ее от 22 апреля оно подтвердило захватный характер своей политики. Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т.-е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решить вопрос, желают ли они быть независимыми государствами или входят в состав какого угодно государства.

II.

Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России все народнические партии (нар.-соц., трудовики, соц.-рев.) и оппортунистическую партию с.-д. меньшевиков (О. К., Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами. С другой стороны, «революционное оборончество» является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистской войне не заинтересованы.

Конференция признает безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и с социализмом какие бы то ни было уступки «революционному оборончеству». Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то наша партия будет бороться с этими настроениями неустанным разъяснением той истины, что бессознательное доверчивое отношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех к быстрому окончанию войны.

III.

Что касается самого важного вопроса о том, как окончить возможно скорее и притом не насильственным, а истинно-демократическим миром эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно: будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николай II, и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих.

Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся *правительствами*, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных классов, что эту войну можно окончить демократическим миром *только* посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен покончить конец гнету капитала.

Революционный класс, взяв в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезврежению, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру.

Пока же революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, наша партия будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы за границей, которые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии. В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата.

«Правда» № 44,
29 апреля 1917 г.

Резолюция по земельному вопросу.

(Принята на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. (большевиков)
24—29 апреля 1917 года).

Существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников - помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьян-

ство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну на отсталость во всех областях жизни

Крестьянское землевладение в России, как наделное (общинное и подворное), так и частное (арендованная и купчая земля), снизу доверху, вдоль и поперек окутано старыми, полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права, чересполосицей и т. д. и т. п.

Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные перегородки, необходимость «разгородить» землю, перестроить все отношения землевладения и земледелия заново применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства составляет материальную основу стремлений крестьянства к национализации *всех* земель в государстве.

Каковы бы ни были мелкс-буржуазные утопии, которыми все народнические партии и группы облекают борьбу крестьянских масс против крепостнического помещичьего землевладения и против всех крепостнических пут всего землевладения и землепользования в России вообще, — сама эта борьба выражает собой вполне буржуазно-демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих пут.

Национализация земли, будучи буржуазной мерой, означает наибольшую возможную и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех небуржуазных придатков. Кроме того, национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказывать всякое содействие подобному преобразованию.

С другой стороны, зажиточное крестьянство России давно уже создало элементы крестьянской буржуазии, и столыпинская аграрная реформа, несомненно, усилила, умножила, укрепила эти элементы. На другом полюсе деревни столь же усилились, умножились сельско-хозяйственные наемные рабочие, пролетарии и близкая к ним масса полупролетарского крестьянства.

Чем решительнее и последовательнее будут ломка и устранение помещичьего землевладения, чем решительнее и последовательнее будет буржуазно-демократическое аграрное преобразование в России вообще, тем с большей силой и с быстротой будет развиваться классовая борьба сельско-хозяйственного про-

летариата против зажиточного крестьянства (крестьянской буржуазии).

В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контр-революции вообще,— в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного, могучего влияния.

Исходя из такого классового положения и соотношения сил, конференция постановляет:

1) Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.).

2) Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы Крестьянских Депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3) Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве; означенная передача права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распределения земель в руки местных демократических учреждений.

4) Партия должна решительно бороться как против Временного Правительства, которое и устами Шингарева и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам «добровольное соглашение с помещиками», т.-е. на деле помещичий характер реформы, и грозит крестьянам карами за «самоуправство», т.-е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства,—так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков с.-д., советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного Собрания.

5) Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства.

6) Все вообще аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства,

т. е., с одной стороны, при уничтожении полиции, постоянной армии и фактически привилегированного чиновничества, а с другой стороны, при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху, местном самоуправлении.

7) Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата как в виде Советов Депутатов от сельско-хозяйственных рабочих (а также особых Советов Депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих Советах Крестьянских Депутатов, во всех органах местного и общегородского управления и т. д. и т. д.

8) Партия должна поддерживать почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий живой и мертвый инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулируемого использования по обработке всех земель.

9) Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами Депутатов от сельско-хозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

*«Празда» № 45,
30 апреля 1917 г.*

К чему ведут контр-революционные шаги временного правительства.

Мы получили следующую телеграмму:

«Енисейск. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заслушал телеграмму министра Львова на имя назначенного комиссара Енисейской губ. Крутовского, присланную в Енисейск для руководства.

«Мы протестуем против желания ввести опять чиновничество, заявляем, что, во-первых, мы не допустим управлять нами назначаемым чиновникам, во-вторых, изгнанным крестьянским начальникам возврата нет, в-третьих, признаем только органы, созданные в Енисейском уезде самим народом, в-четвертых, назначаемые чиновники смогут повелевать только через наши трупы.

Енисейский Совет Депутатов».

Итак, Временное Правительство назначает из Петрограда «комиссаров» для «руководства» Енисейским Советом Раб. и Солд. Депутатов или местным Енисейским органом самоуправления вообще. Назначение это произведено было притом Вр. Правит-м в такой форме, что Енисейский Совет Раб. и Солд. Депутатов протестует против «желания ввести опять чиновничество».

Мало того, Енисейский Совет Раб. и Солд. Депутатов заявляет, что «назначаемые чиновники смогут повелевать только через наши трупы». Поведение Вр. Пр-ва довело далекий Сибирский уезд, в лице его всенародно выбранного руководящего учреждения, до того, что по адресу правительства раздается прямая угроза *вооруженного сопротивления*.

Дохозяничались господа из Временного Правительства!

И они же будут кричать — как кричали до сих пор — против зловредных людей, «проповедующих» «гражданскую войну»!

К чему было из Петрограда или из какого-угодно центра назначать «комиссаров» для «руководства» *выборным* местным учреждением? Неужели приезжий человек способен лучше знать местные нужды, способен «руководить» местным населением? Чем подали повод енисейцы к этой нелепой мере? Почему не ограничиться было сначала, *если* енисейцы хоть чем-нибудь пришли в столкновение с решениями большинства граждан других местностей, попыткой *осведомиться*, не давая повода говорить о «чиновничестве», не вызывая законного недовольства и возмущения местного населения?

На все эти вопросы ответ может быть только один. Г.г. представители помещиков и капиталистов, заседающие во Вр. Правительстве, непременно хотят *сохранить* старый, царистский *аппарат* управления: сверху «назначаемое» чиновничество. Так делали все буржуазно-парламентарные республики в мире почти всегда, за исключением непродолжительных периодов революции в некоторых странах.

Так делали, — облегчая и подготавливая этим возврат *от* республики к монархии, к Наполеонам, к военным диктаторам. Так делали — и господа *кадеты* непременно хотят повторить эти печальные примеры.

Вопрос чрезвычайно серьезен. Обманывать себя нечего. Таки-ми шагами, именно ими Вр. Прав-во *подготавливает* — все равно, сознательно или несознательно — восстановление монархии в России.

Вся ответственность за возможные — и до известной степени неизбежные — попытки восстановить монархию в России ложится

на Вр. Прав-во, предпринимающее такие контр-революционные шаги. Ибо сверху «назначаемое»—для «руководства» местным населением—чиновничество всегда было и всегда будет вернейшим залогом восстановления монархии, таким же, как постоянная армия и полиция.

Енисейский Совет Раб. и Солд. Депутатов тысячу раз прав и практически и принципиально. Возврата изгнанных крестьянских начальников допускать не следует. Введение «назначаемого» чиновничества терпеть нельзя. Признать следует «только органы, созданные самим народом» в данной местности.

Идея о необходимости «руководства» через «назначаемых» сверху чиновников является в корне фальшивой, недемократичной, цезаристской или бланкистской *авантюрой*. Энгельс был вполне прав, когда, критикуя в 1891 г. проект программы немецких с.-д., зараженных в изрядной степени бюрократизмом, настаивал на требовании: никакого надзора сверху за местным самоуправлением; Энгельс был прав, напоминая опыт Франции, которая с 1792 по 1798 год управлялась местными выборными органами, без всякого такого надзора, и нисколько не «разваливалась», нисколько не «распадалась», а укреплялась, демократически спланивалась, организовывалась.

Глупые чиновничьи предрассудки—казенщина царистских навыков—реакционно-профессорские идеи о необходимости бюрократизма—контр-революционные замашки и поползновения помещиков и капиталистов—вот на какой почве выросли и растут шаги Временного Правительства, подобные рассматриваемому нами.

Здоровое демократическое чувство рабочих и крестьян, возмущенных издевательской попыткой «назначать» взрослым местным людям, огромному большинству, проводшему своих выборов, для «руководства» ими чиновников сверху—вот что обнаружил Енисейский Совет Раб. и Солд. Депутатов.

Народу нужна действительно демократическая, не знающая иных властей, кроме выборных и по желанию населения в любое время сменяемых, рабочая и крестьянская республика. И за такую республику должны все рабочие и крестьяне бороться *против* замашек Временного Правительства восстановить монархические, царистские приемы и аппараты управления.

«Правда» № 43,
28 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

Значение братания.

Капиталисты либо издеваются над братанием солдат на фронте, либо с бешеной злобой накидываются на него, лгут и клеветают, сводя дело к «обману» русских немцами, грозят—через *своих* генералов и офицеров—карами за братание.

С точки зрения охраны «священной собственности» па капитал и на прибыль с капитала, такая политика капиталистов вполне правильна: действительно, для *подавления* пролетарской социалистической революции в ее зачатках *необходимо* относиться к братанию именно так, как относятся к нему капиталисты.

Сознательные рабочие,—а за ними, по верному инстинкту угнетенных классов, и масса полупролетариев, масса беднейших крестьян, относятся к братанию с самым глубоким сочувствием. Ясно, что братание есть путь к миру. Ясно, что этот путь идет не через капиталистические правительства, не в союзе с ними, а *против* них. Ясно, что этот путь развивает, укрепляет, упрочивает братское доверие между рабочими различных стран. Ясно, что это путь *начинает ломать* проклятую дисциплину казармы-тюрьмы, дисциплину мертвого подчинения солдат «своим» офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большею частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы). Ясно, что братание есть революционная инициатива *масс*, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции.

Да здравствует братание! Да здравствует *начинающаяся* всемирная социалистическая революция пролетариата!

Чтобы братание возможно легче, вернее, быстрее шло к нашей цели, мы обязаны заботиться о наибольшей организованности и о ясной политической программе его.

Сколько бы ни клеветала на нас злобствующая пресса капиталистов и их друзей, называя нас анархистами, мы не устанем повторять: мы не анархисты, мы горячие сторонники наилучшей организации масс и самой твердой «государственной» власти,—только государства хотим мы не такого, как буржуазно-парламентарная республика, а такого, как Республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Мы всегда советовали и советуем вести братание возможно более организованно, проверяя—умом, опытом, наблюдением са-

мих солдат,—чтобы обмана тут не было, стараясь удалять с митингов офицеров и генералов, большей частью злобно клеветующих против братания.

Мы добиваемся, чтоб братание не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению *ясной* политической программы, к обсуждению вопроса, *как* кончить войну, *как* свергнуть иго капиталистов, начавших войну и затягивающих ее ныне.

Поэтому наша партия издала обращение к солдатам всех воюющих стран (см. текст его в № 37 «Правды») ⁹⁸⁾, с изложением нашего определенного, точного ответа на эти вопросы, с *ясной* политической программой.

Хорошо, что солдаты проклинали войну. Хорошо, что они требуют мира. Хорошо, что они начинают чувствовать, что война выгодна капиталистам. Хорошо, что они, ломая каторжную дисциплину, сами начинают братание на всех фронтах. Все это хорошо.

Но это еще недостаточно.

Надо, чтобы солдаты переходили теперь к такому братанию, во время которого обсуждалась бы *ясная* политическая программа. Мы не анархисты. Мы не думаем, что войну можно кончить простым «отказом», отказом лиц, групп или случайных «толп». Мы за то, что войну должна кончить и кончит *революция* в ряде стран, т.-е. завоевание *государственной* власти новым классом, именно: не капиталистами, не мелкими хозяйчиками (наполовину всегда зависимыми от капиталистов), а пролетариями и полупролетариями.

В нашем воззвании к солдатам всех воюющих стран мы и изложили нашу программу рабочей революции во всех странах: переход всей государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищи солдаты! Обсуждайте эту программу в своей среде и вместе с немецкими солдатами! Такое обсуждение поможет вам найти верный, наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига капитала.

* * *

Пара слов об одном из слуг капитала, Плеханове. Жалко смотреть, до чего опустился этот бывший социалист! Он сопоставляет братание с «изменой»!! Он рассуждает: разве не поведет братание, при его удаче, к сепаратному миру?

Нет, господин бывший социалист, братание, которое мы поддерживали на *всех* фронтах, ведет не к «сепаратному» миру между капиталистами нескольких стран, а к всеобщему миру между революционными рабочими всех стран *вопреки* капиталистам всех стран, *против* капиталистов, для свержения ига.

«Правда» № 43,
28 апреля 1917 г.,
без подписи автора.

И. Г. Церетели и классовая борьба.

Все газеты перепечатывают, полностью или в извлечении, речь И. Г. Церетели 27 апреля в торжественном заседании депутатов Гос. Думы всех созывов.

Речь министерская, слов нет. Говорил министр без портфеля. Но мы думаем, что не грех все-таки,—*даже*, когда министры без портфеля говорят министерские речи,—вспомнить о социализме, о марксизме, о классовой борьбе. Каждому свое: буржуазии приличествует избегать разговоров о классовой борьбе, анализа ее, изучения ее, обоснования политики с точки зрения этой борьбы. Буржуазии приличествует отстранять эти «неприятные»—«бестактные», как говорят в гостиных,—темы и воспевать «единство» «всех друзей свободы». Пролетарской партии приличествует не забывать о классовой борьбе.

Каждому свое.

Две основные политические мысли лежат в основе речи И. Г. Церетели: первая,—будто можно и должно различать две «части» буржуазии. Одна часть «пошла на соглашение с демократией»; положение этой буржуазии «прочно». Другая—«безответственные круги буржуазии, провоцирующие гражданскую войну», иначе эту часть Церетели назвал так: «многие из числа так называемых умеренных центровых элементов».

Вторая политическая мысль оратора: «попытка теперь же объявить (!?) диктатуру пролетариата и крестьянства» была бы «отчаянной» попыткой и он, Церетели, согласился бы на эту отчаянную попытку лишь в том случае, если бы хоть на минуту поверил, что идеи Шульгина ⁹⁹⁾ суть «идеи всей цензовой буржуазии».

Разберем обе политические мысли И. Г. Церетели, занявшего—как министру без портфеля или кандидату в министры и подобает—позицию «центра»: ни реакции, ни революции, ни с Шульгиным, ни с сторонниками «отчаянных попыток».

Какие классовые различия указал Церетели между наменченными им двумя частями буржуазии? Ровно никаких. Церетели даже не подумал о том, что не грех обосновывать политику с точки зрения классовой барьбы. Обе «части» буржуазии — помещики и капиталисты, по своей классовой основе. Чтобы Шульгин представлял *не* те классы или подгруппы классов, что Гучков, член Вр. П-ва (и притом из важнейших...), об этом Церетели не проронил ни слова. Церетели выделил идеи Шульгина из идей «всей» цензовой буржуазии, но оснований не привел *никаких*. И не мог привести. «Идеи» Шульгина — за единовластие Вр. Пр-ва, против надзора за ним вооруженных солдат, против «пропаганды против Англии», против «натравливания» солдат на «офицерское сословие», против пропаганды «Петроградской стороны» и т. д.—эти идеи читатель встречает ежедневно на страницах «Речи», в речах и манифестах министров с портфелями и пр.

Разница только в том, что Шульгин говорит «побойчее», а Вр. Пр-во, как провительство, *говорит* поскромнее; Шульгин говорит басом, а Милюков фальцетом. Милюков за соглашение с Советом Р. и Солд. Деп.,—Шульгин тоже *не против* соглашения. Шульгин и Милюков оба за «другие способы контроля» (не так, чтобы вооруженный солдат контролировал).

Церетели выбросил [за борт все и] всякие идеи о классовой борьбе! Ни классовых отличий между «двумя частями» буржуазии, ни сколько-нибудь серьезных политических он *не* указал и не подумал указать!

Под «демократией» в одной части своей речи Церетели разумел «пролетариат и революционное крестьянство». Возьмем это классовое определение. Буржуазия пошла на соглашение с этой демократией. Спрашивается, *чем* держится это соглашение? Каким *классовым* интересом?

Ни звука об этом у Церетели! Он говорит только об «общей демократической платформе, которая оказалась в настоящую минуту приемлемой для всей страны», т.-е., очевидно, для пролетариев и крестьян, ибо «страна», за вычетом «цензовиков» это и есть рабочие и крестьяне.

Исключает ли эта платформа, скажем, вопрос о земле? Нет. Платформа об этом умолчала. Исчезают ли классовые интересы и их рознь от умолчания о них в дипломатических документах, в актах «соглашения», в речах и заявлениях министров?

Церетели «забыл» поставить этот вопрос, забыл «мелочь»: забыл «только» классовые интересы и классовую борьбу...

«Все задачи русской революции,—соловьём пел И. Г. Церетели,—вся ее суть (!!?) зависит от того, поймут ли имущие цензовые классы» (т.-е. помещики и капиталисты), «что эта общенародная платформа не платформа специально-пролетарская»...

Бедные помещики и капиталисты! Они «непонятливы». Они «не понимают». Нужен особый министр из демократии, чтобы обучить их уму-разуму...

Или этот представитель «демократии» забыл о классовой борьбе, перешел на позицию Луи Блана, отделяется фразами от розни классовых интересов?

Шульгин ли и Гучков с Милюковым «не понимают», что крестьянина с помещиком на платформе с умолчанием о земле помирить *можно*? Или И. Г. Церетели «не понимает», что этого достигнуть *нельзя*?

Рабочие и крестьяне, ограничьтесь тем, что «приемлемо» для помещиков и капиталистов,—вот настоящая *суть* (классовая, а не словесная), позиция Шульгина—Милюкова—Плеханова. И они лучше «понимают» это, чем И. Г. Церетели.

Тут мы подошли ко второй политической мысли Церетели: диктатура пролетариата и крестьянства (диктатуру не «объявляют», а завоевывают, заметим кстати...) была бы отчаянной попыткой. Во-первых, так просто говорить теперь об этой диктатуре не доводится: не попасть бы И. Г. Церетели в архив «старых большевиков» *)... Во-вторых,—и это главное—разве рабочие и крестьяне не составляют огромного большинства населения? Разве «демократией» не называется осуществление воли большинства?

Как же можно, оставаясь демократами, быть *против* «диктатуры пролетариата и крестьянства»? Как можно опасаться от нее «гражданской войны»? (гражданской войны какой? горстки помещиков и капиталистов *против* рабочих и крестьян? ничтожного меньшинства против подавляющего большинства?).

И. Г. Церетели запутался окончательно, забыв даже, что если Львов и К^о исполнят свое обещание созвать Учр. Собрание, то оно и станет «диктатурой» большинства! или в Учр. Собрании рабочие и крестьяне должны ограничиться тем, что «приемлемо» для помещиков и капиталистов?

Рабочие и крестьяне—огромное большинство. Вся власть этому большинству—это, извольте видеть, есть «отчаянная попытка»...

---

*) См. мои «Письма о тактике».

Церетели запутался, ибо совершенно забыл о классовой борьбе. С точки зрения марсизма он перешел всецело на точку зрения Луи Блана, который фразой «отговаривался» от классовой борьбы.

Задача пролетарского вождя: разъяснять различие классовых интересов и убеждать известные слои мелкой буржуазии (именно: беднейших крестьян) делать выбор между рабочими и капиталистами, становясь на сторону рабочих.

Задача мелко-буржуазных Луи Бланов: затушевывать различие классовых интересов и убеждать известные слои буржуазии (преимущественно интеллигентов и парламентариев) «соглашаться» с рабочими, убеждать рабочих «соглашаться» с капиталистами, убеждать крестьян «соглашаться» с помещиками.

Луи Блан усердно убеждал парижскую буржуазию и, как известно, чуть-чуть не убедил ее отказаться от массовых расстрелов в 1848 и в 1871 годах...

*«Правда» № 44,
29 апреля 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.*

„Кризис власти“

Вся Россия помнит еще дни 19—21 апреля, когда на улицах Петрограда готова была закипеть гражданская война.

21 апреля Временное Правительство написало новую якобы успокоительную бумажку, в которой «разъяснило» свою грабительскую ноту от 18 числа.

После этого большинство Исполн. Комит. Совета Раб. и Солд. Депут. решило признать «инцидент исчерпанным».

Прошла еще пара дней, и всплыл вопрос о коалиционном министерстве. Исполнительный Комитет разделился почти поровну: 23 против коалиционного министерства, 22—за. Инцидент оказался «исчерпанным» только на бумаге.

Но вот прошло еще 2 дня, и мы имеем новый «инцидент». Военный министр, один из главарей Временного Правительства, Гучков, подал в отставку. Говорят о решенной будто бы отставке всего Временного Правительства (в момент, когда мы пишем эти строки, мы не знаем еще, верно ли, что все Правительство ушло). Создался опять «инцидент»—да притом такой, перед которым поблескивают все предыдущие «инциденты».

Откуда же такое множество «инцидентов»? Нет ли тут какой-нибудь основной причины, которая с неизбежностью порождает «инцидент» за «инцидентом»?

Такая причина *есть*. Это—так называемое двоевластие, это—то неустойчивое равновесие, которое явилось результатом соглашения между Советом Раб. и Солд. Депутатов и Временным Правительством.

Временное Правительство есть правительство капиталистов. Оно не может отказаться от стремления к завоеваниям (аннексиям), оно же может кончить грабительскую войну демократическим миром, оно не может не охранять барышей своего класса (т.-е. класса капиталистов), оно не может не охранять земли помещиков.

Совет Раб. и Солд. Депутатов представляет другие классы. Большинство рабочих и солдат, входящих в Совет, не хотят грабительской войны, не заинтересованы в прибылях капиталистов и сохранении привилегий помещиков. Но оно, вместе с тем, доверяет еще Временному Правительству капиталистов, хочет соглашаться с ним, хочет быть с ним в контакте.

Советы Раб. и Солд. Депутатов сами являются зародышем власти. Рядом с Временным Правительством, Советы тоже пытаются в некоторых вопросах осуществлять свою власть. Получается чресполосица властей, или то, что теперь называют «кризисом власти».

Так тянуться долго не может. При таком положении вещей каждый день будет приносить новый «инцидент» и создавать новые осложнения. Бумажку с надписью: инцидент исчерпан—написать можно. Но в живой жизни эти инциденты не исчезнут. И это по той простой причине, что это вовсе не «инциденты», не случайности, не мелочи. Это внешние проявления глубокого внутреннего кризиса. Это результаты того тупика, в который уперлось все человечество. Выхода из разбойничьей войны нет и быть не может, если не решиться на те меры, которые предлагают социалисты-интернационалисты.

Три пути теперь предлагаются русскому народу, дабы разрешить «кризис власти». Одни говорят: оставьте все по-старому, доверьтесь еще больше Временному Правительству. Возможно, что отставкой угрожают именно для того, чтобы заставить Совет сказать: доверяем еще больше. Временное Правительство добивается, чтобы его стали упрашивать: придите и владейте, без вас—на кого же мы останемся...

Другой путь: коалиционное министерство. Поделите министерские портфели с Милюковым и К^о, введемте в министерство несколько человек наших, и тогда пойдет уж музыка не та.

Третий путь предлагаем мы: перемена всей политики Советов, отказ от доверия к капиталистам и переход всей власти к *Советам Рабочих и Солдатских Депутатов*. Перемена лиц ни к чему не приведет, надо переменить *политику*. Надо, чтобы у власти стал другой класс. Правительству рабочих и солдат поверит весь мир, ибо всякий понимает, что рабочий и беднейший крестьянин никого грабить не хочет. Только это может ускорить конец войны, только это может облегчить нам пережить экономическую разруху.

*Вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов!
Никакого доверия Правительству капиталистов!*

Каждый «инцидент», каждый день, каждый час будет подтверждать *правильность* этого пароля.

«Правда» № 46,
2 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Финляндия и Россия.

Вопрос об отношении Финляндии к России стал злободневным. Врем. Пр-во не сумело удовлетворить финский народ, требующий *пока еще* не отделения, а только широкой автономии.

Недемократическую, аннексионистскую политику Вр. Прав-ва сформулировала и «защитила» на днях «Раб. Газета». Она сделала это так, что успешнее «провалить» подзащитного было бы нельзя. Вопрос этот действительно коренной, общегосударственный, и остановиться на нем со всем вниманием необходимо.

«Орг. Ком. ¹⁰⁰⁾» полагает,—пишет «Раб. Газета» № 42,—что вопрос о взаимоотношениях между Финляндией и Российским государством в целом может и должен быть решен только соглашением между Финляндским Сеймом и Учр. Собр. А до тех пор т.т. финны» (Орг. Ком. беседовал с финскими с.-д.) «должны помнить, что если бы в Финляндии усилились сепаратные тенденции, то это могло бы усилить централистические стремления русской буржуазии».

Это—точка зрения капиталистов, буржуазии, кадетов, но никоим образом не пролетариата. Программу с.-д. партии—именно § 9 ее, признающий право самоопределения за всеми нациями,

входящими в состав государства,—с.-д. меньшевики выкинули за борт. Они отреклись на деле от этой программы, перейдя фактически на сторону буржуазии,—как и по вопросу о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа и т. д.

Капиталисты, буржуазия, а в том числе и партия к.-д., некогда не признавали политического самоопределения наций, т.-е. *свободы отделения* их от России.

С.-д. партия в программе своей, принятой в 1903 году, признала это право в § 9 программы.

Если Орг. Ком. «отослал» финских с.-д. к «соглашению» Финл. Сейма с Учр. Собр., то это и есть переход, по данному вопросу, на сторону буржуазии. Чтобы вполне убедиться в этом, достаточно ясно сопоставить позицию *всех* главных классов и партий.

Царь, правые, монархисты не за соглашение Сейма с У. С., а за прямое подчинение Финляндии русскому народу. Буржуазия республиканская—за *соглашение* Финляндского сейма с У. С. Сознательный пролетариат и с.-д., *верные* своей программе, за *свободу отделения* Финляндии, как и всех неполноправных народностей, от России. Вот бесспорная, ясная, точная картина. Под лозунгом «соглашения», который ровно ничего не решает,—ибо как быть, если соглашение *не* будет достигнуто?—буржуазия проводит то же самое, царистское, подчинение, ту же политику аннексий.

Ибо Финляндию аннексировали русские цари по сделкам с душителем французской революции, Наполеоном и т. д. Если мы действительно против аннексий, то мы должны сказать: *свобода отделения для Финляндии!* Когда мы сказали и осуществили это, тогда—и только тогда—«соглашение» с Финляндией будет действительно добровольным, свободным, действительно соглашением, а не обманом.

Соглашаться могут только равные. Чтобы соглашение было на деле соглашением, а не словесным прикрытием подчинения, для этого необходимо действительно *равноправие обеих* сторон, т.-е., чтобы и Россия имела право *не* согласиться, и Финляндия. Это ясно, как ясен ясный божий день.

Только «свобода отделения» и выражает это: только имеющая свободу отделиться Финляндия действительно в состоянии вступать в «соглашение» с Россией о том, надо ли ей отделяться. Кто без этого условия, без признания свободы отделения, фразерствует «соглашение», тот обманывает себя и народ.

Орг. Ком. должен был ясно сказать финнам, признает он свободу отделения или нет. Он по-кадетски затушевал это и тем отрекся от свободы отделения. Он должен был напасть на русскую буржуазию за ее отказ угнетенным нациям в праве отделения—отказ, *равносильный аннексионизму*. А Орг. Ком. вместо этого нападает на финнов, предостерегая их, что «сепаратные» (надо было сказать: сепаратистские) тенденции усилят централистические стремления!! Орг. Ком., другими словами, грозит финнам усилением аннексионистской великорусской буржуазии—именно это делали всегда кадеты, именно под этим флагом Родичевы¹⁰¹⁾ и К^о проводят *свой* аннексионизм.

Вот наглядное практическое пояснение к вопросу об аннексиях, о коих ныне «все» говорят, боясь прямо и точно поставить вопрос. *Кто против свободы отделения, тот за аннексии.*

Цари проводили политику аннексий грубо, обменивая один народ на другой по соглашению с другими монархами (раздел Польши, сделка с Наполеоном о Финляндии и пр.), как помещики обменивали меж собой крепостных крестьян. Буржуазия, становясь республиканскою, проводит *ту же самую* политику аннексий более тонко, более прикрито, *обещая «соглашение», но отнимая единственную реальную гарантию действительного равноправия при соглашении, именно: свободу отделения*. Орган. Комит. плетется в хвосте буржуазии, переходя на деле на ее сторону. (Вполне права была поэтому «Биржевка», которая перепечатала все существенное из статьи «Рабочей Газеты» и похвалила ответ Орган. Комит. финнам, назвав этот ответ «уроком русской демократии» финнам. «Рабочая Газета» заслужила этот поцелуй «Биржевки»).

Партия пролетариата («большевики») еще раз на своей конференции в резолюции по национальному вопросу подтвердила свободу отделения.

Группировка классов и партий ясная.

Мелкие буржуа дают себя запугать призраком запуганной буржуазии—в этом вся суть политики с.-д. меньшевиков и эс-эров. Они «боятся» отделения. Сознательные пролетарии *не боятся* его. И Норвегия и Швеция выиграли, когда Норвегия свободно отделилась от Швеции в 1905 г.: выиграло доверие между обеими нациями, выиграло добровольное сближение между ними, исчезли нелепые и вредные трения, укрепилось экономическое и политическое, культурное и бытовое *тяготение* обеих друг к другу, усилился братский союз рабочих обеих стран.

Товарищи-рабочие и крестьяне! Не поддавайтесь аннексионистской политике русских капиталистов, Гучкова, Милюкова, Времен. Правит. по отношению к Финляндии, Курляндии, Украине и пр.! Не бойтесь признать свободу отделения всех этих наций. Не насилем надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольным, действительно свободным соглашением, *невозможным* без свободы отделения.

Чем свободнее будет Россия, тем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее *потянутся* к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее—в конечном счете—братский союз пролетарско-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации.

«Правда» № 46,
2 мая 1917 года,
без подписи автора.

Печальный документ.

Воззвание Петроградск. Совета Р. и С. Деп. к армии, напечатанное вчера в газетах ¹⁰²⁾, означает новый переход вождей Совета, народников и меньшевиков, на сторону русской империалистской буржуазии.

Сбивчивость мысли в этом воззвании прямо поразительная. Только люди, совсем забывшие себе голову «революционной» фразой, могут не замечать этого.

«...Война не нужна была трудовому народу. Не он ее начал. Затеяли ее цари и капиталисты всех стран»...

Правильно. Вот это так. И когда воззвание «зовет к восстанию, к революции рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии», мы это тоже от всей души приветствуем, ибо это правильный лозунг.

Но как же можно, рядом с этой несомненной правдой, говорить следующую *вопиющую неправду*:

«...Вы (русские солдаты) защищаете грудью не царя, не Протопоповых ¹⁰³⁾ и Распутиных ¹⁰⁴⁾, *не богачей помещиков и капиталистов*»...

Подчеркнутые нами слова—явная, вопиющая неправда.

Ибо если война «не нужна» трудовому народу, если войну эту затеяли *не только* цари, но и «капиталисты *всех* стран» (как признано в воззвании Совета с полнейшей определенностью), то, очевидно, что пока любой из народов в этой войне терпит у себя правительство капиталистов, он «защищает» *именно* капиталистов.

Одно из двух: *или* в этой войне «виноваты» только австро-германские капиталисты. Если народнические и меньшевистские вожди Петрогр. Совета думают так, то они вполне скатываются к Плеханову, к русскому Шейдеману. Тогда надо вычеркнуть, как неправду, слова, что войну «затеяли» «капиталисты *всех* стран». Тогда надо выкинуть, как неправду, лозунг «мир без аннексий», ибо тогда правильным лозунгом для такой политики будет: у немцев отнять их, немецкие, аннексии, а англичанам и русским сохранить (и приумножить) их, англо-русские, аннексии.

Или эту войну затеяли действительно «капиталисты *всех* стран». Если народнические и меньшевистские вожди Совета *не* отрекаются от этой несомненной правды, тогда нельзя терпеть такой возмутительной неправды, будто русские солдаты, пока они терпят правительство капиталистов, «не» защищают капиталистов.

Тогда надо сказать правду и русским (а не только австро-германским) солдатам: товарищи солдаты, пока мы с вами терпим у себя правительство капиталистов, пока тайные договоры царя считаются святыней, мы ведем именно империалистскую, захватную войну, мы «*защищаем*» грабительские договоры, заключенные бывшим царем Николаем с англо-французскими капиталистами.

Это—горькая правда. Но эта правда. Народу надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза и он *научится* бороться против неправды.

Посмотрите на вопрос с другой стороны—и вы еще раз убедитесь в полной неправдивости воззвания Совета. Оно зовет «к восстанию» рабочих и крестьян Германии. Прекрасно. К восстанию *против* кого? Только ли против Вильгельма?

Но если бы Вильгельма заменили немецкие Гучковы и Милюковы, т.-е. представители класса немецких капиталистов, то разве от этого мог бы измениться захватный характер войны со стороны Германии? Ясно, что нет. Ибо все знают,—и воззвание Совета признает,—что войну «затеяли цари и *капиталисты* *всех* стран». Следовательно, свержение царей, если власть переходит

к капиталистам, ровно ничего в характере войны не меняет. Аннексия Бельгии, Сербии и пр. не перестает быть аннексией от смены Вильгельма немецкими кадетами,—совершенно так же, как аннексии Хивы, Бухары, Армении, Финляндии, Украины и пр. не перестали быть аннексиями от смены Николая русскими кадетами, русскими капиталистами.

Допустим другое и последнее возможное предположение, именно, что воззвание Совета зовет германских рабочих и крестьян к восстанию не только против Вильгельма, но и против германских капиталистов. Тогда мы отвечаем: правильный, верный призыв. Сочувствуем вполне. Но только—любезные граждане Чернов ¹⁰⁵), Чхеидзе, Церетели—справедливо ли это, разумно ли это, достойно ли это: звать немцев к восстанию против капиталистов, а *самим поддерживать правительство капиталистов у себя дома?*

Неужели вы не боитесь, любезные сограждане, что немецкие рабочие сбивают вас в неправдивости и даже (чего боже упаси) в лицемерии?

Неужели вы не боитесь, что немецкие рабочие скажут: у нас еще не вспыхнула революция, мы еще не дошли до того, чтобы наши Советы Р. и С. Деп. открыто договаривались о власти с капиталистами. Если вы, русские братья, уже дошли до этого, отчего вы нам проповедуете «восстание» (вещь тяжелая, кровавая, трудная), а сами *мирно не берете власти* от Львова и К^о, заявляющих о готовности уйти? Вы ссылаетесь на революцию в России, но ведь вы, граждане Чернов, Чхеидзе, Церетели, учились социализму и знаете хорошо, что революция ваша *пока* поставила у власти *капиталистов*. Не получается ли тройной неправды, когда вы во имя русской революции, давшей власть русским капиталистам-империалистам, требуете от нас, немцев, революции против капиталистов-империалистов. Не выходит ли у вас «интернационализм на вывоз», «революционность на вывоз»?—для немца революция против капиталиста, а для русских (песмотря на кипящую тоже революцию в России) *соглашение с капиталистами?*

Чернов, Чхеидзе, Церетели окончательно скатились к защите русского империализма.

Это—печальный факт, но факт.

«Правда» № 47,
3 мая 1917 года,
без подписи автора.

Защита империализма, прикрытая добренькими фразами.

Именно таково обращение Исп. Комитета Петрогр. Совета Раб. и Солд. Деп. к социалистам всех стран, напечатанное сегодня в газетах ¹⁰⁶). Слов против империализма наговорено бездна, но все эти слова сведены на-нет одной маленькой фразой, которая гласит:

«Временное Правительство революционной России усвоило эту платформу» (именно: платформу мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов).

Вот в этой фразе вся суть. И эта фраза есть защита *русского* империализма, есть его прикрытие и прикрашивание. Ибо на деле наше Временное Правительство не только не «усвоило» платформы мира без аннексий, а попирает ее ногами ежедневно и ежедневно.

Наше Временное Правительство «дипломатически» заявило об отказе от аннексий совершенно так же, как правительство капиталистов немецких—разбойники Вильгельм и Бетман-Гольвег. На словах *оба* правительства отказались от аннексий. На деле *оба* продолжают политику аннексий, насильственно удерживая: германское капиталистическое правительство—Бельгию, часть Франции, Сербию, Черногорию, Румынию, Польшу, датские округа, Эльзас и пр.; русское капиталистическое правительство—часть Галиции, турецкую Армению, Финляндию, Украину и пр. Английское капиталистическое правительство есть наиболее аннексионистское правительство в мире, ибо оно насильственно удерживает наибольшее количество народностей в составе Английской империи: Индию (300 миллионов), Ирландию и пр., турецкую Месопотамию, немецкие колонии в Африке и т. д.

Воззвание Исп. Комитета приносит величайший вред делу революции и делу пролетариата, ибо говорит прикрытую самыми добренькими словами неправду об аннексиях. Во-первых, воззвание не отличает отказа от аннексий на словах (в этом смысле *все* без исключения капиталистические правительства мира «усвоили» себе «платформу мира без аннексий») *от* отказа от аннексий на деле (в этом смысле *ни одно* капиталистическое правительство в мире не отказалось от аннексий). Во-вторых, воззвание при-

крашивает—несправедливо, неосновательно, вопреки истине—*русское* Временное Правительство капиталистов, тогда как оно ничуть не лучше (и, вероятно, не хуже) других капиталистических правительств.

Прикрывать неприятную правду добренькими словами—самая вредная и самая опасная вещь для дела пролетариата, для дела трудящихся масс. Правде, как бы она горька ни была, надо смотреть прямо в лицо. Политика, не удовлетворяющая этому условию, есть гибельная политика.

Правда по вопросу об аннексиях состоит именно в том, что *все* капиталистические правительства, русское Врем. Правительство в том числе, обманывает народ *посулами* об отказе от аннексий, *на деле* продолжая политику аннексий. Всякий грамотный человек легко увидит эту правду, если захочет составить *полный список* аннексий хотя бы *трех* стран: Германии, России и Англии.

Попробуйте-ка, господа!

Кто не делает этого, кто неправильно обеляет *свое* правительство, черня другие, тот на деле превращается в защитника империализма.

В заключение отметим, что конец воззвания тоже содержит в себе «ложку дегтя», именно уверение, что «каковы бы ни были разногласия, раздирающие социализм в течение трех лет войны, ни одна фракция пролетариата не должна отказываться от участия в общей борьбе за мир».

Это тоже, к сожалению, совсем пустое, совсем бессодержательное добренькое слово. И Плеханов и Шейдеман уверяют, что они оба «борются за мир» и притом «мир без аннексий». Но кто же не видит, что они оба па деле защищают каждый свое империалистское правительство капиталистов? Какая же польза будет для дела рабочих классов, если мы будем говорить им сладенькую неправду, затушевывая этот переход Плехановых и Шейдеманов на сторону *своих* капиталистов? Неужели не очевидно, что такое затушевывание правды равняется прикрашиванию империализма и его защитников.

«Правда» № 47,
3 мая 1917 года,
без подписи автора.

Запугивание народа буржуазными страхами.

Газеты капиталистскв, с «Речью» во главе, лезут из кожи вон, чтобы запугать народ призраком «анархии». Не проходит дня, чтобы «Речь» не кричала об анархии, не раздувала известий и слухов об отдельных, совершенно ничтожных случаях нарушения порядка, не запугивала народ призраком запуганного буржуа.

За «Речью», за всеми газетами капиталистов тянутся давшие себя запугать газеты народников (соц.-рев. в том числе) и меньшевиков. «Известия» Петроградского Совета Р. и С. Деп., вожди которых в данный момент принадлежат к этим партиям, в сегодняшней передовице окончательно переходят на сторону распространителей «буржуазных страхов», договариваясь до такого... как бы это помягче выразиться?.. явно преувеличенного заявления:

«Идет разложение в армии. Местами идут беспорядочные захваты земли, истребление и расхищение скота и инвентаря. Растет самоуправство».

Под самоуправством народники и меньшевики, т.-е. партии мелкой буржуазии, разумеют, между прочим, взятие всей земли крестьянами на местах, не дожидаясь Учредительного Собрания. Именно этот жупел («самоуправство») выдвинул, как известно, министр Шингарев в свей знаменитой телеграмме, в свое время обошедшей газеты (см. «Правду» № 33)¹⁰⁷).

Самоуправство, анархия. какие страшные слова! Но пусть народник или меньшевик, желающий думать, поразмыслит немного над следующим вопросом:

До революции земли были у помещиков. Это *не* называлось анархией. А к чему *это* привело? К краху по всей линии, к «анархии» в самом доподлинном смысле слова, т.-е. к полному разорению страны, к разорению и гибели большинства населения.

Мыслим ли отсюда иной выход, кроме величайшей энергии, инициативности, решительности *большинства* населения? Ясно, что нет.

Что же получается в итоге?

1) Сторонники царя за всевластие помещиков в деревне и за сохранение ими всей земли. Они *не* боятся действительно получившейся также от этого «анархии».

2) Кадет Шингарев, как представитель всех капиталистов и помещиков (кроме кучки царистов), стоит за «примирительные

землевладельческие камеры для добровольного соглашения между земледельцами и землевладельцами при волостных прод-вольственных комитетах» (см. его телеграмму). Мелко-буржуазные политики—народники и меньшевики—идут на деле за Шингаревым, советуя крестьянам «ждать» до Учредительного Собрания и называя немедленную конфискацию земель самими крестьянами на местах «анархией».

3) Партия пролетариата («большевики») стоит за немедленный захват земель крестьянами на местах, рекомендуя величайшую организованность. Мы не видим тут «анархии», ибо именно такое решение, и только такое решение, есть решение *по большинству* местного населения.

С которых пор решение по большинству называется «анархией»? Не правильнее ли называть анархией решение *по меньшинству*, предлагаемое в разных формах и царистами и Шингаревым?

Ибо, если Шингарев хочет заставить крестьян «добровольно» «примириться» с помещиками, то это есть решение по меньшинству, ибо крестьянских семей приходится в России, на круг, 300 против 1 семьи крупного помещика. Если я предлагаю тремстам семей «добровольно» «соглашаться» с *одной* семьей крупного эксплуататора, то я предлагаю решение в угоду меньшинства, решение анархическое.

Вы, господа капиталисты, криками об «анархии» прикрываете защиту интересов одного против трехсот. Вот в чем гвоздь.

Возражат: но ведь вы хотите решения дела одними местными людьми, не дожидаясь Учредительного Собрания! Ведь вот в чем анархия!

Отвечаем: а Шингарев чего хочет? Тоже решения дела местными людьми («добровольным соглашением») крестьян с помещиками), тоже не дожидаясь Учредительного Собрания!

По этому пункту между нами и Шингаревым разницы нет: **мы** оба за окончательное решение Учредительным Собранием и за предварительное решение—и проведение в жизнь—местными людьми. Разница между Шингаревым и нами только та, что мы говорим: 300 решат, 1 подчинись; а Шингарев говорит: если 300 решат, это будет «самоуправство», а пусть 300 «согласятся» с 1.

Как низко должны были пасть народники и меньшевики, чтобы помогать Шингаревым и К-о распространять буржуазные страхи.

Боязнь народа—вот что руководит этими сеятелями страхов и ужасов.

Боятся народа нечего. — Решение большинства рабочих и крестьян *не* есть анархия. Такое решение единственный возможный залог демократии вообще и успеха в прискании мер избавления от разрухи в частности.

«Правда» № 48,
4 мая 1917 года,
без подписи автора.

Позабыли главное.

(Муниципальная платформа партии пролетариата).

Приближение выборов в районные думы вызвало появление широковещательных платформ соеих мелко-буржуазных демократических партий: передников и меньшевиков. Платформы эти совершенно такого же рода, как платформы европейских буржуазных партий, занятых уловлением доверчивой и неразвитой массы избирателей из мелких хозяев и т. п., напр., французской «радикальной и радикально-социалистической партии». Те же широковещательные фразы, те же пышные обещания, те же расплывчатые формулировки, то же умолчание; о главном или забвение главного, именно: *реальных условий* осуществимости этих обещаний.

Эти реальные условия в данный момент следующие: 1) империалистская война; 2) существование правительства капиталистов; 3) невозможность серьезных мер к улучшению положения рабочих и всех трудящихся масс без революционного посягательства на «священную частную собственность капиталистов»; 4) невозможность проведения в жизнь системы обещаеьых этими партиями реформ при старом органе и аппарате управления, при существовании полиции, которая не может не потворствовать капиталистам, которая не может не ставить тысячи и одной препон для проведения в жизнь этих реформ.

Возьмем пример: «...на время войны нормировать цены на жилые помещения»... «реквизиция таковых запасов» (именно: запасов предметов продовольствия как в торговых помещениях, так и у частных лиц) «для общественных нужд», ...«организовать общественные лавки, хлебопекарни, столовые и кухни» — пишут меньшевики... «обращение должного внимания на санитарию и гигиену» — вторят народники (соц.-рев.).

Превосходнейшие пожелания, что и говорить, по в том-то и суть, что их нельзя осуществить, *не разрывая* с поддержкой империалистской войны, с поддержкой займа (выгодного капиталистам), с поддержкой правительства капиталистов, охраняющего прибыли на капитал, с сохранением полиции, которая любую из подобных реформ застопорит, затормозит, сведет на-нет, даже если бы правительство и капиталисты не поставили реформаторам ультиматума (а они обязательно поставят ультиматум, раз дело коснется прибылей капитала).

В том-то и суть, что все подобные платформы, все подобные списки широковещательных реформ, если забывать жесткие и жестокие условия господства капитала,—пустые слова, означающие на практике либо невиннейшие «благочестивые пожелания», либо простой обман масс дискантными буржуазными политиками.

Надо смотреть правде в лицо. Надо не затушевывать, а говорить ее народу прямо. Надо не прикрывать классовой борьбы, а выяснять ее связь с хорошо звучащими благовидными, восхитительными «радикальными» реформами.

Товарищи-рабочие и все граждане Петрограда! Чтобы провести необходимые для народа назревшие, неотложные реформы, о коих говорят народники и меньшевики, надо порвать с поддержкой империалистской войны и займов, с поддержкой правительства капиталистов, с принципом неприкосновенности прибылей капитала. Чтобы провести эти реформы, надо *не дать восстановить* полиции, которую ныне восстанавливают кадеты, а заменить ее всенародной милицией. Вот что должна партия пролетариата говорить народу на выборах, говорить *против* мелко-буржуазных партий народников и меньшевиков. Вот в чем затушевываемая ими суть пролетарской муниципальной платформы.

Во главе всей этой платформы, во главе списка реформ, как основное условие их действительной осуществимости, должны стоять три главных, коренных пункта:

1) Никакой поддержки империалистской войне (ни в форме поддержки займа и вообще ни в какой форме).

2) Никакой поддержки правительству капиталистов.

3) Не дать восстановить полиции. Замена ее всенародной милицией.

Без сосредоточения главного внимания на этих коренных вопросах, без выяснения обусловленности ими всех муниципальных

реформ,—муниципальная программа неизбежно превращается (в лучшем случае) в невинное пожелание.

Остановимся на третьем пункте.

Во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия), залогом всегда возможных поворотов назад—к монархии. Полиция бьет «простонародье» в участках и в Нью-Йорке, и в Женеве, и в Париже, мирволя капиталистам либо посредством прямого подкупа (Америка и пр.), либо посредством системы «протекций» и «хлопот» людей богатых (Швейцария), либо посредством обеих систем (Франция). Будучи отделена от народа, образуя профессиональную касту, составляясь из людей, «натасканных» на насилии против беднейшего населения, из людей, получающих несколько повышенную плату и привилегии «власти» (не говоря о «безгрешных доходах»), полиция в каких-либо демократических республиках неизбежно остается, при господстве буржуазии, ее вернейшим орудием, оплотом, защитой. Серьезные и коренные реформы в пользу трудящихся масс проводить при помощи полиции *нельзя*. Это объективно невозможно.

Всенародная милиция в замену полиции и постоянной армии—вот *условие* успешных муниципальных реформ в пользу трудящихся. В революционное время это условие осуществимо. И на нем больше всего надо сосредоточить всю муниципальную платформу, ибо два других коренных условия относятся не только к муниципальной, но и к общегосударственной области.

Как именно начать проводить всенародную милицию—дело практики. Чтобы пролетарии и полупролетарии могли участвовать, надо заставить хозяев платить им заработную плату за все дни и часы, проведенные на службе в милиции. Это осуществимо. Дальнейший вопрос: организовать ли *сначала* рабочую милицию, опираясь на рабочих в крупнейших заводах, т.-е. на рабочих, наилучше организованных и способных выполнять роль милиционеров, или организовать *сразу* всеобщую обязательную службу всех взрослых мужчин и женщин в милиции, посвящающих этой службе одну или две недели в год и т. п.; этот вопрос не имеет принципиального значения. Если разные районы начнут по-разному, в этом нет худшего: богаче будет опыт, развитие образования будет идти более плавно и ближе к указаниям практики.

Всенародная милиция, это значит воспитание в демократии действительно *масс* населения.

Всенародная милиция, это значит управление бедными *не только* через богатых, не через *их* полицию, а самим народом, с преобладанием бедных.

Всенародная милиция, это значит, что надзор (за фабриками, за квартирами, за распределением продуктов и пр.) *способен* не остаться на бумаге.

Всенародная милиция, это значит, что распределение хлеба пойдет без «хвостов», *без всяких* привилегий для богатых.

Всенародная милиция, это значит, что целый ряд серьезных и радикальных реформ, перечисленных и у народников с меньшевиками, *не останется* невинным пожеланием.

Товарищи-рабочие и работницы Петрограда! Идите все на выборы в районные думы. Стойте за интересы бедного населения. Против империалистской войны, против поддержки правительства капиталистов, против восстановления полиции, за немедленную и безусловную замену ее всенародной милицией.

*«Правда» № 49,
5 мая 1917 года,
без подписи автора.*

Н а к а н у н е.

«Соглашательская» машина работает во всю. Народники и меньшевики в поте лица трудятся над составлением списка министров. Мы накануне «нового» министерства...

Увы!—Нового в нем будет немного. К правительству капиталистов придаточек мелко-буржуазных министров, народников и меньшевиков, давших себя увлечь на поддержку империалистской войны.

Побольше фраз, новых блесков, пышных обещаний, пестрой шумихи насчет «мира без аннексий»—и никакой решимости хотя бы даже перечислить точно, прямо, правдиво *действительные* аннексии, скажем, трех стран: Германии, России, Англии.

Обмануть себя самих утопией поддержки капиталистов крестьянством (зажиточные крестьяне еще не крестьянство...), утопией «наступления» на фронте (во имя «мира без аннексий»...)—надолго ли этого хватит, граждане старые министры и граждане *новые* министры?

*«Правда» № 49,
5 мая 1917 года,
без подписи автора.*

На зубок новорожденному... „новому“ правительству.

«Речь» в серьезной (сурьезной, по-народному) передовице:

«Будем надеяться, что не понадобится больших потрясений в наших отношениях к союзникам, чтобы доказать приверженцам формулы «без аннексий и контрибуций» (читай: новому Правительству) «ее практическую неприменимость».

А, ведь, они правы, капиталисты, говорящие речами «Речи». Эта формула, действительно, «практически неприменима»... без практического применения революции против капитала.

* * *

Из речи Милюкова, который не ушел, которого ушли:

«Какие бы мы прекрасные формулы дружбы к союзникам ни писали, если армия останется бездейственной, это будет фактической изменой нашему обязательству. И, наоборот, какие бы страшные формулы, изменяющие лояльности, мы ни написали, но если армия фактически будет воевать, то это, конечно, будет фактическим соблюдением наших обязательств по отношению к союзникам»...

Правильно! Он иногда понимает суть дела, этот гражданин Милюков... Граждане Чернов и Церетели, неужели вы не понимаете, какой вывод отсюда проистекает по вопросу о вашем *фактическом* отношении к империалистской войне?

* * *

Из речи Шульгина на заседании организующейся контр-революции:

«Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем».

Не запугивайте, г. Шульгин. Даже когда *мы* будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам посильной и привычной! Запугивание годится против Черновых и Церетели,—нас «не запугаете»!

* * *

Из речи Маклакова на том же заседании («членов Г. Думы»):

«Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала».

Читай: крестьяне и рабочие не удовлетворили г.г. Маклаковых. Они хотят, чтобы Черновы и Церетели «помирили» массы с Маклаковыми. Не удастся!

* * *

Из той же речи:

«Можно многих упрекать, но мы не обойдемся в России ни без буржуазии, ни без пролетариата, ни без отдельных течений, ни без отдельных лиц».

Извините, гражданин Маклаков, но «мы» (партия пролетариата) «обойдемся в России» «без буржуазии». Поживете—увидите—и признаете, что иначе из империалистской войны нельзя было выйти.

* * *

Из той же речи:

«Мы видим массу дурных инстинктов, вышедших наружу: мы видим нежелание работать, нежелание сознать свой долг перед родиной. Мы видим, что во время жестокой войны Россия есть страна празднеств, митингов и разговоров,—страна, отрицающая власть и не хотящая ей повиноваться».

Правильно! Масса «дурных инстинктов», особенно у помещиков и капиталистов. Есть дурные инстинкты и у мелких буржуа: напр., инстинкт идти в коалиционное министерство с капиталистами. Есть дурные инстинкты и у пролетариев с полупролетариями: напр., медленное освобождеие от иллюзий мелко-буржуазного характера, медленный переход к убеждению, что «власть» надо всю взять в руки именно этого и только этого класса.

* * *

Из той же речи:

«Власть будет леветь все больше и больше, пока страна будет праветь все дальше и дальше».

«Страной» Маклаков называет капиталистов. В этом смысле он прав. Но «страна» рабочих и беднейших крестьян, уверяю вас, гражданин, раз в 1.000 левее Черновых и Церетели и раз в 100 левее нас. Поживете—увидите.

*«Правда» № 50,
6 мая 1917 года,
без подписи автора.*

Открытое письмо

к делегатам Первого Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов
(май 1917 года) ¹⁰⁸.

Товарищи—крестьянские депутаты!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей партии (большевиков), к которому я имею честь принадлежать, хотел дать мне полномочие представлять нашу партию на Крестьянском Съезде. Не имея возможности до сих пор, по болезни, выполнить это поручение, я позволю себе обратиться к вам с настоящим открытым письмом, чтобы приветствовать всероссийское объединение крестьянства и указать вкратце на глубокие разногласия, которые разделяют нашу партию с партией «социалистов-революционеров» и «соц.-дем. меньшевиков».

Эти глубокие разногласия касаются трех самых важных вопросов: о земле, о войне и об устройстве государства.

Вся земля должна принадлежать народу. Все помещичьи земли должны без выкупа отойти к крестьянам. Это ясно. Спор идет о том, следует-ли крестьянам на местах немедленно брать всю землю, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь Учредительного Собрания, или не следует?

Наша партия думает, что следует, и советует крестьянам на местах тотчас брать всю землю, делая это как можно более организованно, никоим образом не допуская порчи имущества и прилагая все усилия, чтобы производство хлеба и мяса увеличилось, ибо солдаты на фронте бедствуют ужасно. Учредительное Собрание установит окончательное распоряжение землей, а предварительное распоряжение ею теперь, тотчас, для весеннего сева, все равно невозможно иначе как местными учреждениями, ибо наше Временное Правительство, правительство помещиков и капиталистов, оттягивает созыв Учредительного Собрания и до сих пор не назначило даже срока его созыва.

Предварительно распорядиться землей могут только местные учреждения. Засев полей необходим. Большинство крестьян на местах вполне сумеют организованно распорядиться землей, запахать и засеять всю землю. Это необходимо, чтобы улучшить питание солдат на фронте. Поэтому ждать Учредительного Собрания недопустимо. Права Учредительного Собрания окончательно установить всенародную собственность на землю и условия распоряжения ею мы нисколько не отрицаем. Но предварительно, теперь

же, этой весной распорядиться землей должны сами крестьяне на местах. Солдаты с фронта могут и должны послать делегатов в деревни.

Далее. Чтобы вся земля досталась трудящимся, для этого необходим тесный союз городских рабочих с беднейшими крестьянами (полупролетариями). Без такого союза нельзя победить капиталистов. А если не победить их, то никакой переход земли в руки народа не избавит от народной нищеты. Землю есть нельзя, а без денег, без капитала достать орудия, скот, семена неоткуда. Не капиталистам должны доверять крестьяне и не богатым мужикам (это—те же капиталисты), а только городским рабочим. Только в союзе с ними добьются беднейшие крестьяне, чтобы и земля, и железные дороги, и банки, и фабрики перешли в собственность всех трудящихся, без этого, одним переходом земли к народу нельзя устранить нужды и нищеты.

Рабочие в некоторых местностях России уже переходят к установлению рабочего надзора (контроля) за фабриками. Такой надзор рабочих выгоден крестьянам, он даст увеличение производства и удешевление продуктов. Крестьяне должны всеми силами поддерживать такой почин рабочих и не верить клеветам капиталистов против рабочих.

Второй вопрос—о войне.

Война эта—захватная. Ее ведут капиталисты всех стран из-за своих захватных целей, из-за увеличения своих прибылей. Трудящемуся народу эта война ни в каком случае ничего, кроме гибели, ужасов, опустошения, одичания, не несет и принести не может. Поэтому наша партия, партия сознательных рабочих, партия беднейших крестьян, решительно и безусловно осуждает эту войну, отказывается оправдывать капиталистов одной страны перед капиталистами другой страны, отказывается поддерживать капиталистов какой бы то ни было страны, добивается скорейшего окончания войны посредством свержения капиталистов во всех странах, посредством рабочей революции во всех странах.

В нашем теперешнем новом Временном Правительстве 10 министров принадлежат к партиям помещиков и капиталистов, а 6—к партиям «народников» («социалистов-революционеров») и «меньшевиков социал-демократов». По нашему убеждению, народники и меньшевики делают глубокую и роковую ошибку, входя в правительство капиталистов и соглашаясь вообще поддерживать его. Такие люди, как Церетели и Чернов, надеются побудить капиталистов скорее и честнее окончить эту захватную войну,

Но эти вожди партии народников и меньшевиков ошибаются— на деле они помогают капиталистам готовить наступление русских войск против Германии, то-есть затягивать войну, увеличивать неслыханно-тяжелые жертвы, принесенные русским народом войне.

Мы убеждены, что капиталисты всех стран обманывают народ, обещая скорый и справедливый мир, а на деле затягивая захватную войну. Капиталисты русские, имевшие в своих руках старое Временное Правительство и имеющие по-прежнему в своих руках новое правительство, не захотели даже опубликовать тех тайных, грабительских договоров, которые бывший царь Николай Романов заключил с капиталистами Англии, Франции и других стран с целью отвоевать у турок Константинополь, отнять у австрийцев Галицию, у турок Армению и так далее. Временное Правительство подтвердило и подтверждает эти договоры.

Наша партия считает, что это—такие же преступные грабительские договоры, как и договоры разбойников—немецких капиталистов и их разбойничьего императора Вильгельма с их союзниками.

Кровь рабочих и крестьян не должна литься из-за достижения таких грабительских целей капиталистов.

Надо скорее кончать эту преступную войну —и *не* сепаратным (отдельным) миром с Германией, а *всеобщим миром*, и не миром капиталистов, а миром трудящихся масс *против* капиталистов. Путь к этому один: переход всей государственной власти целиком в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и в России и в других странах. Только такие Советы в состоянии на деле помешать обману народов капиталистами, помешать затягиванию войны со стороны капиталистов.

И здесь я подошел к третьему и последнему из намеченных мною вопросов: к вопросу об устройстве государства.

Россия должна быть демократической республикой. С этим согласно даже большинство помещиков и капиталистов, которые всегда стояли за монархию, но убедились теперь в том, что народ в России ни за что не допустит восстановления монархии. Капиталисты направили теперь все усилия на то, чтобы республика в России как можно больше походила на монархию и могла быть как можно легче снова превращена в монархию (примеры тому бывали во многих странах неоднократно). Для этого капиталисты хотят сохранения чиновничества, стоящего *над* народом, полиции и постоянной армии, отделенной от народа и находящейся под

командой не выборных генералов и офицеров. А генералы и офицеры, если они не выборные, почти всегда будут из помещиков и капиталистов. Это известно даже из опыта всех республик на свете.

Наша партия, партия сознательных рабочих и беднейших крестьян, добивается поэтому иного рода демократической республики. Мы хотим такой республики, чтобы издевающейся над народом полицией в ней не было; чтобы чиновники были все, снизу доверху, только выборные и сменяемые в любое время по требованию народа, чтобы жалование их было не выше платы хорошему рабочему; чтобы в армии все начальство было такое же выборное и чтобы постоянная армия, отделенная от народа, отданная под команду чуждым народу классам, была заменена всеобщим вооружением народа, всенародной милицией.

Мы хотим такой республики, чтобы вся власть в государстве снизу доверху принадлежала всецело и исключительно Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и прочих Депутатов.

Рабочие и крестьяне—большинство населения. Власть должна быть у них, а не у помещиков, не у капиталистов.

Рабочие и крестьяне—большинство населения. Власть и управление должны быть у *их Советов*, а не у чиновников.

Вот наши взгляды, товарищи—крестьянские депутаты! Мы твердо убеждены в том, что опыт скоро покажет самым широким массам народа ошибочность политики народников и меньшевиков. Опыт скоро покажет массам, что спасти Россию, которая, как и Германия, как и другие страны, находится на краю гибели,—спасти измученные войной народы нельзя путем соглашательства с капиталистами. Спасти все народы может только переход всей государственной власти прямо в руки большинства населения.

«Солдатская Правда» № 19,

11 мая 1917 года,

за подписью Н. Ленин.

Р е ч ь,

произнесенная 22-го мая 1917 года на Первом Всероссийском Съезде
Крестьянских Депутатов.

Товарищи, резолюция, которую я от имени социал-демократической фракции Крестьянского Совета имею честь предложить вашему вниманию, отпечатана и роздана делегатам ¹⁰⁹⁾. Если не все ее получили, то мы примем меры к тому, чтобы завтра

же было отпечатано дополнительное число для раздачи всем желающим.

В кратком докладе я могу остановиться, конечно, только на вопросах главных, основных, наиболее интересующих крестьянство и рабочий класс. Кто интересуется вопросом более подробно, тем я мог бы рекомендовать резолюцию нашей партии, Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков), изданную как приложение к № 13 газеты «Солдатская Правда» и разъясненную неоднократно в нашей газете «Правда». Сейчас же мне придется ограничиться разъяснением наиболее важных, наиболее спорных, или вызывающих недоразумение пунктов моей резолюции и нашей партийной программы по аграрному вопросу. Одним из первых таких спорных или вызывающих недоразумения пунктов является вопрос, который коснулся вчера или третьего дня и в Главном Земельном Комитете, в заседании, о котором, вероятно, вы все слышали или читали во вчерашних или позавчерашних газетах. На заседании Главного Земельного Комитета присутствовал один из представителей нашей партии, мой товарищ по Центральному Комитету, товарищ Смилга. Он внес там предложение о том, чтобы Главный Земельный Комитет высказался в пользу немедленного организованного захвата помещичьих земель крестьянством, и за это предложение на товарища Смилгу обрушился целый ряд возражений. (*Голос: «И здесь также»*). Говорят сейчас мне, что и здесь также выступят против этого, равным образом, много товарищей. С тем большим основанием я должен остановиться на выяснении этого пункта нашей программы, ибо мне кажется, что большая часть, я думаю, всех возражений, которые делаются против нашей программы, основаны на недоразумении или на неправильном освещении наших взглядов. Что говорят все резолюции нашей партии, все статьи нашего органа, наша газета «Правда»? «Мы говорим, что земля должна перейти вся без исключения в собственность всего народа. К такому выводу пришли мы на основании изучения, в особенности крестьянского движения 1905 года, заявлений депутатов крестьян 1-й и 2-й Государственной Думы, где сравнительно свободно, *сравнительно*, конечно, могли высказываться многие крестьянские депутаты со всех концов России.

Вся земля должна быть собственностью всего народа. Отсюда уже вытекает, что, защищая немедленный и бесплатный переход помещичьих земель в руки местных крестьян, мы никоим образом не защищаем захвата этих земель в собственность, мы

никоим образом не защищаем раздела этих земель, мы предполагаем, что вся земля должна быть взята под один посев местным крестьянством по решению, принятому большинством местных и крестьянских делегатов. Мы никоим образом не защищаем, чтобы эта земля перешла в собственность тех крестьян, которые сейчас ее берут, на один посев. Все подобные возражения, которые мне постоянно приходилось слышать и встречать на страницах капиталистических газет, против нашего предложения, основаны прямо-таки на неверном толковании наших взглядов. Раз мы говорили, а я повторяю: мы это говорили во всех ваших резолюциях, что земля должна быть собственностью всего народа и перейти к нему бесплатно, то ясно, что установление окончательного распределения этой земли, окончательное установление земельных распорядков, должно производиться только центральной государственной властью, т.-е. Учредительным Собранием, или Всероссийским Советом Советов, если бы такую власть, Совет Советов, крестьянская и рабочая масса создали. На этот счет никаких разногласий нет. Разногласия начинаются дальше, когда нам возражают и говорят: «если так, то всякий немедленный бесплатный переход помещичьих земель в руки крестьянства будет самоуправством». Вот этот взгляд, который всего точнее, всего авторитетнее с наибольшим весом был высказан министром земледелия Шингаревым в его известной телеграмме, этот взгляд мы считаем наиболее ошибочным, невыгодным для крестьянства, невыгодным для земледельцев, невыгодным для обеспечения страны хлебом и несправедливым. Этот взгляд выражен самым точным образом министром Шингаревым в его известной телеграмме, которую я позволю себе прочесть, для того, чтобы показать, против чего мы направляем больше всего наши возражения: «Самостоятельное решение земельного вопроса недопустимо без общегосударственного закона. Самоуправство поведет к государственной беде... Решение земельного вопроса по закону—дело Учредительного Собрания. В настоящее время на местах образованы примирительные земледельческие камеры земледельцами и землевладельцами при волостных продовольственных комитетах».

Вот основное место из заявления правительства по этому вопросу. Если вы ознакомитесь с принятой вчера или третьего дня резолюцией Главного Земельного Комитета по этому вопросу, с резолюцией, которая была принята также на днях совещанием членов Государственной Думы, то вы увидите, что указанные две резолюции исходят из того же взгляда. Они обвиняют тех

крестьян, которые желают осуществить немедленную и бесплатную передачу земли в руки крестьянам и распределение с местным крестьянским комитетом, в самоуправстве, исходя из того, что только добровольное соглашение крестьян с землевладельцами, земледельцев с землевладельцами, только оно будто бы соответствует общим государственным нуждам и интересам. Вот это мы отрицаем, против этого мы и спорим.

Разберем те возражения которые делаются против нашего предложения. Обычно возражения состоят в том, что земля в России распределена чрезвычайно неравномерно и между отдельными небольшими единицами, вроде селения и волости, и между большими единицами, каковы губернии и области. Говорят, если бы местное население своим решением по большинству, не считаясь с волей помещиков, взяло землю в свои руки и притом бесплатно, то неравномерность осталась бы или даже была бы опасность ее закрепления. Мы отвечаем на это, что такой довод основан на недоразумении. Неравенство распределения земли все равно останется, пока Учредительное Собрание, или центральная государственная власть вообще, не установит нового порядка окончательно. Пока не будет установлен этот порядок,—все равно по-крестьянски будет решаться дело или по-помещичьи, так ли, как мы хотим, с немедленным переходом земли в руки крестьянства, или так, как хотят помещики, которые готовы отдать землю в аренду по высокой плате, при условии, что крестьянин-арендатор и помещик сохранят свои права, так это будет или иначе,—неравномерное распределение останется. Возражение против нас явно неправильное и несправедливое. Мы говорим о том, что необходимо, как можно скорее, создать центральную государственную власть, не только опирающуюся на волю и решения большинства крестьянства, но и прямо выражающую мнение этого большинства. На этот счет нет спора. Если мы слышим возражения против большевиков, нападки на них капиталистических газет, утверждения—будто мы анархисты, мы отвергаем это самым решительным образом и рассматриваем эти нападки, как распространение злобной лжи и клеветы.

Анархистами называются те, которые отрицают необходимость государственной власти, а мы говорим, что она безусловно необходима и не только для России сейчас, но и для всякого государства, которое даже прямо бы переходило к социализму. Безусловно необходима самая твердая власть. Мы только хотим, чтобы эта власть была всецело и исключительно в руках большин-

ства Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вот чем мы отличаемся от других партий. Мы никоим образом не отрицаем необходимости твердой государственной власти; мы только говорим, что вся помещичья земля должна перейти бесплатно в руки крестьян, по решению местного крестьянского комитета, принятому большинством, под условием, чтобы никакой порчи имущества не было. Это указано в нашей резолюции самым точным образом. Мы решительно отвергаем возражения против нашего взгляда, будто это самоуправство.

Нет, по нашему мнению, если помещики задерживают в свою пользу земли или берут плату за них, вот это самоуправство, а если большинство крестьянства говорит, что помещичья земля не должна оставаться у помещика, что ничего от этих помещиков, землевладельцев, кроме угнетения в течение многих десятков лет, в течение веков крестьянство не видало, это не есть самоуправство, это есть *восстановление прав*, и с восстановлением права нельзя ждать. Если провести переход земли к крестьянам сейчас, нельзя устранить неравномерность между областями—это бесспорно, но эту неравномерность никто не устранит, пока Учредительное Собрание не собралось. И в настоящее время Шингарев, который нам возражает и в официальных бумагах ругает сторонников наших взглядов за «самоуправство», если бы его спросить, что он против этой неравномерности предлагает, он бы не мог дать ответа.

Ничего не предлагает и ничего не может предложить.

Он говорит—«добровольное соглашение крестьян с помещиками». Что это значит? Я приведу две основные цифры, касающиеся землевладения в Европейской России. Цифры эти показывают, что на одном конце русской деревни богатейшие помещики, считая в том числе и Романовых, самых богатых и худших помещиков, а на другом конце—беднейшие крестьяне; я приведу две цифры, чтобы вы видели, какое значение имеет эта проповедь со стороны Шингарева, со стороны всех помещиков и капиталистов. Вот эти две цифры: если взять самых богатых помещиков всей Европейской России, то окажется, что у крупнейших, числом меньше 30.000 человек, находится земли около 70 миллионов десятин. Это значит больше, чем 2.000 десятин на каждого. Если взять самые мелкие слои богатых русских помещиков, без различия сословия (большинство здесь дворян, но есть не только, а и другие землевладельцы) их 30.000, а у них 70 миллионов десятин. А если взять беднейшее крестьянство, по той же переписи

1905 года, которая дает последние сведения, собранные единообразно по всей России,—сведения, которые не заслуживают по существу очень большого доверия, как всякая статистика, собранная при царе царскими чиновниками, но все-таки дает наиболее приближающиеся к истине, наиболее сравнимые данные,—если взять беднейшее крестьянство, мы получим 10 миллионов дворов и у них около 70—75 миллионов земли. Это значит: у одного—свыше 2 тысяч десятин, а у другого—7 с половиной десятин на двор. И говорят, будет самоуправство, если они не пойдут на добровольное соглашение! Что же это значит «добровольное соглашение»?—Это значит, что помещики, может-быть, уступят землю за арендную плату, но не отдадут никому бесплатно. Справедливо ли это? Нет, не справедливо. Выгодно ли это для крестьянского населения? Нет, не выгодно. Каким образом окончательная земельная собственность будет установлена,—это дело будущей центральной власти, но сейчас немедленно помещичья земля, без выкупа, должна перейти в руки крестьянства, под условием организованного захвата. Министр Чернов в Главном Земельном Комитете, возражая моему товарищу Смильге, сказал, что «организованный захват»,—это два слова, которые друг друга уничтожают,—если захват—значит неорганизованный, а если организованный—значит не захват. Я думаю, что эта критика неправильная. Я думаю, что крестьянство, если оно принимает решение по большинству, в селе или волости, в уезде, в губернии—а в иных губерниях, если не во всех, крестьянские съезды установили власть на местах, представляющую интересы и волю большинства, власть, представляющую волю населения, т.-е. большинства земледельцев, раз такая власть создавалась на местах, ее решение есть решение той власти, которую крестьяне будут признавать. Эта власть та, к которой крестьянское население на местах не может не питать полного уважения, ибо нет сомнения, что эта власть, свободно выбранная власть, постановляет, что помещичья земля должна сейчас же перейти в руки крестьянства: пусть крестьянин знает, что он берет помещичью землю, пусть если он платит, то платит в крестьянские, уездные кассы, пусть он знает, что эти деньги пойдут на улучшение сельского хозяйства, на мостовые, дороги и т. п. Пусть он знает, что берет не свою землю, *но и не помещичью*, а землю общенародную, которой Учредительное Собрание окончательно распорядится. Поэтому никаких прав помещика на землю с самого начала революции, с учреждением первого земельного комитета не должно быть, и не должны быть

производимы никакие денежные взыскания за эту землю. Тут есть основное противоречие в понимании того, что есть порядок и закон; у нас до сих пор смотрели так, что порядок и закон—это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждали, что порядок и закон—есть то, что удобно большинству крестьянства. И пока нет Всероссийского Совета Советов, пока нет Учредительного Собрания, до тех пор всякая власть на местах—уездные комитеты, губернские комитеты—это есть высший порядок и закон. Самоуправством мы называем то, что один помещик, на основании старых вековых прав, требует «добровольного» соглашения с тремя крестьянскими семьями, которые имеют каждая на круг 7 с половиной десятин. Мы говорим—пусть решения принимаются по большинству, мы хотим, чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня, крестьяне получили помещичьи земли.

Нам возражают—ведь, если крестьяне будут сейчас захватывать землю, то, пожалуй, захватят более богатые, у которых есть скот, орудия и т. д.; поэтому не будет ли это опасным с точки зрения именно беднейшего крестьянства? Товарищи, на этом доводе я должен остановиться, потому что наша партия, во всех наших решениях, программах и обращениях к народу, заявляет: мы партия наемных рабочих и беднейших крестьян; их интересы мы желаем охранять; через них и только через них, через эти классы, может человечество выйти из тех ужасов, в которые ввергла их эта война капиталистов.

Поэтому к таким возражениям, будто наши решения оказываются несоответствующими интересам беднейших крестьян, к таким возражениям мы очень внимательно присматриваемся, и приглашаем на них особенно внимательно остановиться, ибо эти возражения касаются самой сути дела, самого корня вопроса. Ведь самая суть дела в том-то и состоит, каким образом интересы наемных рабочих—городских и деревенских—интересы беднейших крестьян можно отстоять в происходящей революции, в происходящем государственном преобразовании России, каким образом можно и должно отстоять их интересы против интересов помещиков или богатых крестьян,—тех же капиталистов. Конечно, в этом гвоздь вопроса, вся суть его. И вот нам возражают, что если рекомендовать крестьянам немедленный захват,—то захватит прежде всего тот, у кого есть орудия, скот, а бедные останутся не при чем. Я вас спрашиваю, а разве добровольное соглашение с помещиками поможет?

Вы прекрасно знаете, что помещики неохотно отдают в аренду тем крестьянам, у которых нет копейки в кармане, и, наоборот, прибегают к «добровольным» соглашениям, когда им обещан хороший платеж. Даром своих земель помещики до сих пор что-то не давали, как-будто у нас в России никто этого не замечал.

Если говорить о добровольном соглашении с помещиками, то это значит гораздо более усилить, увеличить, укрепить то привилегированное, предпочтительное положение, те выгоды, которыми пользуются богатые крестьяне, потому что богатые крестьяне, наверно, могут заплатить помещикам и для всякого помещика богатый крестьянин представляет из себя платежеспособного человека, и помещик знает, что он может заплатить и искать с него можно, и потому при таких «добровольных» сделках с помещиками именно богатые крестьяне выигрывают больше, чем бедные, и наоборот: если есть возможность оказать тут же помощь бедному крестьянству, то только такую меру, которую я предлагаю, именно: земля должна сейчас же бесплатно перейти к крестьянам. Помещичья собственность была и останется величайшей несправедливостью. Бесплатное владение крестьянами этой землей, если владение это будет по большинству, не есть самоуправство, а есть восстановление права. Вот наша точка зрения и вот почему тот довод, будто бы от этого беднейшее крестьянство проиграет, мы считаем великой несправедливостью. Добровольным соглашением называется—только Шингарев может назвать это добровольным соглашением,—если у одного помещика 2.000 десятин, а у 300 крестьян по $7\frac{1}{2}$ десятин на круг—соглашение это назвать добровольным,—это значит смеяться над крестьянином. Это не добровольное соглашение, а вынужденное для крестьянства, вынужденное до тех пор, пока каждым крестьянским волостным, губернским, уездным и Всероссийским Советом не будет заявлено, что помещичья собственность есть великая несправедливость, с отменой которой нельзя ждать ни часа ни минуты.

Собственность на землю должна быть общенародной, а установить ее должна общегосударственная власть. Пока она не собралась, власти на местах, повторяю еще раз, берут помещичью землю, и это они должны делать по большинству организованному. Неправда, если газеты кричат, будто в России царит беспорядок! неправда, в деревне господствует больше порядка, чем прежде, потому что решение производится по большинству, насилий над помещиками почти не было, случаи несправедливости и насилия над помещиками совершенно единичны, они ничтожны и на всю

Россию не превышают числа случаев насилия, которые бывали и раньше.

Теперь я коснусь еще одного довода, который мне приходилось слышать и разбирать в нашей газете «Правда» в связи с медленным переходом земель в руки крестьянства.

Этот довод состоит в том, что если крестьянину рекомендовать брать немедленно помещичьи земли в свои руки бесплатно, то это вызовет неудовольствие, раздражение, опасение и, может быть, даже возмущение солдат на фронте, которые, может быть, скажут: «если крестьяне сейчас землю возьмут, а мы должны стоять на фронте, то мы останемся без земли»,—может-быть, солдаты двинулись бы все с фронта, и получился бы хаос и анархия. На это мы отвечаем таким образом, что это возражение нисколько не касается основного вопроса: все равно—берут ли землю за плату, по соглашению с помещиками, или по решению большинства крестьянства, все равно солдаты остаются на фронте, пока война длится, и, конечно, они останутся на фронте и в деревню вернуться не могут. Почему же солдаты на фронте не будут опасаться, что помещики, под видом добровольного соглашения, наложат невыгодные условия, почему же они должны опасаться того, что крестьянство решит по большинству против помещиков? Непонятно! Почему солдат на фронте должен питать доверие к помещику, к «добровольному» соглашению с помещиком? Я понимаю, когда это говорят партии помещиков и капиталистов, но чтобы так смотрел русский солдат на фронте, я не верю. Если есть «добровольное» соглашение с помещиком, солдат это порядком не назовет, питать к этому доверия не будет, он скорее будет смотреть так, что продолжается старый помещичий беспорядок.

Солдат будет питать больше доверия к тому, если ему сказать: земля переходит к народу, местные крестьяне арендуют и за аренду платят помещику, а вносят в свой комитет на общепользные нужды, на тот же солдатский фронт, но не помещику. Если это решится по большинству, то солдат на фронте узнает, что не может быть уже никаких «добровольных» соглашений с помещиками, что помещики—те же равноправные граждане, которых обидеть никто не хочет. Земля всенародная—значит она принадлежит и помещику тоже, но не на основании привилегий дворянства, а как всякому гражданину, никаких привилегий, с тех дней, как свергнута царская власть, власть царя, который был самым крупным помещиком, угнетателем масс, никаких привиле-

гий землевладельцам-помещикам не должно быть. С установлением свободы, с этого момента, помещичья власть должна считаться свергнутой раз и навсегда. От этого взгляда нисколько не проиграет солдат на фронте, а, наоборот, у него будет гораздо больше доверия к государственной власти и спокойной уверенности за дом, что его семья не останется обиженной, беспризорной.

Остается еще один довод, который выдвигался против нашего предложения. Довод состоит в том, что если бы крестьяне немедленно захватили помещичью землю, то такой немедленный, мало подготовленный захват, может быть, привел бы к ухудшению обработки земли, может быть, посев был бы хуже. Я должен сказать, что власть большинства, общегосударственная власть, еще не создалась, крестьяне еще не получили достаточно доверия к себе, не потеряли доверия к помещикам и капиталистам; я думаю, что с каждым днем мы приближаемся к этому, с каждым днем доверие к старой государственной власти крестьянство теряет и сознает, что правительством в России должны быть крестьянские, солдатские, рабочие и проч. выборные и больше никто; я думаю, что каждый день к этому времени нас приближает, не потому, чтобы какие-нибудь партии это советовали—никогда миллионы людей не будут слушать советов партий, если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни,—мы приближаемся быстрыми шагами к тому времени, когда не будет в России никакой власти, кроме власти крестьянских и рабочих выборных. И когда мне говорят, что, пожалуй, немедленный захват земель поведет к тому, что земля будет плохо обработана, засев будет плохой, то я должен сказать, что у наших крестьян, в силу их подавленности, в силу векового угнетения их помещиками, обработка очень плохая. Конечно, в России страшный кризис, который обрушился на нее, как и на все воюющие страны, и России не спастись, если не перейти к лучшей обработке, к величайшей экономии человеческого труда. Но сейчас, на первый посев, разве может что-нибудь изменить добровольное соглашение с помещиками? Что же? Помещики будут лучше наблюдать за обработкой земли, крестьяне будут хуже засевать землю, если будут знать, что они сеют не на помещичьей, а на общенародной земле? Что если они платят, то не помещику, а в свои крестьянские кассы?—это такая бессмыслица, что я удивляюсь, когда слышу такие доводы; это совершенно невероятно и целиком представляет из себя хитрость помещиков.

Помещики поняли, что больше господствовать палкой нельзя, это они хорошо поняли, и они переходят к тому способу господства, который для России новинка, а в Западной Европе, в западно-европейских странах существует давно. Что господствовать палкой больше нельзя, у нас это показали две революции, а в западно-европейских странах это показали десятки революций. Эти революции обучают помещиков и капиталистов, они обучают их, что народом надо править обманом, лестью, надо приспособиться, прицепить к пиджакам красный значек и—хотя бы это были мироеды—говорить: «Мы революционная демократия, пожалуйста, только подождите, и мы все для вас сделаем». (*Аплодисменты*). Такой довод, будто крестьяне хуже засеют землю сейчас, если они будут сеять уже не на помещичьей, а на общенародной земле, есть именно насмешка над крестьянами, попытка сохранить обманом господство над ними.

Повторяю: помещичьей собственности не должно быть совсем; владение еще не есть собственность, владение есть временная мера и владение каждый год переменяется: крестьянин, который получает в аренду кусочек земли, не смеет считать, что земля его: земля не его и не помещика, а народная; и повторяю, что от этого ухудшиться посев полей на этот год, на эту весну не может; это предположение настолько чудовищное и невероятное, что я вам говорю только одно, что надо остерегаться помещиков, не доверять им, не давать себя в обман ласковым словам и обещаниям. Надо помнить, что решение большинства крестьян, которые в своих решениях довольно осторожны, есть законное и общегосударственное решение. В этом отношении на крестьян положиться можно. Например, у меня есть решение Пензенских крестьян, которое от первого пункта до последнего проникнуто чрезвычайной осторожностью, никакого немедленного преобразования на всю Россию крестьяне не затевают, они не хотят загонять себя в невыносимую кабалу, и в этом они правы. Самая большая кабала была помещичья и остается помещичьей, кабалой землевладельцев и угнетателей. И потому ни одной недели, ни одного часа ждать с устранением этой кабалы нельзя, но всякий захват должен быть захватом организованным, не в собственность, не в раздел, а только в общее пользование землей общенародной. Этот вопрос о захвате я мог бы закончить, отвечая таким образом, что возражения против нашего предположения основаны со стороны помещиков и капиталистов на обмане, а со стороны не помещиков, не капиталистов, со стороны людей, которые желают интересы

трудящихся защищать, основаны на недоразумении, на чрезмерном доверии к тому, что против нас лживо говорят капиталисты и помещики. Если разобрать наши доводы, то оказывается, что справедливое требование уничтожения помещичьей собственности тотчас же, точно так же, как и переход земельной собственности к народу, нельзя осуществить, пока не соберется центральная государственная власть, а переход владения землей к самим крестьянам тут же, на местах, мы советуем самым настоятельным образом, с тем, чтобы не было допущено ни малейшего нарушения порядка. Мы в наших резолюциях этот совет даем и, может быть, это совет излишний, потому что и без него крестьяне проводят это в жизнь.

Я перейду ко второму вопросу, на котором следует остановить больше всего внимание: к вопросу о том, как же нам желательно и как в интересах трудящихся масс следует поступить с землей, когда она будет уже общенародной собственностью, когда будет уничтожена частная собственность. Этот час совсем близок в России.

На самом деле большинство помещичьей власти если не уничтожено, то подточено. Когда земля будет во владении всех крестьян, когда не будет помещиков, как быть, как распределить землю? По этому вопросу мне кажется необходимо установить некоторый общий взгляд, коренной взгляд, потому что, само собой разумеется, распоряжение на местах всегда остается у крестьянства. В демократическом государстве иначе быть не может, это настолько ясно, что об этом и говорить излишне. Но когда раздается вопрос о том, как быть, чтобы земля досталась трудящимся, то мы говорим: мы хотим отстаивать интересы наемных рабочих и беднейших крестьян; это считает своей задачей наша партия российских социал-демократов большевиков, и мы спрашиваем себя: если говорить, что земля перейдет к народу, то же ли это самое, что сказать, что земля перейдет к трудящимся? И мы даем ответ: нет, это не то же самое. Если сказать, что земля перейдет к народу—это значит, что собственность помещичья будет уничтожена, это значит, что вся земля принадлежит всему народу, это значит, всякий, кто берет землю, берет ее, как аренду у всего народа. Если этот порядок установится, это значит, никакого различия по землевладению не останется, вся земля одинакова. Как крестьяне часто говорят—всякие старые разгородки, перегородки земли падут, земля разгородится—будет вольная земля и вольный труд.

Значит ли это, что земля передается всем трудящимся? Нет, не значит. Вольный труд на вольной земле,—это значит, что все старые формы землевладения сведены на-нет, никакого иного землевладения, кроме общегосударственного, нет, и каждый берет землю в аренду у государства—есть государственная общая власть, власть всех рабочих и крестьян, у этой власти берет один крестьянин, как арендатор: между государством и крестьянином никаких посредников нет, всякий берет на равных началах—это есть вольный труд на вольной земле. Значит ли это, что земля передается всем трудящимся?

Нет, не значит. Землю есть нельзя, а чтобы хозяйничать, нужно иметь орудия, скот, приспособления, деньги; без денег, без орудий хозяйничать нельзя. Поэтому, когда мы установим, когда вы установите такой порядок, что будет вольный труд на вольной земле, никакого помещичьего землевладения, никаких разрядов на земле не будет, а будет только общенародная собственность и свободные арендаторы земли у всего государства, когда вы установите это—это не есть переход земли ко всем трудящимся, это означает только то, что каждый хозяин будет распоряжаться землей свободно. Кто захочет, тот возьмет свободно общегосударственную землю, это будет большой шаг вперед по сравнению с царской, помещичьей Россией. Это будет большим шагом вперед, потому что помещичья, царская Россия была Россией, в которой 70.000.000 десятин было отдано 30.000 Марковым, Романовым и тому подобным помещикам; это будет такая Россия, в которой будет вольный труд на вольной земле. Уже сейчас это сделано во многих местах. Россия уже сейчас шагнула вперед против царской помещичьей России, но это не есть переход земли к трудящимся, это есть переход земли к хозяину, потому что, если земля общегосударственная и будут ее брать те, кто хочет на ней хозяйничать,—этого мало, мало одного хотения хозяйничать, нужно и умение, но и умения мало. У всякого батрака умение есть, у него не хватает скота, орудий, капитала, и поэтому сколько бы вы ни постановляли, сколько бы ни говорили, этим мы не установим вольный труд на вольной земле. Если бы мы даже надписи повесили в каждом волостном правлении о вольной земле, дело бы от этого не улучшилось в сторону трудящихся, как в западно-европейских республиках, где в тюрьмах написано «свобода, равенство и братство», тюрьмы от этого не перестают быть тюрьмами. Если на фабрике написать слова: «свобода, равенство и братство», как в Америке, от этого фабрика

не перестанет быть каторгой для рабочих и раем для капиталистов. Значит, теперь надо думать о дальнейшем—каким образом добиться, чтобы не только был вольный труд—это шаг вперед, но это еще не шаг к охране интересов трудящихся, это шаг к освобождению от помещичьего хищничества, от эксплуатации помещиков, освобождение от Малыхозых, от полиции и т. д.,—но это не есть шаг к охране интересов трудящихся, потому что без скота, без орудий, без капитала распоряжаться землей не может бедный, неимущий крестьянин. Вот почему я отношусь с большим недоверием к вопросу о так называемых двух мерках или двух нормах—норме трудовой и продовольственной. Я знаю, что об этих нормах в партиях народнических всегда встречаются рассуждения и пояснения, я знаю, что эти партии стоят на точке зрения необходимости установления этих двух норм, этих двух мерок: нормы трудовой, количества земли, больше которого семья обрабатывать не может, и нормы продовольственной—количества земли, меньше которого означало бы уже голод. Я говорю, что к этому вопросу о нормах или мерках я отношусь с большим недоверием, и думаю, что это план чиновничий, от которого пользы не будет, который в жизнь войти не сможет, хотя бы вы здесь и постановили этот план. В этом вся суть. План этот не может дать сколько-нибудь заметного облегчения в положении наемных рабочих и беднейших крестьян, план этот, если вы даже его признаете, останется на бумаге до тех пор, пока господствует капитализм. План этот не помогает нам найти верную дорогу для перехода из капитализма в социализм. Когда говорят об этих двух мерках, об этих двух нормах, представляют себе дело так, как будто существует только земля и граждане, как будто бы ничего больше не было на свете.

Если бы это было так, то этот план был бы хорош. Но дело обстоит не так: существует власть капитала, власть денег, без денег на самой вольной земле, при каких угодно «мерках» хозяйства быть не может, потому что пока деньги остались—остается наемный труд. А это значит, что богатые крестьяне, а их тут в Руси не меньше одного миллиона семей, угнетают, эксплуатируют наемных рабочих и будут угнетать их и на «вольной» земле. Эти богатые крестьяне—постоянно, не в виде исключения, а по общему правилу, прибегают к найму рабочих—годовых, сроковых, полденных, то-есть к эксплуатации беднейших крестьян, пролетариев. А рядом с этим имеются миллионы и миллионы крестьян безлошадных, которые не могут существовать, не продавая своей рабо-

чей силы, не идя на отхожий промысел и т. д. До тех пор, пока власть денег осталась, какие бы вы «нормы» ни устанавливали, они останутся в лучшем случае не пригодными для жизни потому, что они не считаются с тем главным фактором, что собственность на орудия, на скот, на деньги распределена неравномерно,—не считаются с тем, что существует наемный труд, который подвергается эксплуатации. Это—основной факт теперешней жизни России, его нельзя обойти, и если мы установим какие-либо «мерки», жизнь их обойдет и «мерки» останутся на бумаге. И вот почему, для того, чтобы интересы крестьян неимущих и беднейших отстоять в этом величайшем преобразовании России, которое вы теперь производите и которое несомненно произведете, когда частная собственность на землю будет уничтожена, когда сделан будет шаг вперед к приближению лучшего социалистического будущего, для того, чтобы в этом великом преобразовании, которое вы только что начинаете, которое пойдет далеко вперед и которое, можно сказать без преувеличения, несомненно, в России будет произведено, потому что нет такой силы, которая этому бы помешала,—для того, чтобы отстоять интересы рабочих и беднейших крестьян, нельзя идти путем установления норм или мерок, нужно искать другого пути.

Я и мои товарищи по партии, от имени которой я имею честь говорить, мы знаем только два таких пути отстаивания интересов сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян, мы эти два пути вниманию Крестьянского Совета и рекомендуем.

Первый путь—это организация сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян. Мы хотим и советуем, чтобы в каждом крестьянском комитете, в каждой волости, уезде, губернии, образовалась отдельная фракция или отдельная группа сельско- хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян, таких, которые должны себе сказать: если завтра земля станет общенародной,—а она станет такой безусловно, потому что этого хочет народ,—как нам быть?

Мы, не имеющие скота, орудий, откуда мы их получим? Как нам хозяйничать? Как мы должны отстаивать свои интересы? Как нам позаботиться о том, чтобы земля, которая будет общенародной, которая действительно будет общенародной, чтобы она не попала в руки *только хозяев*? Если она попадет в руки тех, у которых будет достаточно скота и орудий, много ли мы выиграем?

Для того ли мы совершили этот великий переворот? Это ли нам нужно было? Это будет земля у «народа», но этого *недоста-*

точно для защиты интересов сельско-хозяйственных наемных рабочих. Основной путь не в том состоит, что отсюда сверху, или крестьянский комитет установит «мерку» для владения землей в одиочку. Эти меры не помогут, пока господствует капитал, и не выведут эти меры из господства капитализма. Для того, чтобы выйти из-под ига капитализма, для того, чтобы общенародная земля перешла в руки *трудящихся*,—есть только один основной путь: это путь организации сельско-хозяйственных наемных рабочих, которые будут руководствоваться своим опытом, своими наблюдениями, своим недоверием к тому, что говорят им мироеды, хотя они выступают с красными бантиками и называют себя «революционной демократией».

Только самостоятельная организация на местах, только ученье собственным опытом научит беднейших крестьян. А опыт этот будет нелегким, мы не можем обещать и не обещаем, что потекут молочные реки и будут кисельные берега; нет, помещики будут свергнуты потому, что народ этого хочет, но *капитализм* остается: его свергнуть гораздо труднее, к свержению его ведет другой путь: это—путь самостоятельных, отдельных организаций сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян—вот что наша партия выдвигает в первую голову.

Только от этого пути можно ждать постепенного, нелегкого, но верного перехода земли действительно в руки трудящихся.

Второй шаг, который наша партия рекомендует, состоит в том, чтобы из каждого крупного хозяйства, с каждой, например, помещичьей экономии, крупнейшей, которых в России 30.000, образованы были, по возможности скорее, образцовые хозяйства для *общей* обработки их совместно с сельско-хозяйственными рабочими и учеными агрономами, при употреблении на это дело помещичьего скота, орудий и т. д. Без этой *общей* обработки под руководством Советов сельско-хозяйственных рабочих не выйдет так, чтобы вся земля была у *трудящихся*. Конечно, общая обработка вещь трудная, конечно, если бы кто-нибудь вообразил, что такую общую обработку можно сверху постановить и навязать,—это было бы сумасшествием, потому что вековая привычка к отдельным хозяйствам сразу исчезнуть не может, потому что тут требуются деньги, требуются приспособления к новым устоям жизни. Если бы эти советы, это мнение относительно общей обработки, общего инвентаря, общего скота с наилучшим применением орудий, совместно с агрономами, если бы эти советы были выдумкой отдельных партий, дело было бы плохо, потому что по

совету какой-нибудь партии какие-либо изменения в жизни народа не происходят, потому что по совету партий десятки миллионов людей не идут на революцию, а такая перемена будет гораздо большей революцией, чем свержение слабоумного Николая Романова, повторяю, что десятки миллионов людей не идут на революцию по заказу, а идут тогда, когда настает безысходная нужда, когда народ попал в положение невозможное, когда общий напор, решимость десятков миллионов людей ломает все старые перегородки и действительно в состоянии творить новую жизнь. Если мы советуем такую меру, советуем приступить к ней с осторожностью, говоря, что она становится необходимой, то это мы выводим не только из нашей программы, из нашего социалистического учения, а только потому, что, будучи социалистами и наблюдая жизнь западно-европейских народов, мы к этому выводу пришли. Мы знаем, что там бывало много революций, которые создавали республики демократические, мы знаем, что в Америке в 1865 г. были побеждены рабовладельцы и затем сотни миллионов десятин были розданы крестьянам даром или почти даром, и тем не менее там господствует капитализм, как нигде, и давит трудящиеся массы так же, если еще не сильнее, чем в других странах. Вот то социалистическое учение, вот то наблюдение над другими народами, которое нас привело к твердому убеждению, что без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно-образованных агрономов нет выхода из-под ига капитализма. Но если мы только основывались бы на опыте западно-европейских государств, наше дело для России было бы плохо, потому что русский народ только тогда способен сделать в своей массе серьезный шаг по этому новому пути, когда создается крайняя нужда. И мы говорим: пришло именно такое время, когда эта крайняя нужда для всего русского народа стучится в дверь. Эта крайняя нужда заключается в том, что по-старому хозяйничать нельзя. Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольные граждане на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель потому, что разруха надвигается с каждым днем, с каждым часом. Об этом все говорят, это—факт, который вызван не злой волей отдельных лиц, а вызван всемирной захватной войной, вызван капитализмом.

Война уничтожила массу людей, весь мир залит кровью, весь мир война привела к гибели, это—не преувеличение, никто не может ручаться за завтрашний день, все говорят об этом. Возь-

мите «Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», там все говорят: капиталисты прибегают к итальянской забастовке и лок-аутам. Это значит: нет работы и капиталисты устраивают массовый расчет рабочих,—вот до чего довела эта преступная война не одну Россию, а все страны.

Вот почему мы говорим: хозяйство на отдельных участках, хотя бы «вольный труд на вольной земле»—это не выход из ужасного кризиса, из всеобщего разрушения, это не спасение. Необходимо *всеобщая трудовая повинность*, нужна величайшая экономия на *каждую* часть человеческого труда, нужна необыкновенно сильная и твердая власть, которая была бы в состоянии провести эту всеобщую трудовую повинность: ее не могут провести чиновники, ее могут провести только Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, потому что это—сам народ, сами народные массы, потому что это—не власть чиновничья, потому что они, зная всю крестьянскую жизнь, сверху донизу, могут установить трудовую повинность, могут установить то ограждение человеческого труда, при котором не расхищался бы труд крестьянина, и переход к общей обработке, таким образом, совершался бы постепенно и осмотрительно. Это—трудное дело, но необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах: без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя, и было бы величайшей ошибкой, если бы кто-нибудь подумал, что подобное величайшее преобразование в жизни народа можно произвести одним ударом. Нет, это требует величайшего труда, требует напряжения решимости и энергии каждого отдельного крестьянина и рабочего у себя на месте в том деле, которое он знает, в том производстве, которое он десятками лет ведет. Такую вещь нельзя сделать по какому-либо распоряжению, но такую вещь сделать необходимо, потому что захватная война привела все человечество на край гибели, десятки миллионов жизней погибли, погибли еще больше от этой ужасной войны, если не напряжем все свои силы, если все организации Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов не сделают общих решительных выступлений по пути к общей обработке земли без капиталистов, без помещиков. Только этот путь даст действительный переход земли в руки трудящихся.

Напечатано в брошюре

«Материалы по аграрному вопросу»,

изданной «Прибоем» в конце 1917 года.

Проект резолюции по аграрному вопросу,

представленный Н. Лениным на Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов от имени социал-демократической фракции.

1. Все помещичьи и частновладельческие земли, а равно удельные, церковные и так далее должны немедленно перейти к народу без всякого выкупа.

2. Крестьянство должно организовано, через свои Советы Крестьянских Депутатов, брать всю землю на местах немедленно для хозяйственного распоряжения ею, нисколько не предпреляя этим окончательного установления земельных распоряжков Учредительным Собранием или Всероссийским Советом Советов, если народ передаст центральную государственную власть в руки такого Совета Советов.

3. Частная собственность на землю вообще должна быть уничтожена, то - есть право собственности на всю землю должно принадлежать только всему народу; распоряжаться же землею должны местные демократические учреждения.

4. Крестьяне должны ствергнуть совет капиталистов, помещиков и их Временного Правительства относительно «соглашения» с помещиками на местах для установления немедленного распоряжения землей; распоряжение землей должно определяться организованным решением большинства местных крестьян, а не соглашением большинства, т.-е. крестьян с меньшинством, и притом ничтожным меньшинством, т.-е. с помещиками.

5. Против перехода к крестьянству всех помещичьих земель без выкупа борются и будут бороться всеми средствами не только помещики, но и капиталисты, обладающие очень большой силой не только денежной, но и силой влияния на темные еще массы через газеты, через многих, привыкших к господству капитала, чиновников и т. п. Поэтому переход всех помещичьих земель к крестьянству без выкупа не может быть ни проведен до конца, ни упрочен без разрушения в крестьянских массах доверия к капиталистам, без тесного союза крестьянства с городскими рабочими, без перехода всей государственной власти полностью в руки Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и др. Депутатов. Только государственная власть, находящаяся в руках подобных Советов и управляющая государством не через полицию, не через чиновников, не через оторванную от народа постоянную армию, а через всенародную, поголовную, вооруженную милицию ра-

бочих и крестьян, в состоянии обеспечить изложенные выше и требуемые всем крестьянством земельные преобразования.

6. Сельско-хозяйственные наемные рабочие и беднейшие крестьяне, т.-е. такие, которые добывают себе средства к жизни отчасти наемным трудом, не имея достаточно земли, скота, орудий, должны всеми силами стремиться к самостоятельной организации в особые Советы или в особые группы внутри общекрестьянских Советов, чтобы отстаивать свои интересы против богатых крестьян, неизбежно стремящихся к союзу с капиталистами и помещиками.

7. Вследствие войны, России, как и всем воюющим, а также многим нейтральным (невоюющим) странам грозит разруха, катастрофа, голод вследствие недостатка рабочих рук, недостатка угля, железа и проч. Спасти страну может только переход Рабочих и Крестьянских Депутатов к надзору и руководству всем производством и распределением продуктов. Поэтому необходимо теперь же готовить соглашения Советов Крестьянских Депутатов с Советами Рабочих Депутатов об обмене хлеба и других деревенских продуктов на орудия, обувь, одежду и прочее, без посредства капиталистов и с устранением их от заведывания фабриками. В тех же целях надо поощрять переход помещичьего скота и орудий в руки крестьянских комитетов для общего пользования этими орудиями и этим скотом. Равным образом надо поощрять устройство из каждого крупного помещичьего имения образцового хозяйства с общей обработкой земли наилучшими орудиями, под руководством агрономов и по решениям Советов Депутатов от сельско-хозяйственных рабочих.

*Напечатано в брошюре
«Материалы по аграрному вопросу»,
изданной «Прибоем» в конце 1917 года.*

Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против капитала.

Именно так поставлен вопрос историей, и притом не историей вообще, а экономической и политической историей России *сегодня*.

Народники и меньшевики, Чернов и Церетели, перенесли контактную комиссию из соседней комнаты (с той, где заседали министры) в самую министерскую комнату. Таково и только таково чисто политическое значение события: «новое» министерство.

Его экономическое или классовое значение: в лучшем (для прочности министерства и для сохранения господства капиталистов) случае верхушки крестьянской буржуазии, с 1906 года возглавляемой Пешехоновым, и мелко-буржуазные «вожди» меньшевистских рабочих *обещали* капиталистам свое классовое сотрудничество. (В худшем для капиталистов случае вся смена имеет только личное или только кружковое значение, никакого классового значения.)

Допустим, что этот лучший случай есть факт. Даже и при таком допущении не может быть и тени сомнения в том, что обещавшие не в состоянии выполнить своих обещаний. «Мы поможем—в союзе с капиталистами—вывести страну из кризиса, спасти ее от краха, избавить ее от войны»—таков реальный смысл вступления в министерство вождей мелкой буржуазии, Черновых и Церетели. Наш ответ: вашей помощи недостаточно. Кризис зашел неизмеримо более далеко, чем вы воображаете. Спасти страну—и притом не одну только нашу страну—в состоянии лишь революционный класс, проводя революционные меры против капитала.

Кризис так глубок, так широко разветвлен, так всемирно велик, так тесно связан с капиталом, что классовая борьба против капитала неизбежно должна принять форму политического господства пролетариата и полупролетариев. Иначе выхода нет.

Вы хотите революционного энтузиазма в войске, граждане Чернов и Церетели? Вы не сможете создать его, ибо революционный энтузиазм народных масс рождается не от смены «вождей» в министерствах, не от пышных слов в декларациях, не от обещаний сделать шаги к пересмотру договора с английскими капиталистами,—а только от всех и каждому видных повседневных, повсеместных фактов революционной политики *против* всевластия капитала, против извлечения им прибылей от войны,—политики, на деле улучшающей радикально условия жизни для массы бедных.

Даже если вы дадите немедленно всю землю народу, это еще не выводит из кризиса без революционных мер против капитала.

Вы хотите наступления, граждане Чернов и Церетели? Вы не можете побудить армию к наступлению, ибо насилие *над* народом сейчас невозможно. А без насилия над народом он пойдет на наступательную войну лишь в великих интересах великой революции против капитала всех стран, и притом революции не обещанной только, не провозглашенной только, а уже осуществляемой на деле, уже проводимой в жизнь для всех и каждого наглядно, для всех и каждого ощутительно.

Вы хотите организации снабжения, граждане Пешехоновы и Скобелевы, снабжения крестьян продуктами, войска хлебом и мясом, промышленности сырьем и т. д.? Вы хотите контроля за производством, частью даже организации его?

Вы не сможете дать этого без революционного энтузиазма пролетарских и полупролетарских масс, рождаемого лишь революционными мерами против привилегий и прибылей капитала. Без этого обещанный вами контроль останется мертвой, чиновничье-капиталистической полумерой.

Опыт классового сотрудничества с капиталом проводится теперь гражданами Черновым и Церетели, проводится известными слоями мелкой буржуазии в новом, громадном, всероссийском, общегосударственном масштабе.

Тем полезнее будут уроки для народа, когда он—а это будет, по всей видимости, скоро—убедится в несостоятельности, в безнадежности такого сотрудничества.

*«Правда» № 50,
6 мая 1917 г.,
без подписи автора.*

О твердой революционной власти.

Мы за твердую революционную власть. Как бы ни силились капиталисты и их прихвостни кричать про нас обратно: ложь их останется ложью.

Надо только, чтобы фраза не темнила ума, не засоряла сознания. Когда говорят о «революции», о «революционном народе», о «революционной демократии» и т. п., то *в девяти случаях из десяти* это лганье или самообман. Надо спрашивать, о революции *какого класса* идет речь? о революции *против кого?*

Против царизма? В этом смысле теперь в России большинство и помещиков и капиталистов—революционеры. Когда дело сделано, тогда и реакционеры становятся на почву завоеваний революции. Нет более частого, более гнусного и более вредного обмана масс в настоящее время, как обман их похвалами революции *в этом* смысле.

Против помещиков? В этом смысле большинство крестьян и даже большинство зажиточных крестьян, т.-е. в общем наверное $\frac{9}{10}$ населения России, революционеры. Пожалуй, и часть капиталистов готова стать революционерами, на основании расчета: все равно помещиков теперь не спасти, станем луч-

ше на сторону революции, чтобы отстоять неприкосновенность капитала.

Против капиталистов? Вот это главный вопрос. Вот в этом суть, ибо без революции против капиталистов вся болтовня о «мире без аннексий» и о быстром окончании войны таким миром—либо наивность и невежество, либо тупоумие и обман. Не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов. При войне это объективно невозможно: либо гибель, либо революция против капиталистов. Так стоит вопрос. Так он поставлен жизнью.

По инстинкту, по чувству, по влечению революции против капиталистов сочувствует в России большинство населения, именно пролетарии и полупролетарии, т.-е. рабочие и беднейшие крестьяне. Но ясного сознания еще нет, нет, в связи с этим, и решимости. Развивать их наша главная задача.

Вожди мелкой буржуазии—интеллигенция, зажиточное крестьянство, теперешние партии народников (с.-р. в том числе) и меньшевиков—*не стоят* сейчас за революцию против капиталистов, частью даже являясь вреднейшими для народа противниками ее. Коалиционное министерство означает такой «опыт», который всему народу поможет с особенной быстротой *изжить* иллюзии мелко-буржуазного соглашательства с капиталистами.

Вывод ясен: только власть пролетариата, поддержанного полупролетариями, способного дать стране действительно твердую и действительно революционную власть. Она будет действительно твердой, ибо за нее будет прочное и сознательное большинство народа. Она будет твердой, ибо в основе ее не будет лежать по необходимости шаткое «соглашательство» капиталистов с мелкими хозяйчиками, миллионеров с мелкой буржуазией, Коноваловых и Шингаревых с Черновыми и Церетели.

Она одна будет действительно революционной, ибо она одна в состоянии показать народу, что во время величайших страданий, причиняемых массам, власть не останавливается с трепетом перед прибылями капитала. Она будет действительно революционной, ибо она одна будет порождать, поощрять, удешевлять революционный энтузиазм масс, если они будут видеть, осязать, ощущать ежедневно и ежечасно, что власть верит народу, а не боится его, помогает бедным улучшать их жизнь тотчас, привлекает богатых к *равному* участию в несении тяжелой ноши народных страданий.

Мы за твердую революционную власть.

Мы за единственно возможную и единственно надежную твердую революционную власть.

*«Правда № 50,
6 мая 1917 г.,
без подписи автора.*

Идут на перерез.

Вчера, 5 мая, в двух больших утренних газетах, в «Воле Народа» и в «Речи», было помещено на первой странице объявление, повторенное вечером в Гучковско-Суворинском «Вечернем Времени» и заслуживающее большого внимания.

Объявление это сообщает об образовании в Петрограде, «по соглашению Совета Раб. и Солд. Депутатов с Союзом Инженеров и по полномочию Временного Правительства, Центрального Комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях».

«Центральный Комитет,—читаем в объявлении,—ставит своими главнейшими задачами разработку и согласование всех мероприятий по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях и организацию над всеми промышленными предприятиями постоянного деятельного *общественного контроля*».

Последние два слова подчеркнуты в объявлении.

Они напоминают сенатские и прочие чиновничьи комиссии «доброго старого», царистского времени. Как только, бывало, проворуется какой-нибудь негодяй из царских министров, губернаторов, предводителей дворянства и т. п., как только осядет особенно сильно на всю Россию и на всю Европу какое-нибудь прямо или косвенно зависевшее от царского правительства учреждение,—так сейчас же следовало «успокоение *общественного* мнения» посредством назначения комиссии из знатных и знатнейших высокопоставленных и высокопоставленнейших, богатых и богатейших «персон».

И эти персоны «успокаивали» общественное мнение всегда с наилучшим успехом. Они хоронили,—обязательно по первому разряду,—всякий «общественный контроль» тем основательнее, чем пышнее были фразы об успокоении нашим мудрым царем «общественной совести»...

Так было, так будет—хочется сказать, когда читаешь высокопарное объявление о новом Ц. К-те.

Г.г. капиталисты пошли на перерез. В рабочих кругах растет сознание необходимости *пролетарского* контроля за фабриками и синдикатами. И «гениальным» воротилам делового мира из министерских и около-министерских кругов пришла «гениальная» мысль: пойдем на перерез. Потянем в хвосте за собой Совет Р. и Солд. Депутатов—этого нетрудно достигнуть, пока в нем главенствуют народники и меньшевики. Устроим «общественный контроль»: это будет выглядеть так важно, так государственно-мудро, так министриабельно, так солидно... и это похоронит всякий контроль на деле и всякий *пролетарский* контроль так верно, так бесшумно... Гениальная мысль! Полное «успокоение» «общественной совести»!

— Как составить новый «Центр. Комит.»?

О, разумеется, демократически. Ведь мы же *все*—«революционные демократы». Если кто полагает, что демократия требует посылки от 200.000 рабочих 20 представителей, а от 10.000 инженеров, капиталистов и пр. одного представителя, то это было бы, разумеется, «анархическим» заблуждением. Нет, истинный демократизм состоит в подражании тому, как составила «революционная демократия» свое «новое» правительство: рабочих и крестьян пусть «представляют» 6 меньшевиков и народников, а 8 кадетов и октябристов представят помещиков и капиталистов: разве новейшие статистические исследования, заканчиваемые в новом министерстве труда по соглашению с старым министерством промышленности, не доказывают, что большинство населения России принадлежит к числу помещиков и капиталистов?

Вот не угодно ли вам прослушать *полный* список «представителей» тех учреждений, которые объединились в новом Центр. Ком-те по соглашению «революционной демократии» с Правительством:

Ц. К-т составлен из представителей от: 1) Исполн. Ком-та Совета Р. и С. Деп.; 2) Врем. Комитета Г. Думы; 3) Всероссийского Союза Земств; 4) Всероссийского Союза Городов; 5) Петроградского Гор. Обществ. Управления; 6) Союза инженеров; 7) Совета Офицерских Депутатов; 8) Совета съездов представителей промышл. и торговли; 9) Петроградского Общества заводчиков и фабрикантов; 10) Централ. Военно-Промышленного Комитета; 11) Земгора; 12) Комитета Военно-Технической Помощи; 13) Вольно-Эконом. Общества...

— Все?

— Все.

Разве этого недостаточно для солидного успокоения общественной совести?

— Ну, а если один и тот же крупный банк или один и тот же синдикат капиталистов будет раз пять или раз десять представлен среди этих десяти или двенадцати учреждений через своих акционеров?

— О, не надо придирааться к «частностям», когда суть дела в том, чтобы обеспечить «постоянный деятельный общественный контроль»!

«Правда» № 51,
7 мая 1917 г.,
без подписи автора.

„Фактическое перемирие“.

В газете «Новая Жизнь» ^{109а}) от 5 мая напечатаны беседы с министрами «нового» правительства. Министр-председатель Львов заявил: «страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой» ¹¹⁰).

Вот суть «программы» нового правительства. Наступление, наступление, наступление!

И, защищая эту империалистскую программу, за которой пошли теперь Черновы и Церетели, министр Львов в тонах величайшего нравственного возмущения громил *«установившееся на фронте фактическое перемирие»!*

Пусть каждый русский рабочий, пусть каждый крестьянин подумает хорошенько над этой программой *наступления*, над этими громовыми речами министров против «фактического перемирия».

Миллионы людей перебиты и искалечены на войне. Бедствия, причиненные войной человечеству, и особенно трудящимся массам, неслыханны. Капиталисты наживают на войне скандально-высокие прибыли. Солдаты истерзаны и измучены до последней степени.

Что же дурного в фактическом перемирии? Что дурного в том, что бойня приостановилась? Что дурного в том, что солдаты получили хоть небольшую передышку?

Нам возражают, что перемирие установилось только на одном фронте и что поэтому оно грозит сепаратным миром. Но это

возражение явно несостоятельное. Ибо если ни русское правительство, ни русские рабочие и крестьяне *не хотят* сепаратного мира с германскими капиталистами (против такого мира наша партия, как известно, тоже протестовала не раз и не только в статьях «Правды», но и в резолюции нашей конференции, которая говорила от имени всей партии)—если никто в России не хочет сепаратного мира с сепаратными капиталистами, то как, откуда, каким чудом может притти такой мир?? Кто может навязать его??

Возражение до очевидности несостоятельное, явная выдумка, попытка засорить глаза.

Далее. Почему фактическое перемирие на одном фронте «грозит» сепаратным миром на этом фронте, *а не грозит распространением фактического перемирия на все фронты?*

Фактическое перемирие есть состояние неустойчивое, переходное. Это бесспорно. Переходное к чему? К сепаратному миру оно не может привести, раз *нет* на это обоюдного согласия двух правительств или двух народов. Но почему бы такое перемирие не могло быть переходом к фактическому перемирию на *всех* фронтах? Ведь на это, наверное, есть согласие *всех* народов против всех или большинства правительств?

Братанье на одном фронте может и должно быть переходом к братанию на всех фронтах. Фактическое перемирие на одном фронте может и должно быть переходом к фактическому перемирию на всех фронтах.

Народы отдохнули бы от бойни. Революционные рабочие во *всех* странах подняли бы голову еще больше, их влияние усилилось бы, вера в возможность и необходимость рабочей революции в передовых капиталистических странах укрепилась бы.

Что дурного в таком переходе? Почему бы нам, по мере сил, не помочь *такому* переходу?

Возражат, что фактическое перемирие на всех фронтах могло бы сейчас германским капиталистам, ибо они сейчас награбили больше добычи. Это неверно, ибо английские капиталисты больше награбили (немецкие колонии в Африке, немецкие острова в Тихом Океане, Месопотамия, часть Сирии и пр.) и—в отличие от немецких капиталистов—ровно ничего не потеряли. Это во-первых. А, во-вторых, если бы германские капиталисты проявили больше неуступчивости, чем английские, то рост революции в Германии еще более усилился бы. Революция в Германии явно нарастает. Наступление русских войск помешает этому росту. «Фактическое перемирие» ускоряет рост этой революции.

В-третьих, положение Германии, с точки зрения растущего голода, краха, разрухи, самое отчаянное и самое безвыходное, хуже, чем в каких бы то ни было других странах,—особенно после вступления в войну Америки. «Фактическое перемирие» *этого*, основного, источника слабости Германии не устранил, а, напротив, скорее улучшит положение других стран (свобода подвоза) и ухудшит положение германских капиталистов (подвезти неоткуда, скрывать правду от народа будет труднее).

Две программы стоят перед русским народом. Одна—программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это—программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивание бойни.

Другая—программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией. Эта программа: развить братание (не позволяя немцам обманывать русских)—брататься обменом воззваний—распространить и братанье и фактическое перемирие на все фронты—всячески помочь такому распространению—ускорить этим рост рабочей революции во всех странах—облегчить этим хоть временную передышку солдатам всех воюющих стран—ускорить переход власти в России в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—ускорить этим заключение действительно справедливого, действительно всеобщего мира в интересах трудящихся, а не в интересах капиталистов.

Правительство наше с Черновыми и Церетели, с народниками и меньшевиками, за первую программу.

Большинство русского народа и всех народов России (и не только России), т.-е. большинство рабочих и беднейших крестьян, несомненно, встают за вторую программу.

Каждый день будет приближать *ее* победу.

*«Правда» № 52,
9 мая 1917 г.,
без подписи автора.*

Один из тайных договоров.

Известно, что первым словом «революционного» Временного Правительства по вопросу об иностранной политике было заявление: все тайные договоры, заключенные бывшим царем Николаем II с «союзными» капиталистами, остаются в силе, и новая Россия будет исполнять *их* свято и нерушимо.

Известно далее, что наши «оборонцы» яростно защищают отказ миллионцев опубликовать тайные договоры. Эти горесоциалисты дошли до жизни такой, что защищают тайную дипломатию—и притом тайную дипломатию бывшего царя.

Почему защитники империалистской войны так усердно охраняют тайну договоров?

Хотите знать почему, товарищи рабочие и солдаты?

Познакомьтесь хотя бы только с одним из этих благородных договоров: мы говорим о «пашем» договоре с Италией (т.-е. с итальянскими капиталистами) в начале 1915 г.

Буржуазный демократ г. В. Водовозов в газете «День» (от 6 мая 1917 г.), опираясь на материалы, опубликованные в «Новом Времени», сообщает содержание этого договора:

«Союзники гарантировали Италии южный Тироль с Триестом, всю береговую землю, северную часть Далмации с городами Зара и Спалато, среднюю часть Албании с Валоной, о-ва Егейского моря у малоазиатского берега, а кроме того, выгодную железнодорожную концессию в Малоазиатской Турции,—такова цена крови, выторгованная Италией. Эти земельные приращения во много раз превосходят все национальные притязания Италии, когда-либо ею прежде выставлявшиеся. Кроме областей с итальянским населением (южный Тироль и Триест) приблизительно в 600.000 душ, Италия получает по договору земли более, чем с миллионным населением, этнографически и религиозно ей совершенно чуждым. Сюда входит, например, Далмация, 97 проц. населения которой принадлежит к сербскому племени, тогда как итальянцы составляют в ней немного более 2 проц. Совершенно естественно, что договор с Италией, заключенный не только помимо согласия, но и помимо ведома Сербии, вызвал там сильнейшее огорчение и раздражение. Пашич в скупщине выражал надежду, что слух о договоре неверен, так как Италия сама объединилась во имя национального принципа, и не может совершить ничего такого, что этот принцип ниспровергает в самой его основе. Но Пашич ошибся: договор был заключен.

«Это единственный договор, касающийся нынешней войны, содержание которого мы знаем, и этот договор—грубо хищнический. Сказываются ли и в других договорах столь же хищнические инстинкты, или нет,—мы этого не знаем. Во всяком случае для демократии, пишущей на своем знамени: «мир без аннексий», было бы чрезвычайно важно это узнать».

«Мы не знаем», насколько хищническими являются другие тайные договоры?—Нет, г. Водовозов, мы это очень хорошо знаем: тайные договоры относительно дележа Персии, Турции, захвата Германии, Армении—такие же грязные грабительские договоры, как грабительский договор с Италией.

Товарищи солдаты и рабочие! Вам говорят, что вы защищаете «свободу» и «революцию»? На деле вы защищаете темные договоры царя, которые прячут от вас, как прячут секретную болезнь.

«Правда» № 53,
10 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Ничего не изменилось.

Теперь, когда в правительство вошли «социалистические» министры ¹¹¹), музыка пойдет не та—так уверяли и уверяют нас оборонцы. Не прошло и несколько дней, как фальшь этих уверений начала раскрываться.

Известно, какое возмущение вызвало у солдат и рабочих заявление бывшего министра Милюкова, что он не хочет и не будет публиковать тайные договоры, заключенные бывшим царем Николаем с английскими и французскими капиталистами. И что же? Что говорит теперь по этому вопросу *новый* министр иностранных дел г. Терещенко, товарищ Скобелева и Церетели по министерству?

Терещенко признает, что «вопрос этот (т.-е. о тайных договорах) будит страсти». Но что делает он для успокоения этих страстей? Он просто-напросто *повторяет* то, что говорил только что низвергнутый Милюков:

— «Немедленное опубликование договоров будет равносильно разрыву с союзниками»,—заявил Терещенко в беседе с журналистами.

А «социалистические» министры молчат и прикрывают систему тайной дипломатии.

Коалиционное министерство ничего не изменило. Тайные договоры царя остаются святыней для него.

И вы хотите, господа, чтобы это не «будило страсти»? За кого же принимаете вы сознательных рабочих и солдат? Или вы и впрямь считаете их «взбунтовавшимися рабами»?

«Правда» № 54,
11 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Печальное отступление от демократизма.

«Известия» печатают сегодня сообщение о заседании солдатской секции Совета Раб. и Солд. Депутатов. На этом заседании подвергли, между прочим:

«обсуждению вопрос о *возможности солдатам нести обязанности милиционеров*. Исполнительная комиссия предлагает собранию следующую резолюцию:

«Ввиду того, что солдаты должны исполнять свое *прямое* назначение, Исполнительная Комиссия Совета Солдатских Депутатов *высказывается против участия солдат* в милиции и предлагает всех солдат, состоящих в милиции, *немедленно возвратить в части*.

«После недолгих прений резолюция принята с *поправкой*, допускающей возможность замещения милиционерских *должностей солдатами, эвакуированными из действующей армии и ранеными*».

Крайне жаль, что точный текст поправки и резолюции не сообщен. Еще более жаль, что Исп. Комиссия предложила, а собрание приняло резолюцию, которая представляет из себя полное отступление от основных начал демократизма.

Едва ли найдется демократическая партия в России, не признающая программного требования замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Едва ли найдется социалист-революционер или с.-д. меньшевик, который решился бы встать против такого требования. Но вся беда в том, что «по нынешним временам» «принято»—под шумом фраз о «революционной демократии»—признавать демократические (о социализме нечего уже и говорить) программы «в принципе» и отрекаться от них на практике.

Высказываться против участия солдат в милиции на том основании, что «солдаты должны исполнять свое прямое *назначение*», значит совершенно забывать начала демократии и невольно, бессознательно, может-быть, переходить на точку зрения постоянной армии. Солдат есть профессионал; его прямое назначение *не* есть общественная служба,—таков взгляд сторонников постоянной армии. Это не демократический взгляд. Это взгляд Наполеонов. Это взгляд сторонников старого режима и капиталистов, мечтающих о мелком переходе назад, от республики к конституционной монархии.

Демократ принципиально против такого взгляда. Участие солдат в милиции есть вопрос разрушения стены между армией и народом. Это—вопрос разрыва с проклятым прошлым «казармы», в которой отдельно от народа, против народа «натаскивали», дрессировали, муштровали особый слой граждан, с «прямыми назначениями»—служить только военной профессии. Участие солдат в милиции есть коренной вопрос перевоспитания «солдат» в граждан-милиционеров, перевоспитания населения из обывателей в вооруженных граждан. Демократия останется пустой и лживой фразой или полумерой, если *весь* народ не будет немедленно и безусловно получать возможность учиться употреблению оружия. Без систематического, постоянного, широкого участия солдат в милиции это недостижимо.

Возразят, может-быть, что нельзя *отзывать* солдат от их *непосредственных* обязанностей. Но об этом нет и речи. Об этом смешно говорить особо, как не говорят особо о том, что врач, занятый у постели опасно больного, не вправе отойти для подачи избирательного бюллетеня, или что рабочий, занятый производством, непрерывность коего признана всеми за безусловно необходимую, не вправе, до смены его другими рабочими, уйти для использования своих политических прав. Подобные оговорки прямо-таки были бы несерьезны или даже недобросовестны.

Участие в милиции есть одно из важнейших и коренных требований демократии, одна из наиболее существенных гарантий свободы. (Добавим в скобках, что нет более верного пути к повышению чисто военных способностей и военной силы армии, как замена постоянной армии всеобщим вооружением народа, обучение народа солдатами; во всякой истинно-революционной войне был применяем и будет применяем этот способ.) Немедленный, безусловный, повсеместный приступ к организации всенародной милиции, к всестороннему развитию участия солдат в милиции—вот насущнейший интерес и рабочих, и крестьян, и солдат—всего огромного большинства населения, большинства, не заинтересованного в охране прибылей помещиков и капиталистов.

«Правда» № 55,
12 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Какие заявления делала наша партия о войне перед революцией.

Особенно интересны те заявления, которые имели в виду именно победу революции шовинистской («оборонческой»). В «Социал-Демократе», выходившем в Женеве, как Центральный Орган Росс. С.-Д. Раб. Партии, под редакцией Зиновьева и Ленина, в № 47, от 13 октября 1915 года, было напечатано от имени редакции:

«...8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией,—для грабежа других стран,—для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма—классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент—трудовики ¹¹²⁾, с.-р., «Наша Заря» ¹¹³⁾, фракция Чхеидзе, О. К., г. Плеханов и т. п. 9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы бы были против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг—против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, *против* них и *за* союз международного пролетариата для социалистической революции. 10) На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, *если* мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево, а ее толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр. 11) На вопрос, чтобы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угне-

тенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также—и в первую голову—поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы несбыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии, и в Европе. Это доказал *даже* 1905 г. А международная солидарность революционного пролетариата есть *факт* вопреки грязной пене оппортунизма и социал-шовинизма»

«Правда» № 56,
13 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Грозит разруха.

Известия, соображения, опасения, слухи насчет грозящей катастрофы все учащаются. Газеты капиталистов запугивают, кричат с пеной у рта против большевиков, щеголяют анонимными ссылками Кутлера ¹¹⁴⁾ на «один» завод, на «некоторые» заводы, на «одно» предприятие и т. п. Удивительные приемы, странные «доказательства»... Почему бы не *назвать* определенного завода? Почему бы не дать возможности и публике *и рабочим* проверять эти слухи, рассчитанные на возбуждение тревоги?

Нетрудно бы понять господам капиталистам, что, не приводя точных данных о точно названных предприятиях, они делают только себя смешными. Ведь вы же правительство, господа капиталисты, вы имете 10 министров из 16 ¹¹⁵⁾, вы ответственны и вы распоряжаетесь. Разве это не смешно, когда имеющие большинство в правительстве, распоряжающиеся люди ограничиваются анонимными ссылками Кутлера, боясь выступить открыто и прямо, пытаясь переложить ответственность на другие партии, у кормила власти не стоящие?

Газеты мелко-буржуазных партий, народников и меньшевиков, тоже жалуются, но несколько в иных тонах, не столько обвиняя ужасных большевиков (хотя без этого, конечно, не обходится), сколько громоздя одно на другое добрые пожелания. Особенно характерны в этом отношении «Известия», редакция которых находится в руках блока двух названных партий. В № 63, от 11 мая, напечатаны две статьи на тему о борьбе с хозяйственной разрухой, статьи однородного содержания. Одна из них озагла-

лена крайне... как бы это помягче выразиться?... крайне неосторожно (как и вообще «неосторожно» вступление народников и меньшевиков в министерство империалистов)—«Чего хочет Вр. Пр-во»? Правильнее было бы озаглавить: «Чего не хочет Вр. Пр-во и что оно обещает»?

Другая статья представляет из себя «резолюцию Экономического Отдела Исп. Ком. С. Раб. и Солд. Деп.». Вот несколько цитат из нее, которые точнее всего передадут содержание:

«Для многих отраслей промышленности назрело время для торговой государственной монополии (хлеб, мясо, соль, кожа), для других условия созрели для образования регулируемых государством трестов (добыча угля и нефти, производство металла, сахара, бумаги) и, наконец, почти для всех отраслей промышленности современные условия требуют регулирующего участия государства в распределении сырья и вырабатываемых продуктов, а также фиксации цен... Одновременно с этим следует поставить под контроль государственно-общественной власти все кредитные учреждения для борьбы с спекуляцией товарами, подчиненными государственному регулированию... Вместе с тем следует... принять самые решительные меры для борьбы с тунеядством, вплоть до введения трудовой повинности... Страна уже в катастрофе и вывести из нее может лишь творческое усилие всего народа *во главе с государственною властью*, сознательно возложившей на себя» (гм... гм...!?) «грандиозную задачу спасения разрушенной войною и царским режимом страны».

Кроме последней фразы со слов, подчеркнутых нами,—фразы, с чисто мещанской доверчивостью «возложившей» на капиталистов задачи, коих они решить не смогут,—кроме этого программа великолепна. И контроль, и огосударствление трестов, и борьба с спекуляцией, и трудовая повинность—помилуйте, да чем же это отличается от «ужасного» большевизма? чего же больше хотели «ужасные» большевики?

Вот в этом-то и гвоздь, вот в этом-то и суть, вот этого-то и не хотят упорно понять мещане и филистеры всех цветов: программу «ужасного» большевизма *приходится* признать, ибо иной программы выхода из действительно грозящего, действительно ужасного краха быть не может, *но...* но капиталисты «признают» эту программу (см. знаменитый § 3 декларации «нового» Вр. Пр-ва) *для того, чтобы не исполнять ее*. А народники и меньшевики «доверяют» капиталистам и учат народ этому губительному доверию. В этом вся суть всего политического положения.

Ввести контроль за трестами—с публикацией их полных отчетов, с немедленными съездами их служащих, с обязательным участием в контроле *самых рабочих*, с допущением представителей каждой крупной политической партии к самостоятельному контролю,—ввести это можно декретом, на составление которого достаточен *один день*.

За чем же дело стало, граждане Шингаревы, Терещенко ¹¹⁶⁾, Коноваловы? за чем дело стало, граждане, почти-социалистические министры, Чернов, Церетели? за чем дело стало, граждане народнические и меньшевистские вожди Исп. Комитета Совета Раб. и Солд. Деп.?

Ничего иного, кроме *немедленного* введения такого контроля за трестами, за банками, за торговлей, за *«тунеядцами»* (удивительно хорошее слово попало под перо—в виде исключения—редакторам «Известий»...), за продовольствием ни мы не предлагали, ни кто бы то ни было вообще предлагать не мог. Ничего иного и выдумать нельзя, кроме «творческого усилия всего народа»...

Только не верить надо словам капиталистов, не верить наивной (в лучшем случае наивной) надежде меньшевиков и народников, будто такой контроль могут осуществить капиталисты.

Разруха грозит. Катастрофа идет. Капиталисты привели и приводят все страны к гибели. Спасение одно: революционная дисциплина, революционные меры *революционного класса*, пролетариев и полупролетариев, переход всей государственной власти в руки этого класса, который сможет на деле ввести именно такой контроль, на деле провести победоносно «борьбу с тунеядством».

«Правда» № 57,
14 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Презренные приемы.

Целый съезд делегатов с фронта в единогласно принятой резолюции 13 мая ¹¹⁷⁾ заклеил подлые приемы газеты «Речь», нагвавшей на нашего товарища Зиновьева—с целью посеять рознь между армией и большевиками. Джентльмены из «Речи», конечно, и не подумали напечатать эту резолюцию фронтового съезда, хотя съезд направил ее и в газету «Речь». Зато малочтенная газета продолжает сьой провокаторский поход против

нашей газеты и нашего товарища Зиновьева, натравливая на прямой погромчик.

— «Правда» систематически сообщает сведения относительно Германии, которых нет больше ни в одной газете. Откуда и как «Правда» получает свои специальные (!) сведения?—многозначительно вопрошает «Речь» в статье, многозначительно озаглавленной «Странная осведомленность».

Откуда, господа клеветники?

— Из телеграмм и писем нашего корреспондента, товарища Радека, польского с.-д., который ряд лет просидел в царских тюрьмах, который более 10-ти лет работает в рядах германской с.-д.-ии, который изгнан из Германии за революционную агитацию против Вильгельма и против войны и который специально переехал в Стокгольм, чтобы оттуда нас осведомлять. Из писем и телеграмм, господа кадеты, которые не всегда удается перехватить вашим слугам, хозяйничающим на русско-шведской границе, из газетных вырезок и немецких нелегальных газет и прокламаций, которые нам доставляют наши друзья, сторонники Карла Либкнехта—совершенно так же, как о Франции соответствующие материалы доставляет нам *французский* социалист-интернационалист Анри Гильбо, друг Рэмэн Роллана ¹¹⁸⁾ и единомышленник известного французского интернационалиста тов. Лорио.

— «Германский генеральный штаб запретил братанке»,—писали мы в «Правде», опираясь на сообщение, появившееся на днях во всех русских газетах. Клеветники из «Речи» делают по этому поводу большие глаза и «противопоставляют» этому заявление русского военного министра, что «все участки фронта, на которых братание происходило, уже разрушены артиллерией противника».

Мы не знаем, конечно, верно ли это сообщение о разрушенных участках. Но *если* оно верно, оно *подтверждает*, а не опровергает то известие, что германский генеральный штаб против братания. Ибо всякий понимает: разрушая участки, где были братания, германский генеральный штаб *отучивает* от братания и русских солдат и тех честных германских солдат, которые не хотят из братания делать ловушку.

Некруло у вас вышло, господа кадетские фальшивомонетки!

В заключение еще одна ложь: «как известно, на крестьянском съезде Зиновьеву не удалось закончить своей речи»,—пишет орган Милюкова. «Как известно», вы еще раз лжете, господа ка-

дети—так же, как нагнали про фронтовой съезд. Плохо ваше дело, господа, раз вам приходится отстаивать его такими бесстыдными, такими презренными приемами.

*«Правда» № 58,
16 мая 1917 г.,
без подписи автора.*

Неминуемая катастрофа и безмерные обещания.

I.

Вопрос о неминуемо грозящей разрухе и катастрофе невиданных размеров представляет такую важность, что на полном выяснении его надо чаще и чаще останавливаться. В предыдущем номере «Правды» мы уже указали, что *программа* Исполнительного Комитета Совета Раб. и Солд. Деп. *ничем* уже не отличается теперь от программы «ужасного» большевизма.

Сегодня мы должны указать, что программа министра-меньшевика Скобелева идет *далее* большевизма. Вот эта программа в передаче министерской газеты «Речь»:

«Министр (Скобелев) заявляет, что... государственное хозяйство на краю пропасти. Необходимо вмешательство в хозяйственную жизнь во всех ее областях, так как в казначействе нет денег. Нужно улучшить положение трудящихся масс, и для этого необходимо забрать прибыль из касс предпринимателей и банков. (*Голос с места: «Каким способом?»*) Беспощадным обложением имуществ,—отвечает министр труда Скобелев.—Финансовая наука знает этот способ. Нужно увеличить ставки обложения имущих классов до 100 процентов прибыли. (*Голос с места: «Это значит все».*) К сожалению,—заявляет Скобелев,—разные акционерные предприятия уже роздали акционерам дивиденд, но мы должны поэтому обложить имущие классы прогрессивным индивидуальным налогом. Мы еще дальше пойдем, и если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов, чтобы клиентов не упускать... Мы должны ввести трудовую повинность для г.г. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать... Мы должны заставить г.г. акционеров подчиниться

государству, и для них должна быть повинность—трудовая повинность».

Эту программу мы советуем рабочим читать и перечитывать, обсуждать и вникать в условия осуществимости ее.

Все дело в условиях осуществления, в немедленном приступе к осуществлению.

Программа сама по себе не только великолепна и совпадает с большевистской, но в одном пункте идет *дальше* нашей, именно в том пункте, где обещается «забрать прибыль из касс банков» в размере «100 процентов прибыли».

Наша партия—гораздо скромнее. Она требует в своей резолюции меньшего, именно: только установления контроля за банками и «постепенного» (слушайте! слушайте! большевики за постепенность!) перехода к более справедливому прогрессивному обложению доходов и имущества».

Наша партия умереннее Скобелева.

Скобелев раздает неумеренные и даже безмерные обещания, *не принимая тех условий, при которых возможно осуществление их на деле.*

В этом есть гвоздь.

Не только выполнить программу Скобелева, но даже сделать вообще сколько-нибудь серьезные шаги к ее осуществлению *нельзя* ни под ручку с 10 министрами из партии помещиков и капиталистов, ни тем бюрократическим, чиновничьим аппаратом, которым правительство капиталистов (с придатком меньшевиков и народников) вынуждено ограничиться.

Поменьше обещаний, гражданин Скобелев, побольше деловитости! Поменьше пышных фраз, побольше понимания, *как приступить к делу.*

Приступить к делу для спасения страны от неминуемой ужаснейшей катастрофы можно и должно немедленно, не теряя ни одного дня. Вся суть в том, что «новое» Вр. Пр-во *не хочет* приступить к делу, а если бы захотело, то *не сможет*, будучи опутано тысячами цепей охраны интересов капитала.

Можно и должно в один день призвать весь народ приступить к делу;—в один день издать указ, созывающий *немедленно*:

1) Советы и съезды банковых служащих как по отдельным банкам, так и всероссийский; поручение: выработать тотчас практические меры для слияния всех банков и кредитных учреждений в один общегосударственный банк, и для точнейшего контроля за всеми операциями банков публиковать **тотчас** итоги контроля;

2) Советы и съезды служащих всех синдикатов и трестов; поручение: выработать меры контроля и отчетности; публиковать тотчас итоги контроля;

3) указ этот должен дать право контроля не только всем Советам Раб., Солдатск. и Крестьянск. Депутатов, но и Советам от рабочих каждой крупной фабрики, а также представителям каждой крупной политической партии (считая за крупную, напр., такую, которая внесла самостоятельные списки 12 мая в Питере не менее как по двум районам); все торговые книги, все документы должны быть открыты для такого контроля;

4) указ должен призвать всех акционеров, директоров и членов правления всяких обществ опубликовать списки тех, кто имеет акций не менее как на 10.000 (или 5.000) рублей, с перечнем акций и обществ, в коих данные лица «заинтересованы»; за неправдивые показания (контроль банковских и др. служащих)—конфискация всего имущества и тюрьма не менее 5 лет;

5) указ должен призвать весь народ к немедленному введению всеобщей трудовой повинности через местные органы самоуправления; а для контроля и осуществления ее—вводить всенародную, поголовную милицию (сразу в деревнях, через рабочую милицию в городах и т. п.).

Без всеобщей трудовой повинности *не спасти* страны от гибели. А без всенародной милиции нельзя осуществить всеобщей трудовой повинности. Это всякий поймет, кто не дошел до министерского умопомрачения или до помешательства на почве доверия к министерскому красноречию.

Кто хочет на деле спасти десятки миллионов людей от катастрофы, тот *должен* будет притти к защите таких мер.

В следующей статье мы скажем о постепенном переходе к более справедливому обложению и о том, как следовало бы выдвигать из народа и ставить постепенно на места министров тех действительно талантливых организаторов (и из рабочих, и из капиталистов), которые проявят себя успешно на работе указанного характера.

II

Когда Скобелев министерски размахнулся в своей речи и договорился до взятия 100 процентов прибыли у капиталистов, то перед нами был образчик быющей на эффект фразы. Такими фразами постоянно обманывают народ в буржуазных парламентских республиках.

Но тут есть нечто худшее, чем фраза. «Если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов, чтобы клиентов не упускать», сказал Скобелев. Это звучит «страшной» угрозой капиталистам, это на деле — попытка (вероятно, бессознательная со стороны Скобелева и, наверное, сознательная со стороны капиталистов) *отстоять всевластие* капитала, пожертвовав на короткое время прибылью.

Рабочие берут «слишком много», — рассуждают капиталисты, — возложим на них ответственность, не давая им ни власти, ни возможности распоряжаться на деле всем производством. Пусть мы, капиталисты, на время окажемся без прибылей, — но, «сохраняя буржуазный способ ведения хозяйства, не упуская клиентов», мы ускорим крах этого промежуточного состояния промышленности, мы будем расстраивать его всячески, сваливая вину на рабочих!

Что таков расчет капиталистов, это доказывают факты. Углепромышленники на юге именно расстраивают производство, *«сознательно запускают и дезорганизуют его»* (см. «Новую Жизнь» от 16 мая, пересказ заявлений *рабочей делегации*). Картина ясная: «Речь» лжет за двух, валит вину на рабочих. Углепромышленники «сознательно дезорганизуют производство». Скобелев поет соловьем: «если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов». Картина ясная!

Для капиталистов и для чиновников *выгодно* давать «безмерные обещания», отвлекая внимание народа от *главного*, именно: от перехода действительного контроля в руки действительно рабочих.

Рабочие должны отметить прочь фразерство, обещания, декларации, прожектерство чиновников в центре, готовых засесть за сочинение эффектнейших планов, положений, уставов, нормировок. Долой все это лганье! Долой эту шумиху бюрократического и буржуазного прожектерства, провалившегося всюду с треском! Долой эту манеру класть дело под сукно. Рабочие должны требовать *немедленного* осуществления контроля *на деле* и при том обязательно *через самих рабочих*.

Это — главное для успеха дела, дела спасения от катастрофы. Раз этого нет, все остальное — обман. Раз это будет, мы вовсе не станем торопиться «взять 100 процентов прибыли». Мы можем и должны быть умереннее, переходить *постепенно* к более справедливому обложению, мы отделим акционеров мелких и акцио-

неров богачей, мы возьмем *совсем мало* с первых, мы возьмем очень много (но не обязательно всё) *только* со вторых. Число крупнейших акционеров ничтожно; роль их, как и общая сумма богатства у них,—*громадна*. Не боясь ошибиться, можно сказать, что, если составить список *пяти или даже трех тысяч* (а может быть даже и одной тысячи) самых богатых людей в России, или проследить (при помощи контроля *снизу*, со стороны банковских, синдикатских и прочих служащих) все нити и связи их финансового капитала, их банковских связей, то откроется весь узел господства капитала, вся главная масса богатства, накопленного на счет чужого труда, все действительно важные корни «контроля» за общественным производством и распределением продуктов.

Вот *этот* контроль надо передать рабочим. Вот этот узел, эти корни интерес капитала требует скрывать от народа. Лучше согласимся отдать на время «всю» прибыль или 99% дохода, чем открыть народу эти корни нашей власти—рассуждает класс капиталистов и его бессознательный слуга, чиновник.

Ни в каком случае *мы* не откажемся от нашего права и нашего требования: открыть народу именно самую главную крепость финансового капитала, именно ее взять под рабочий контроль—так рассуждает и будет рассуждать сознательный рабочий. И в правильности этого последнего рассуждения каждый день будет убеждать все большую массу бедноты, все более значительное большинство народа, все большее число искренних людей вообще, добросовестно ищущих спасения от катастрофы.

Надо взять именно главную крепость финансового капитала, без этого все фразы и прожекты спасения от катастрофы—один обман. А отдельных капиталистов и даже большинство капиталистов пролетариат не только не намерен «раздевать» (как «пугал» себя и своих Шульгин), не только не намерен лишать «всего», а, напротив, намерен приставить к полезному и почетному делу—под контролем самих рабочих.

Самое полезное и самое необходимое для народа дело в момент приближения неминуемой катастрофы есть *организаторское* дело. Чудеса пролетарской организованности—вот что является нашим лозунгом теперь и еще больше будет нашим лозунгом и требованием, когда пролетариат будет у власти. Ни ввести безусловно необходимой всеобщей трудовой повинности, ни осуществить сколько-нибудь серьезный контроль за банками, за синдикатами, за производством и распределением продуктов безусловно невозможно без организованности масс.

Поэтому надо начать,—и тотчас начать,—с рабочей милиции, чтобы твердо и умело пойти, с надлежащей постепенностью, к налаживанию всенародной милиции, к замене полиции и постоянной армии всеобщим вооружением народа. Поэтому надо выдвигать из *всех* слоев народа, из *всех* классов, нисколько не исключая класса капиталистов, у которого *сейчас* больше соответственного опыта,—талантливых организаторов. Таких талантов в народе много. Такие силы в крестьянстве и в пролетариате дремлют, не находя приложения. Их надо выдвинуть снизу, практикой—умелым устранением «хвостов» в таком-то районе, искусной организацией домовых комитетов, объединением прислуги, устройством образцового хозяйства в деревне, правильной постановкой такого-то перешедшего в руки рабочих завода и прочее и тому подобное. Выдвигая их снизу, практикой, проверяя их талант на деле, надо всех их проводить в «министры»—не в старом смысле, не в смысле награждения портфелем, а в смысле должности общенародного инструктора, разъездного организатора, помощника в деле налаживания *повсюду* строжайшего порядка, величайшей экономии человеческого труда, строжайшей товарищеской дисциплины.

Вот что партия пролетариата должна проповедывать народу для спасения от катастрофы. Вот, что она должна осуществлять по частям уже теперь, где она получает власть в отдельных местностях. Вот, что она должна осуществить полностью, когда она получит власть в государстве.

«Правда» №№ 58 и 59,
16 и 17 мая 1917 года,
без подписи автора.

Каша в головах.

(Еще об аннексиях).

Редакторы «Известий», находящихся в руках блока народников и меньшевиков, побивают все рекорды путаницы. В № 67 от 16 мая, они пытаются полемизировать с «Правдой»—конечно, не называя ее, по дурной «министерской» манере. У «Правды», видите ли, туманное, вводящее в обман, *понятие* насчет аннексий.

Извините, граждане-министры и министериабельные редакторы, но факт есть факт, именно, что *только* наша партия дала в точных, официальных резолюциях определение аннексии. Ан-

нексия (захват) есть насильственное удержание чужого народа в границах данного государства. Ни один человек, способный читать и понимать по-русски, не мог не понять этого, прочтя прилож. к № 13 «Солд. Правды» (резолюции Всероссийской конференции 24—29 апр. 1917 г.) ¹¹⁹).

В чем состоит возражение народнических и меньшевистских редакторов «Известий»? Только в том, что при нашем взгляде приходится будто бы «воевать до тех пор, пока Германия не превратится в герцогство Бранденбургское... Россия—в великое княжество Московское!! Аннексия,—поучает своих читателей редакция,—«это значит насильственный захват территории, бывшей в день объявления войны во владении другого государства» (короче: без аннексии=status quo, т.-е. восстановление того состояния, которое было до войны).

Неосторожно со стороны народнических и меньшевистских вождей Исп. Комитета вручать редакцию людям с такой кашей в голове, право, неосторожно

Применим к их определению их возражение против нас: «воевать до тех пор, пока Россия вернет Польшу, Германия—Того и колонии в Африке»? Бессмыслица явная, и не только бессмыслица теоретическая, но и практическая, ибо солдаты любой страны прогонят таких редакторов, которые подобным образом рассуждают.

Рассуждение их ошибочно вот чем:

1) В теоретическое определение аннексии входит понятие: «чужой» народ, т.-е. народ, сохранивший особенность и волю к отдельному существованию. Подумайте над этим, сограждане; почитайте, если дело все еще неясно для вас, рассуждения Энгельса и Маркса об Ирландии, о датских частях Германии, о колониях,—и вы увидите, как вы запутались. Ни герцогство Бранденбургское, ни княжество Московское совсем тут не при чем. 2) Вопрос о *понятии* аннексии смешивать с вопросом о том, «до каких пор воевать», нелепо; это значит не понимать связи войны с интересами и господством определенных классов; это значит с точки зрения *классовой борьбы* переходить на точку зрения *мещанскую*, «внеклассовую»; пока класс капиталистов у власти, народы неизбежно будут воевать «до тех пор, пока» угодно этому классу. Выскочить из этого посредством пожеланий, требований, совещаний—иллюзия мелкого буржуа. 3) Пока класс капиталистов у власти, их мир будет неизбежно «обменом аннексий»: Армении на Лотарингию, колоний на колонии, Галиции на Курлянд.

дию и тому подобного. Закрывать на это глаза темному человеку простительно, редакторам «Известий» нет. 4) Когда у власти будет пролетариат, к чему ведет и приводит война повсюду, тогда *возможен* действительно «мир без аннексий»; иначе он *невозможен*.

Когда наша партия говорит: «мир без аннексий», она всегда поясняет,—в предупреждение людям с кашей в голове,—что этот лозунг надо ставить в *неразрывную* связь с пролетарской революцией. Только в связи с ней он нужен и верен, только *ее* линии он намечает, только *ее* развитию и росту он помогает. Кто колеблется беспомощно между надеждой на капиталистов и надеждой на рабочую революцию, тот осуждает себя на беспомощность и путаницу в вопросе об аннексиях вообще.

Р. С. «Дело Народа» от 17 мая соглашается с «Известиями», что «без аннексий» равносильно понятию «status quo». Попробуйте-ка, господа эс-эры или господа меньшевики, сказать это ясно, точно, прямо, от имени своей партии, своего Петр. Ком., своего съезда!

*«Правда» № 60,
18 мая 1917 г.,
без подписи автора*

К вопросу об объединении интернационалистов.

Всероссийская конференция нашей партии постановила: признать сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма, необходимым—на основе разрыва с политикой мелко-буржуазной измены социализму.

Вопрос об объединении обсуждался и на конференции межрайонной организации объединенных с.-д. ¹²⁰⁾ в Петрограде.

В исполнение решения Всероссийской конференции Ц. К. нашей партии, признавая чрезвычайно желательным объединение с «межрайонцами», выступил со следующими предложениями (эти предложения были сделаны межрайонцам сначала только от имени тов. Ленина и некоторых членов Ц. К., но затем и большинство членов Ц. К. одобрило эти предложения):

«Объединение желательно немедленно. Ц. К.-ту Р. С.-Д. Р. П. будет предложено немедленно включить в состав обеих газет (нынешней «Правды», которая будет превращена во всероссий-

скую популярную газету, и Ц. О., который оудет создан в ближайшем будущем) по одному представителю межрайонцев.

«Ц. К-ту будет предложено создать специальную организационную комиссию по созыву (через 1½ месяца) партийного съезда.

«В состав этой комиссии межрайонная к-ция получит право послать двух своих делегатов. Если меньшевики, сторонники Мартова, порвут с «оборонцами», включить их делегатов в названную комиссию—желательно и необходимо.

«Свобода дискуссии по спорным вопросам обеспечивается изданием дискуссионных листовок в «Прибое» и свободной дискуссии в возрождающемся журнале «Просвещение» («Коммунист»)). (Набросок, прочтенный Н. Лениным от имени своего лично и нескольких членов Ц. К. 10 мая 1917 г.,

Межрайонцы, в свою очередь, приняли другое решение. Оно гласит:

«О единстве. Признавая, что только самое тесное сплочение всех революционных сил пролетариата:

«1) сделает его передовым бойцом за расчищение пути к социализму;

«2) даст ему возможность стать вождем российской демократии в ее борьбе против всех пережитков полукрепостнического режима и наследия царизма;

«3) позволит довести дело революции до ее решительного конца и полностью разрешить вопросы о войне и мире, конфискации земель, восьмичасовом рабочем дне и т. д.

«Совещание находит:

«а) что столь необходимое пролетариату сплочение сил может быть достигнуто лишь под знаменем Циммервальда и Кинтalia, программы и постановлений партии от 1908 и 1910, 1912 и 1913 г. г.;

«б) что ни одна рабочая организация, будь то профессиональный союз, просветительный клуб, потребительское товарищество, ни одна рабочая газета или журнал не должны остаться вне этого знамени;

«в) вместе с тем, совещание объявляет себя самым решительным и горячим сторонником единства на почве указанных постановлений».

Какое решение скорее ведет к единству,—этот вопрос должны теперь обсудить и разрешить все рабочие интернационалисты.

Политические резолюции межрайонцев в основном взяли правильную линию разрыва с оборонцами.

При таких условиях какое бы то ни было дробление сил, с нашей точки зрения, ничем оправдать нельзя.

*«Правда» № 60,
18 мая 1917 г.,
без подписи автора.*

Еще одно отступление от демократизма.

Народники и меньшевики, редактирующие «Известия», хотят, чтобы их считали социалистами, но не умеют быть даже демократами. В № 68 от 17 мая они проповедают «осторожность» к «лозунгу частичных перевыборов». «Депутаты должны избираться,— поучают они рабочих,— на определенный срок, например, на 2—3 месяца, но никак (!!) не на неделю—от митинга до митинга».

Прилично ли официальному органу волноваться по поводу перевыборов и рекомендовать «осторожность»... в чем? в выражении недоверия масс *к этому органу?*

Это первый вопрос.

Второй вопрос: не обязывает ли сознательный демократизм ставить вопрос об осторожности при перевыборах (если уже ставить его) исключительно с точки зрения *партийности*? Мы, дескать, блок народников и меньшевиков, считаем нашу, блока, линию правильной потому-то, а большевистскую неправильной потому-то. Зачем же редакторы, в отступление от демократизма, вместо апелляции к партийности апеллируют к тому странному доводу, будто ошибка при выборах «исключение»? Неужели они могут не знать, что об «ошибке» вступления Скобелевых и Черновых в министерство капиталистов думают и говорят рабочие повсюду, что это *вовсе не* «исключение»?

Третий вопрос: не следует ли демократу, если он пожелал ставить вопрос о перевыборах, признать и подчеркнуть принцип демократии: право населения отзываться *в любое время* всех и всяких выборных, должностных лиц, представителей?

Не припомнят ли редакторы «Известий», если они считаются с мнением основоположников научного социализма, Маркса и Энгельса, что писали эти действительные социалисты о таком праве?

*«Правда» № 60,
18 мая 1917 г.,
без подписи автора.*

Как запугивают народ капиталисты?

«Финансовая Газета» ¹²¹⁾ в передовице от 17 мая пишет:

«Политический переворот, столь всеми желанный и жданный, принимает форму, не бывшей еще нигде, революции социальной. Законная, естественная в свободной стране «классовая борьба» приняла у нас характер классовой войны. Надвигается финансовое банкротство. Неизбежен крах промышленности.

«Для политической революции достаточно было взять у Николая II отречение и арестовать десяток его министров. Это легко было сделать в один день. Для революции же социальной нужно получить отречение от всех своих имущественных прав от десятков миллионов граждан и арестовать всех не-социалистов. Этого не сделать и в десятки лет».

Неправда, любезнейшие сограждане, вопиющая неправда! Вам угодно называть «революцией социальной» переход *контроля* за промышленностью в руки рабочих. Вы делаете при этом три чудовищных ошибки:

Во-первых, социальной революцией была и революция 27 февраля. Всякий политический переворот, если это не смена клика, есть социальная революция,—вопрос только в том, социальная революция *какого класса*. Революция 27 февраля 1917 г. передала власть из рук крепостников-помещиков, возглавляемых Николаем II, в руки буржуазии. Это была социальная революция *буржуазии*.

Неуклюжей и научно-неверной терминологией, смешивая «социальную» и «социалистическую» революцию, «Финансовая Газета» хочет *скрыть* от народа тот явный факт, что рабочие и крестьяне не могут удовлетвориться одним захватом власти буржуазией.

Этот простой и ясный факт г.г. капиталисты замалчивают, обманывая и самих себя и народ.

Во-вторых, «не бывшей еще нигде» надо назвать и великую империалистскую войну 1914—1917 годов. «Не было еще нигде» такой разрухи, таких кровавых ужасов, таких бедствий, такого *краха всей культуры*. Не чье бы то ни было нетерпение, не чья бы то ни было пропаганда, а объективные условия, невиданность этого краха всей культуры,—вот что вынуждает переход к контролю за производством и распределением, за банками, фабриками и пр.

Иначе неизбежна гибель десятков миллионов людей, без всякого преувеличения.

А при свободе, созданной «политическим переворотом» 27 февраля, при существовании Советов Рабочих, Крестьянских и др. депутатов, *невозможен* такой контроль иначе, как при преобладании рабочих и крестьян, при подчинении меньшинства населению большинству. Как ни негодуйте, этого не изменить.

В-третьих,—и это самое главное,—даже для революции социалистической никоим образом *не* «нужно отречение от всех своих имущественных прав десятков миллионов граждан». Даже для социализма (а контроль за банками и фабриками *еще не* есть социализм) ничего подобного не нужно.

Это—величайшая клевета на социализм. Ни один социалист никогда не предлагал отнять собственность (=«получить отречение от всех своих имущественных прав») у «десятков миллионов», т.-е. у мелких и средних крестьян.

Ничего подобного!

Все социалисты всегда опровергали подобный вздор.

Социалисты хотят добиться «отречения» *только* у помещиков и капиталистов. Чтобы нанести решительный удар тому издательству над народом, которое продельвают, напр., углепромышленники, дезорганизуя и портя производство, достаточно добиться «отречения» от *нескольких сот*, самое большее от 1—2 тысяч миллионеров—банковых и торгово-промышленных воротил.

Этого вполне достаточно, чтобы сопротивление капитала было сломано. Даже и у этой *горсточки богачей не* нужно отнимать «все» их имущественные права, можно оставить им и собственность на многие предметы потребления, и собственность на известный, скромный доход.

Сломить сопротивление нескольких сот миллионеров—в этом и только в этом задача. При этом и только при этом условии от краха *можно* спастись.

«Правда» № 61,
19 мая 1917 г.,
без подписи автора.

О „самочинном захвате“ земли.

(Плохие доводы „социал-революционеров“).

В № 10 «Известий Всеросс. Сов. Кр. Д.», от 19 мая, напечатан доклад С. Маслова ¹²²⁾ с рассуждением о «земельных захватах». «В некоторых местностях,—сказал С. Маслов,—крестьянство стремится осуществить свое право на землю самочинным захватом соседних помещичьих земель. Возникает вопрос, насколько это целесообразно».

Маслов считает это нецелесообразным и приводит четыре довода. Рассмотрим их внимательно.

Довод первый. Земельные запасы распределены в России по областям и губерниям неравномерно. Указывая на этот бесспорный факт, С. Маслов говорит:

«Нетрудно представить себе осложнения для правильного решения земельного вопроса, если каждая губерния или область будет претендовать только на свои земли и захватывать их для себя. Нетрудно предвидеть, если отдельные селения крестьян будут захватывать земли соседних помещиков, оставляя других крестьян без земли».

Рассуждение это явным, вопиющим образом отступает от истины. Рассуждение побивает тех, кто выдумал бы советовать крестьянам захватывать, и притом неорганизованно, захваты земли *в собственность*. Захватил, поделил—и баста.

Это был бы, действительно, верх анархизма, верх бессмыслицы.

Кто такую бессмыслицу предлагал, какая партия, мы не знаем. Если это имел в виду С. Маслов, то он воюет с ветряными мельницами. Это смешно.

Наша партия, Р. С.-Д. Р. Партия большевиков, предложила в точной резолюции, чтобы *собственность* на землю была [в руках] всего народа. Значит, *всякий* захват земли в *собственность мы отвергаем*.

Но речь идет не об этом, и С. Маслов сам выдал себя, упомянув главное и существенное: захват *помещичьих* земель. Вот в чем суть. Вот в чем гвоздь. Вот вокруг какого вопроса ходит С. Маслов кругом да около.

Помещичьи земли должны быть *тотчас* конфискованы, т.-е. *собственность* на них отменена *тотчас* и притом *без выкупа*.

А как быть с *владением* этими землями? Кто должен сразу завладеть ими, засеять их? Местные крестьяне и притом организовано, т.-е. по решению большинства. Вот совет нашей партии. Владение помещичьими землями отдать *сразу* местным крестьянам, *собственность* оставить у народа. *Окончательное* право владения установит Учредительное Собрание (или Всероссийский Совет Советов, если народ сделает его Учредительным Собранием).

При чем же тут неравномерность запасов земли в разных областях? Ясно, не при чем. Эта неравномерность все равно остается до Учр. Собрания—при *всех* планах и при плане помещиков, и при плане С. Маслова, и при плане нашем.

С. Маслов только отвел внимание крестьян в сторону от дела. Он заслонил суть дела пустыми словами, не относящимися к делу.

Эта суть дела—вопрос о помещичьих землях. Помещики хотят их сохранить. Мы хотим их *сразу* передать крестьянам *без выкупа*, без *всякой платы*. Маслов хочет оттяжки посредством «примирительных камер».

Это вредно. Оттяжки вредны. Помещики должны сразу подчиниться воле большинства крестьян, а не «примирять» надо большинство (крестьян) с меньшинством (помещиками). Примирение такое есть незаконная, несправедливая, недемократичная льгота помещикам.

Второй довод С. Маслова:

«К захватам стремятся крестьяне в надежде на то, что если они успеют что-либо запахать, то все это останется за ними. На это способны только те крестьянские дворы, которые имеют в достаточном количестве работников и лошадей. Семьи безлошадные, семьи, отпустившие большую часть рабочей силы в армию, не в состоянии будут использовать захватный способ для обеспечения земель. Ясно поэтому, что он может быть выгодным для более сильных и даже для более земельных, но не для тех, кто более нуждается в земле».

Этот довод—опять вопиющая неправда. Опять от сути дела, от вопроса о помещичьих землях, С. Маслов отводит внимание крестьян в сторону. Ибо, если крестьяне будут брать помещичьи земли не «по захвату» (т.-е. бесплатно, как мы предлагаем), а *в аренду*, т.-е. за *плату* (как предлагают помещики и С. Маслов), то разве дело изменится? Разве для запашки арендуемых у помещиков земель не нужны лошади и работники? Разве семьи, отпустившие работников в армию, могут арендовать землю наравне с многосемейными?

Вся разница, по данному пункту, между нашей партией, большевиками, и Масловым—та, что он предлагает брать землю у помещиков за плату и после «примирительного» соглашения, а мы—брать сразу и бесплатно.

Вопрос о богатых *среди* крестьян здесь не при чем. Даже более того: бесплатно брать выгоднее *для бедных*. За плату брать легче для богатых.

Какие меры возможны и необходимы, чтобы богатый крестьянин не обидел бедного?

1) Решением по большинству (бедных больше, чем богатых); это мы и предлагаем.

2) Особая организация беднейших крестьян, чтобы они *особо* обсуждали свои *особые* интересы. Это мы и предлагаем.

3) Общая распашка общим скотом, общими орудиями помещичьих земель, под руководством Советов Депутатов от сельских рабочих. Это мы и предлагаем.

Как раз последних двух мер—самых важных—не защищает партия «соц.-революционеров». Это очень жаль.

Третий довод:

«Первое время, в первые дни революции, когда в армии среди солдат разнеслась молва, что будто бы там, на родине, происходит раздел земли, многие из опасения остаться обделенными стали рваться домой, усиливая дезертирство».

Этот довод относится к немедленному *разделу* земель *в собственности*. Никто этого не предлагал. Опять мимо стреляет С. Маслов.

Четвертый довод:

«Наконец, земельные захваты угрожают просто сокращением посевов. Известны случаи, когда, захватывая помещичьи земли, крестьяне засевают их плохо, малым количеством семян или оставляют свои земли незасеянными. Теперь, когда наша страна так нуждается в продовольствии,—такое положение решительно недопустимо».

Ну, это уже совсем плохой довод, над которым люди только хохотать будут! Выходит, что, если за плату брать помещичьи земли, то их лучше будут обрабатывать!!

Не срамите себя, любезный гражданин С. Маслов, такими доводами.

Если крестьяне плохо засевают поля, надо помочь крестьянам, и притом *именно беднейшим*, переходом к общей обработке крупных хозяйств. Иного средства помочь бедней-

шим *нет*. И именно этого средства *не* предлагает, к сожалению, С. Маслов...

Справедливость требует добавить, что С. Маслов сам почувствовал, видимо, слабость своих доводов, ибо тотчас вслед за сказанным он добавил:

«Теперь, после сказанного, я чувствую, что некоторые из вас готовы возражать и сказать: как, нам предлагают оставить все по-старому, когда мы столько натерпелись от помещичьей собственности? Я не берусь вам что-либо предлагать».

Вот именно! У С. Маслова вышло так, как будто бы он хочет оставить по-старому (хотя он этого *не* хочет). Значит, доводы были очень плохи.

Решать должны крестьяне сами. Предлагать должны *партии*. Наша партия предлагает то, что указано мной выше и что подробно и точно изложено в наших резолюциях: приложение к № 13 «Солдатской Правды», цена 5 коп.

*«Правда» № 62,
20 мая 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.*

Исчезло ли двоевластие?

Нет. Двоевластие осталось. Коренной вопрос всякой революции, вопрос о власти в государстве, попрежнему висит в неопределенном, неустойчивом, явно переходном состоянии.

Сличите министерские газеты, напр, «Речь», с одной стороны, «Известия», «Дело Народа», «Раб. Газету»—с другой. Проглядите скудные,—к сожалению, слишком скудные,—официальные сообщения о том, что делается на заседаниях Вр. Пр-ва, как оно «откладывает» обсуждение существеннейших вопросов, будучи бессильно взять какой-либо определенный курс. Вчитайтесь в резолюции Исп. Комитета Совета Раб. и Солд. Деи. от 16 мая по самому существенному, самому важному вопросу о мерах борьбы с разрухой, с неминуемо грозящей катастрофой—и вы убедитесь в полной неприкосновенности двоевластия.

Все признают, что страна приближается с громадной быстротой к катастрофе,—и отделиваются отпиской.

Разве это не отписка, когда резолюция по такому вопросу, как катастрофа, в такой момент, как переживаемый нами, громоздит комиссии на комиссии, отделы на отделы, подотделы на подотделы? Когда по неслыханно вопиющему делу с донецкими

углепромышленниками, избалованными в сознательной дезорганизации производства, принимается тем же Иск. Комитетом резолюция, в которой опять-таки нет ничего, кроме добрых пожеланий? Фиксировать цены, регулировать прибыль, установить минимум заработной платы, приступить к образованию регулируемых государством трестов—через кого? Как? «Через центральные и местные учреждения Донецко-Криворожского бассейна. Учреждения эти должны иметь демократический характер и быть составлены при участии представителей рабочих, предпринимателей, правительства и демократических революционных организаций»!

Это было бы комично, если бы дело не шло о трагедии.

Ибо заведомо известно, что подобные «демократические» учреждения и на местах и в Питере (тот же Иск. Ком. Совета Раб. и Солд. Деп.) существовали и существуют, будучи не в силах ровно ничего сделать. С конца марта—марта!—происходят совещания донецких рабочих и промышленников. Прошло более чем полтора месяца. Результат тот, что донецкие рабочие вынуждены признать сознательную дезорганизацию производства промышленниками!

И народ угощают опять обещаниями, комиссиями, собраниями представителей рабочих и промышленников (не поровну ли?), начиная паки и паки сказку про белого бычка!

Корень зла—в двоевластии. Корень ошибки народников и меньшевиков—в непонимании классовой борьбы, которую они хотят заменить или заслонить, примирить фразой, посулами, отписками, комиссиями «при участии» представителей... того же двоевластного правительства!

Капиталисты неслыханно, скандально нажились за время войны. Они имеют на своей стороне большинство правительства. Они хотят всевластия, они не могут, с точки зрения своего классового положения, не добиваться всевластия, не отстаивать его.

Рабочие массы, составляя гигантское большинство населения, имея в своих руках Советы, чувствуя свою силу, как большинства, видя всюду обещания «демократизации» жизни, зная, что демократия есть господство большинства над меньшинством (*а не обратно*—чего хотят капиталисты), добиваясь улучшения своей жизни только со времени революции, да и то не везде,—а не с начала войны—рабочие массы не могут не стремиться к всевластию народа, т.-е. большинства населения, т.-с. к реше-

нию дел по большинству рабочих против меньшинства капиталистов, а не по «соглашению» большинства с меньшинством.

Двоевластие остается. Правительство капиталистов остается правительством капиталистов, несмотря на придаточек к нему в виде меньшинства народников и меньшевиков. Советы остаются организацией большинства. Народнические и меньшевистские вожди беспомощно мечутся, желая усестись между двух стульев.

А кризис растет. Дело дошло до невероятно наглых *преступлений* со стороны капиталистов-углепромышленников, до *порчи* и *остановки* ими производства. Растет безработица. О локаутах говорят. Локауты в сущности *начинаются*—именно в форме дезорганизации производства капиталистами (ведь уголь—есть *хлеб промышленности!!*), именно в форме увеличивающейся безработицы.

Вся ответственность за этот кризис, за надвигающуюся катастрофу ложится на народнических и меньшевистских вождей. Ибо именно они в данное время—водители Советов, т.-е. большинства. Нежелание меньшинства (капиталистов) подчиниться большинству неизбежно.

Кто не позабыл всего, чему учат и наука и опыт всех стран, кто не забыл классовой борьбы, тот не будет доверчиво ждать «соглашения» с капиталистами в таком коренном, жгучем вопросе.

Большинство населения, т.-е. Советы, т.-е. рабочие и крестьяне, имели бы полную возможность спасти положение, помешать капиталистам дезорганизовывать и останавливать производство, взять его немедленно, на деле, под *свой* контроль, если бы не «соглашательская» политика народнических и меньшевистских вождей. Они несут на себе всю ответственность за кризис и за катастрофу.

Но выхода, кроме решения большинства рабочих и крестьян против меньшинства капиталистов *нет*. Никакие оттяжки не помогут, они только обострят болезнь.

С точки зрения марксизма, «соглашательство» народнических и меньшевистских вождей есть проявление колебаний мелкой буржуазии, боящейся довериться рабочим, боящейся порвать с капиталистами. Эти колебания неизбежны,—как неизбежна и наша борьба, борьба пролетарской партии, за преодоление колебаний, за разъяснение народу необходимости восстановить, организовать, увеличить производство против капиталистов.

Иного выхода нет. Либо назад, к всевластию капиталистов, либо вперед, к демократии на деле, к решению по большинству. Тепершнее двоевластие долго держаться не может.

«Правда» № 62,
20 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Партии на выборах в районные думы Петрограда.

Опубликованы списки кандидатов в гласные районных Дум (беспл. прилож. к «Ведом. Общ. Градонач.», от 17 мая). К сожалению, сведения даны не о всех, а только о 10 районах. Но все же получается чрезвычайно ясная и яркая картина по вопросу о *партийности*,—картина, на изучении которой необходимо внимательно остановиться и в интересах избирательной агитации, и в интересах выяснения связи партий с *классами*.

Известно, что партийность есть в одно и то же время и условие, и показатель политического развития. Чем более политически развиты, просвещены, сознательны данное население или данный класс, тем выше, по общему правилу его партийность. Это общее правило подтверждается опытом всех цивилизованных стран. Да и понятно, с точки зрения классовой борьбы, что так должно быть: беспартийность или недостаток партийной определенности, партийной организованности означает классовую неустойчивость (это в лучшем случае; в худшем случае этот недостаток означает обман масс политическими шарлатанами—явление, слишком хорошо известное в парламентарных странах).

Что же показывает нам картина заявленных списков в Петрограде по вопросу о партийности?

Всего выставлен по 10 районам 71 список. Сразу же явственно обрисовывается деление их на *пять* крупных групп:

1) Р. С.-Д. Р. П. — *большевики*. Списки выставлены по всем 10 районам. Наша партия идет в блоке с двумя группами: межрайонцами ¹²³⁾ и меньшевиками-интернационалистами ¹²⁴⁾. Блок этот строго принципиальный, открыто провозглашенный резолюциями петроградской и всероссийской конференций наших партий. Основной вопрос современной политической жизни и в России, и во всем мире есть вопрос борьбы интернационализма пролетариев с шовинизмом (или «оборончеством») крупной и мелкой буржуазии. И наша партия во всеуслышание заяви-

ла свою решимость осуществлять «сближение и объединение» (см. резолюцию Всеросс. конф. об объединении интернационалистов против мелко-буржуазного оборонческого блока) между всеми интернационалистами.

Партия пролетариата ясно, открыто, цельно выступила на выборах.

2) Не менее ясное классовое обличье показывает партия «народной свободы», т.-е. кадетов, на деле партия контр-революционной буржуазии. Также 10 чисто партийных списков по всем 10 районам. Как известно, *все* партии помещиков и капиталистов *поддерживают* теперь кадетов, но они делают это пока *тайком*.

3) На третьем месте в смысле партийной определенности стоит новоспеченная радикально-демократическая партия, выставившая свои списки только по 6 районам из 10. Это, никому неизвестная, партия—явно тоже капиталистическая, надеющаяся «сорвать» голоса обывателей ни к чему не обязывающими обещаниями,—нечто вроде переряженных кадетов.

4) Четвертое место занимает группа 17-ти списков по 9 районам, принадлежащая народникам (трудовики, с.-р., н.-с.) и меньшевикам плюс позорно-известная группа «Единство», в самых пестрых сочетаниях друг с другом.

Настоящий образец мелко-буржуазной каппи и мелко-буржуазной беспринципности. Ни одного открытого, принципиально обоснованного, заранее заявленного решения о сближении и объединении этих групп и партий *ни одна* из них сделать не решилась. Их влекли события, они плелись в хвосте шовинистского потока. Они скатились в одно болото и чисто псе-обывательски барахтаются в нем, стараясь «пролезть» по каждому району различно, кто во что горазд! Как бы ни пролезть, лишь бы пролезть—вот их девиз.

Если бы их принципиально объединяло оборончество или поддержка коалиционного министерства,—отчего бы им не слиться в единый, действительно, принципиальный, открыто выступающий в данной избирательной компании политический блок.

В том-то и суть, что у мелкой буржуазии, т.-е. народников и меньшевиков, не хватает ни принципиальности, ни партийности! Все они оборонцы и министерялисты. Но друг другу они не доверяют. В одном районе с.-р. идут отдельно, в другом они в блоке с н.-с. и трудовиками (с людьми, допускающими выкуп!! с партиями, которых с.-р. Вихляев¹²⁵), Чернов и Ко в 1906—1907 г.г. *открыто* обвиняли в преклонении перед *собственниче-*

скими инстинктами!!). Чаще всего они в блоке с меньшевиками, иногда в блоке с «Единством», тем самым «Единством», о котором «Дело Народа» пишет в тоне либо враждебном, либо презрительном.

Ничего! обыватель все скушает! Мелкому буржуа не до партийности, не до принципиальности. В газете «мы» против «Единства», а для того, чтобы пройти в Думу, «мы»—за.

И точь в точь меньшевики. В газете они против «Единства», на всероссийской конференции меньшевиков пресловутого Дейча встретили шумом неодобрения, так что «Единство» открыто на это жаловалось. Ничего, обыватель забывчив. Мы пс-обывательски. «В принципе» мы против Дейчей и Иорданских ¹²⁶⁾, мы со-вестимся их—перед рабочими, а для получения местечек мы готовы стоять в общих списках с этими господами!

Пусть же знают все сознательные рабочие, пусть осведомят они об этом всю рабочую массу, что блок с.-р и всех народников с меньшевиками есть блок людей, трусливо протаскивающих героев «Единства», *людей, стыдящихся своих союзников!*

В двух районах, Казанском и Спасском, нет вовсе ни меньшевиков, ни с.-р.: они *спрятались*, видимо, в списках районных Советов Р. и Солд. Депутатов, т.-е. в списках *беспартийных* (в обоих случаях очень неполное число кандидатов: 38 и 28 против 54 и 44 у к.-д., против 43 и 46 у нас). В 2-х районах, след., мелко-буржуазные партии даже своей пестрой полупартийности не осилили, а окончательно скатились в болото беспартийности: «лишь бы выбрали, к чему нам партийность?». Таков всегда и везде девиз буржуазных парламентариев.

5) Пятая группа—полное царство беспартийности. По 10 районам—28 списков, при чем большинство групп только в одном районе и существует. Это не только обывательщина, но узкоместная, районная обывательщина. И кого только тут нет! И «домовая администрация», и «группа служащих в воспитательных заведениях», и «группа честность, отчетность, справедливость» (не люблю, не слушай...), и «демократические республиканские и социалистические деятели, выставляемые беспартийными тружениками демократами-республиканцами, участвующими в домовых комитетах»...

Товарищи-рабочие! Все поголовно за работу, за обход беднейших квартир, за пробуждение и просвещение прислуги, более отсталых рабочих и пр. и пр.! За агитацию против капиталистов и кадетов, переряженных «радикальными демократами»,

и прячущихся за спину кадетов! За агитацию против мелко-буржуазного оборонческого болота народников и меньшевиков, против их блока беспартийности и беспринципности, против протаскивания в их общих списках и трудовиков—сторонников выкупа, и героев Плехановского «Единства», с которым даже министерские газеты «Дело Народа» и «Рабочая Газета» стыдятся итти под ручку.

«Правда» № 64,
24 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Сделка с капиталистами или низвержение капиталистов.

(Как кончить войну.)

Все думают, все говорят о том, как кончить войну.

Почти все рабочие и крестьяне согласны в том, что войну начали капиталисты, что она нужна капиталистам *всех* стран. Именно так говорят резолюции Советов Раб., Солд. и *Крестьянских* Депутатов.

И это—несомненная правда.

Разногласия начинаются дальше, с вопроса о том, как же *итти* к окончанию войны (ибо *сразу* кончить ее—это *все* понимают—нельзя). Итти ли через сделки с капиталистами, и если да, то какие сделки? Или через рабочую революцию, т.-е. через низвержение капиталистов? Вот в чем главный и коренной вопрос.

В этом вопросе наша партия разошлась с Петроградским Советом Р. и Солд. Деп., с Всеросс. Советом Крест. Депутатов, ибо оба Совета *сбиваются на решение вопроса в пользу капиталистов и через капиталистов*.

Резолюция Всеросс. Совета Кр. Деп. о войне особенно наглядно подтвердила это. В согласии с пресловутым—и столь же путанным—воззванием к народам мира (от 14 марта) эта резолюция требует:

«...мира без захватов и денежных штрафов с правом каждого народа, в границах какого бы государства он ни жил, решить самостоятельно свою судьбу».

Здесь вопрос об аннексиях (захватах) поставлен *не* так, как поставили его на днях «Известия Петрогр. Сов. Р. и С. Деп.» и «Дело Народа» (см. «Правду» № 60, от 18 ¹²⁷ мая).

Эти два последних органа, руководимые блоком народников и меньшевиков, запутались совершенно, объявив: без захва-

тов—значит, оставить как было до войны (по латыни это говорится: мир без аннексий значит статус кво).

Такое решение,—надо же сказать правду,—есть решение вопроса через сделку с капиталистами и между капиталистами. Оно значит: оставим старые захваты (до войны сделанные), а новых пусть не будет.

Такого решения, во-1-х, не может оправдать социалист, не изменяя социализму. Не дело социалиста мирить капиталистов на старом дележе добычи, т.-е. захватов. Это ясно. Такое решение, во-2-х, неосуществимо все равно без революции *против капитала*, по крайней мере, англо-японского, ибо всякий, не сошедший с ума, человек видит, что Япония не отдаст Киао-Чао, Англия—Багдад и колонии в Африке *без революции*.

Крестьянское решение *иначе* определило захваты (аннексии), провозгласив право *«каждого»* народа (значит, и аннексированного, т.-е. насильственно присоединенного, до войны) на свободу, на «самостоятельное решение своей судьбы».

Вот это—единственно правильное решение с точки зрения действительно последовательного демократа, тем более—социалиста. Не может ни один социалист, оставаясь социалистом, ставить вопрос об аннексиях (захватах) иначе, не может отказывать в праве самоопределения, в свободе отделения *каждому* народу.

Но не будем обманываться: такое требование означает революцию против капиталистов. И прежде всего, в первую голову не примут такого требования (без революции) английские капиталисты, имеющие аннексий (захватов) больше, чем любая нация в мире.

Оба требования, оба пожелания—как пожелание отказаться от аннексий в смысле восстановления старого («статус кво»), так и пожелание отказаться от новых и от старых, от всех аннексий,—оба пожелания неосуществимы без революции против капитала, без низвержения капиталистов. Нельзя сбманывать себя и народ насчет этого!

Либо иронизировать и ждать сделки с капиталистами, а это равносильно внушению народам доверия к их злейшим врагам,—либо доверие к рабочей революции, только к ней, сосредоточение всех усилий на низвержении капиталистов.

Надо сделать *выбор* из этих *двух* путей к *окончанию* войны.

«Правда» № 65,
25 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Надо разоблачать капиталистов.

В. Базаров ¹²⁸), которому никто не откажет в знаниях по вопросу о состоянии нашей промышленности, писал в «Новой Жизни» от 24 мая:

«Война и вызванная ею экономическая и финансовая разруха создали такое положение вещей, при котором частный интерес частного предпринимателя направлен не к укреплению и развитию производительных сил страны, а к их разрушению. В настоящее время выгоднее—в ожидании повышения цен—держат в бездействии материальные составные части капитала, нежели пускать их в оборот; выгоднее производить на самых разорительных для страны условиях никуда не годные предметы военного снабжения, нежели добросовестно обслуживать насущные потребности народных масс; и всего выгоднее строить новые оборонные заводы, которые никогда не будут использованы, которые смогут начать работу лишь через 2—3 года. Можно ли удивляться, что так называемое «народное хозяйство» превратилось у нас в разухабистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния?..

«...Во имя чего малосознательный и даже вполне сознательный рабочий откажется от «чрезмерной» прибавки в 3—4 рубля, если на его глазах растаскиваются и пускаются по ветру сотни миллионов?»

Ни один добросовестный человек не решится отрицать того, что В. Базаров говорит сущую правду.

«*Вакханалия мародерства*»—нет иного слова для поведения капиталистов во время войны.

Эта вакханалия ведет к гибели всю страну.

Нельзя молчать. Нельзя терпеть.

Пусть всякий рабочий, который знает и понимает, что делается по этой части на «его» фабрике; пусть всякий банковый, фабричный, торговый служащий, кто не равнодушен к гибели страны;—пусть всякий инженер, статистик, бухгалтер направят все усилия, чтобы *собирать*, хотя бы по частям, точные—по возможности документальные—данные об этой вакханалии мародерства, то-есть о *ценах и прибылях*.

Нельзя молчать. Нельзя терпеть. Не дети же мы, в самом деле, чтобы давать себя убаюкивать обещаниями почти социалисти-

ческих министров или комиссиями, отделами, подотделами чиновников.

Если бы правительство в России не было пленником капиталистов, если бы оно состояло из людей, желающих и могущих действовать решительно, действовать для спасения страны от гибели, — оно бы тотчас же, не откладывая это ни на один день, ни на один час, — тотчас же издало закон об опубликовании *всех* цен на военные поставки, *всех* данных о *прибылях*.

Болтать о грядущем крахе, о спасении страны от гибели и *не делать* этого — значит опускаться до уровня обманщика народных масс или игрушки в руках обманщиков.

Ждать от правительства капиталистов, от г.г. Львова, Трещенко, Шингарева и Г^о, от их бессильного и игрушечного «придаточка», Чернова, Церетели, Пешехонова, Скобелева, ждать от них издания такого закона, разоблачения капиталистов было бы детски наивно. Только заболевшие «министериалистским разжижением мозга» способны ждать этого.

Тем энергичнее надо звать к частной инициативе. Товарищи и граждане! все, кто хочет на деле помочь спасению страны от голода, пусть тотчас собирает и публикует все доступные для него данные о *ценах* и о *прибылях*.

Разоблачение капиталистов есть первый шаг к обизданию капиталистов.

Разоблачение вакханалии мародерства есть первый шаг к борьбе с мародерами.

«Правда» № 67,
27 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Доклады о разрухе

Приближение катастрофы — главный и основной вопрос современности. Надо собирать возможно более точные данные о ней. Вот поучительнейшие цитаты из газеты наших противников, объединенных народников и меньшевиков («Известия Петр. Сов.», № 70, от 19 мая).

Надвигается бедствие массовой безработицы. Сопротивление объединенных предпринимателей требованиям рабочих возрастает. Предприниматели прибегают к своеобразной итальянской забастовке и скрытым локаутам.

И далее:

...капиталисты ничего не делают, чтобы помочь государству выбраться из экономических затруднений...

...упорно цепляясь за свою прибыль, капиталисты и являются настоящими дезорганизаторами и контр-революционерами. Но революция не хочет и не должна погибнуть. Если капиталисты не идут ей навстречу добровольно, она должна наложить на них свою руку.

Неправда ли, красноречивее трудно выразиться? Положение, значит, действительно самое критическое. «Революция» должна «наложить руку на капиталистов»—*какая* революция? *какого* класса? *как* наложить руку?

Вот ответы докладчиков на заседании Исп. Ком. 16 мая:

Ряд докладчиков выяснил тяжелую картину общей разрухи экономической жизни страны... буржуазные органы печати... умалчивают об истинных причинах бедствия—войне и своекорыстном поведении буржуазии.

Из доклада меньшевика-министералиста Череванина:

Экономическая разруха, которую мы переживаем, настолько серьезна, что отдельными палиативами, рядом отдельных конкретных мероприятий, спасти положение нельзя. Необходим общий план, необходимо регулирование государством всей экономической жизни...

Для конкретного осуществления нашего плана необходимо создание при министерстве специального экономического совета.

Гора родила мышь. Вместо «революции, налагающей руку на капиталистов», чисто бюрократический рецепт.

Из доклада Авилова ¹²⁹⁾:

Основная причина современной хозяйственной разрухи—недостаток важнейших продуктов промышленности...

...Положение рабочих при растущей дороговизне граничит для многих категорий с хроническим голоданием...

...Предприниматели, наживающие огромные барыши, не соглашаются на уступки рабочим, если одновременно не повышаются цены на их продукты...

...Единственным выходом из создавшегося положения является нормировка товарных цен. Но такая нормировка может быть осуществлена на практике только в том случае, если все распределение продукта будет совершаться по указаниям общественной власти.

При таком принудительном распределении по нормировочным ценам необходимо установить контроль и над производством, ибо иначе оно может сократиться или даже приостановиться...

...Вместе с тем придется поставить под контроль государства те источники, которые питают промышленность оборотными и основными средствами—кредитные учреждения.

О том, что «государство» есть машина, которую рабочий класс и капиталисты тащат в разные стороны, тов. Авилов как будто забыл. Какой класс способен теперь осуществлять государственную власть?

Из доклада Базарова:

Твердые цены фактически обходятся; государственные монополии существуют на бумаге; регулирование снабжения заводов углем и металлом не только не дало возможности направлять производство в интересах государства, но не смогло даже справиться с рыночной анархией, не смогло устранить безудержной спекуляции посредников-перекупщиков.

Необходима принудительная государственная трестификация промышленности.

Только призвав администрацию предприятий и капиталистов на обязательную государственную службу, можно принять действительные меры борьбы с той анархией, которую промышленники сознательно вносят в производство.

Государство капиталистов (сознательно вносящих анархию) должно призвать капиталистов на обязательную государственную службу—это на то, что равносильно забвению классовой борьбы.

Из доклада Г. В. Шубы ¹³⁰⁾:

Несмотря на наши непрерывные требования в течение двух месяцев, вопрос общий, вопрос об организации народного хозяйства и труда с места не двигается. Результатом этого является топтание на месте. Положение сейчас таково: целый ряд мер, законов, хотя и с борьбой, нам удалось провести, мы имеем уже закон о хлебной монополии... Но все это остается на бумаге...

.. Мы добились принципиального разрешения муниципализации сельскохозяйственных машин. Но провести этого нельзя, так как машин нет или почти нет. А заводы сельско-хоз. машин выполняют совершенно не существенные предметы для армии. Но кроме того, что должна быть регулирована вся хозяйственная жизнь страны, нужно, наконец, сломать и перестроить весь исполнительный аппарат государственной власти...

Вот это поближе к делу, поближе к сути! «Сломать и перестроить весь исполнительный аппарат государственной власти»—вот это правда. Но не ясно ли, что вопрос об *аппарате* государственной власти есть лишь частичка вопроса о том *классе*, в руках коего власть находится?

Из доклада Куковецкого ¹³¹⁾

Финансовое положение страны в ужаснейшем состоянии. Мы быстро идем к финансовому банкротству...

Чисто финансовые мероприятия не помогут...

Нужно принять меры к принудительному распределению займа и если это не даст желательных результатов, то перейти на заем принудительный.

Вторая мера—это обязательное регулирование промышленности, установление твердых цен на продукты.

«Принудительность»—хорошая вещь, но вопрос весь в том, какой класс будет принуждать и какой должен быть принужден?

Из доклада Громана ¹³²):

Все, что делается во всех странах сейчас, может быть охарактеризовано, как процесс распада народно-хозяйственного организма. Ему везде противопоставляется организующее начало. Государство везде приступило к организации хозяйства и труда...

Ни у правительства, ни у страны до сих пор нет центра, который регулировал бы экономическую жизнь страны, нет, так сказать, экономического мозга. Его необходимо создать... Должен быть организован властный исполнительный орган. Нужно создать экономический совет...

Новое бюрократическое учреждение—вот к чему сводится мысль Громана! Печально.

Все признают, что неслыханная катастрофа неминуема. Но не понимают главного: вывести страну из нее способен *только революционный класс*.

«Правда» № 07,
27 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Черные за кадетов, меньшевики и народники в одном правительстве с кадетами.

Кто не знает газеты «Нов. Время»? Кто не знает, что она в течение десятилетий и десятилетий «прославила» себя защитой царской власти, защитой капиталистов, травлей евреев, травлей революционеров?

Кто не знает, что все честное на Руси отворачивалось всегда с негодованием и презрением от «Нового Времени»? Что эта газета и теперь, после переворота, несколько не переменила своего направления?

И вот—первые выборы в свободной России. В первый день выборов «Новое Время» печатает: «подавайте список партии народной свободы».

Факт на-лицо: все помещики и капиталисты, все черные силы, все старающиеся восстановить царя—за кадетов.

А меньшевики и народники дали 6 своих министров в заложники *10-ти министрам-кадетам*.

А меньшевики и народники дали себя обмануть пустыми посулами, из коих ни один не был выполнен. Ни единого шада к прекращению войны, к отказу от аннексий (захватов) *), к обузданию капиталистов, наживающих беженные прибыли и доводящих страну до гибели, ни *единого такого шага* правительство не сделало.

Война затягивается, разруха грозит, капиталисты наживаются, меньшевики и народники говорят и грозят, грозят и говорят... Кот-Васька (капиталисты) слушает да ест.

Рабочие и солдаты и все трудящиеся! Ни одного голоса ни кадетам, ни меньшевикам с народниками!

Голосуйте за большевиков!

«Правда» № 68.

28 мая 1917 г.,

без подписи автора.

Переход контр-революции в наступление.

(Янобинцы ¹³³) без народа.)

Контр-революция собралась с силами настолько, что переходит в наступление. При помощи министров из народников и меньшевиков капиталисты организуют наступление на свободу.

Постановление расформировать «45-й, 46-й, 47-й и 52-й полки» 12-й и 13-й дивизий, постановление «предать суду» «подстрекавших» (что за странное слово? неужели на войне важнее «подстрекатели», чем «содеявшие?»),—затем, рядом с этим, известие об аресте прапорщика Круссера *за речь на митинге* в Скулянах,—наконец, неслыханно-грубый тон Вр. Правительства по отношению к Кронштадту (распоряжения де «подлежат беспрекословному исполнению»: можно ли так говорить с гражданами, пока не обвиненными ни в чем, ни *в одном* неповиновении?),—все ясно, вместе взятое, освещенное бенгальским огнем злорадствующей защитницы контр-революционных капиталистов «Речи» («Правительство, наконец, заговорило языком власти») — все это показывает ясно, что контр-революция наступает.

Странное впечатление производит это «наступление». На фронте предадут суду «подстрекавших к неповиновению» и «расформи-

---

*) К опубликованию тайных договоров, к открытому, честному, прямому предложению мира всем народам на точных и ясных условиях.

ровывают» четыре полка (из названных в телеграмме восьми полков двух дивизий, хотя «выступил в полном составе» — по словам той же телеграммы № 76 «Известий Петрогр. Совета» — только один полк из этих восьми, и еще только один выступил «почти в полном составе»). Если вы сообщаете народу, господа правители, о расформировании полков, если вы находите это полезным, если вы пропускаете телеграммы об этом, почему бы не сообщать точно и ясно, хотя бы в нескольких словах, о мотивах неповиновения тех, кого вы предаете суду?

Одно из двух, господа: или действуйте молча, у вас ведь есть военные цензоры, не беспокойтесь осведомлять публику и не беспокойте ее своими осведомлениями.

Или, если вы решили осведомлять, тогда говорите же, в чем собственно дело? как, чем, во имя чего? по частному или по общему вопросу отказывают в повиновении те, кого вы предавали суду?

Неясность вредна.

А с арестом Круссера дело вполне ясное: *за речь на митинге* хватать человека в тюрьму, разумно ли это? Не значит ли это прямо-таки потерять голову? Да ведь у вас, господа кадеты и правые, объединенные в министерстве с народниками и меньшевиками, в десять, если не во сто, раз больше экземпляров ежедневных газет, чем у ваших противников!! И при таком перевесе главного орудия агитации — хватать в тюрьму за «*речь на митинге*»!! Неужели вы обезумели от страха, господа?

Мы не противники революционного насилия в интересах большинства народа.

Когда Плеханов как-то на днях вспоминал якобинцев 1793 года и их *прямое* заявление: «враги народа те-то и те-то», мы думали по поводу этого:

От подражания якобинцам 1793 года в этом, Плехановым избранном, пункте *ни одна* партия зарекается не должна.

Вопрос только в том, что бывают якобинцы и «якобинцы». Остроумное французское изречение, которое любил вспоминать Плеханов лет 20 назад, когда он еще был социалистом, подсмеивается над «якобинцами без народа» (*jacobins moins le peuple*).

Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным *большинством* народа, с революционными передовыми классами *своего* времени.

Смешны и жалки «якобинцы без народа», те, кто только корчит из себя якобинцев, те, кто *боится* ясно, прямо, во всеуслышание

объявить врагами народа—эксплоататоров, угнетателей народа, слуг монархии во всех странах, сторонников помещиков во всех странах.

Вы учились истории, г.г. Милюковы и Плехановы, можете ли вы отрицать, что *великие* якобинцы 1793 г. не боялись объявить врагами народа именно представителей реакционного, эксплуататорского *меньшинства* народа своего времени? Именно представителей реакционных *классов* своего времени?

Вы, современное правительство, его пособники, защитники и слуги, можете ли сказать открыто, прямо, официально, какие *классы* вы считаете «врагами народа» *во всем мире*?

Где вам! Вы якобинцы без народа. Вы только корчите из себя якобинцев. Вы гораздо более похожи на дюжинных представителей дюжинной реакции помещиков и капиталистов.

Рабочие и солдаты! Трудящиеся! Контр-революция помещиков и капиталистов переходит в наступление! Ни одного голоса *ни одной* правительственной, *ни одной* участвующей в правительстве партии!

Голосуйте за большевиков!

«Правда» № 68,
28 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Позорный блок меньшевиков и народников с „Единством“.

Сегодня—второй и главный день выборов.

Кроме кадетов с наибольшей навязчивостью предлагают себя избирателям объединенные меньшевики и народники.

Что же они смогли ответить нам по поводу нашего указания на вопиющий факт их блока (союза) с «Единством»? Решаются ли *принципиально* защищать такой блок?

В том-то и дело, что *нет*.

«Рабоч. Газ.» в *ответ* на наше указание: неприличен блок с «Единством» приводит указание... на кого бы вы думали?.. на провокатора Малиновского и его протаскивание охранкой в Думу!!

Нечестность такой тоже-полемики мы отмечаем в особой заметке. Но сейчас вопрос не о честности «Р. Газеты», а об ее *логике*. Как же это так, господа! Нашу ссылку на «ваше» «Единство» вы считаете возможным парировать вашей ссылкой на «нашего»

провокатора Малиновского. Что же это выходит? Выходит, что вы «Единство» ставите на одну доску с провокатором!!

Вот так «защитили» блок с «Единством» догадливые люди из «Раб. Газеты», нечего сказать,—умные это люди. Когда им говорят, что у вас *есть* в *свободной* России такой позорный коллега, как плехановское «Единство», то они *отвечают*: а у большевиков *был* в *царской* России провокатор Малиновский!! Не защита «Единства» «Раб. Газетой», а перл.

«Дело Народа» тоже, употребляя щедринское выражение, «спанашилось» с «Единством». В первый день выборов, 27 мая, на первой странице газеты Керенского ¹³⁴⁾, Чернова и К^о читаем призыв голосовать *за списки, протаскивающие «Единство»*.

А на *второй* странице того же номера того же «Дела Народа» читаем не только длинный разнос «социал-патриота» Плеханова и его «Единства», но и следующую «ядовитую фразу»:

«Мы с удовольствием доведем до сведения наших читателей, что думают по поводу итальянского захвата (Албании) другие либерал- и социал-империалисты: «Речь», «Русская Воля» и «Единство».

Неправда ли перл?

«Социалисты-революционеры» зовут народ голосовать за списки, прячущие кандидатов «Единства», *какое «Единство»* сами же соц.-революционеры, и при том в день выборов, называют «социал-империалистским», т.-е. социалистическим на словах, империалистским на деле»,—какое «Единство» они ставят сами в один ряд и с «Речью», и с «Рус. Волей».

Ну, и «защитила» сегодня «Единство» умная «Раб. Газета» в блоке с умным «Делом Народа»!

А Плеханов принимает подачки от людей, «нечаянно» сопоставляющих его с Малиновским или прямо объявляющих его в день выборов «социал-империалистом».

Ну, и нравы в этом позорном блоке: меньшевики *плюс* народники *плюс* «Единство»...

Рабочие и солдаты! Трудящиеся! Ни одного голоса протаскивающим «социал-империалистов» народникам и меньшевикам!

Голосуйте за большевиков!

*«Правда» № 68,
28 мая 1917 г.,
без подписи автора*

Один принципиальный вопрос.

(Забытые слова демократизма.)

Грязный поток лжи и клеветы, вылитый газетами капиталистов на кронштадтских товарищей, обнаружил еще и еще раз всю нечестность этих газет, раздувавших самый заурядный и неважный случай до размеров «государственного» события «отложения» от России и прочее и тому подобное.

«Известия Петр. Совета» в № 74 сообщают о ликвидации кронштадтских событий: как и следовало ожидать, министрам Церетели и Скобелеву легко удалось сговориться с кронштадтцами на компромиссной резолюции. Само собою разумеется, мы выражаем надежду и уверенность, что эта компромиссная резолюция, при условии лояльного соблюдения ее *обеими* сторонами, создаст на достаточно большое время возможность бесконфликтной работы *революции* в Кронштадте и в остальной России.

Кронштадтский инцидент имеет для нас в двух отношениях принципиальное значение.

Во-первых, он обнаружил давно уже подмеченный нами, признанный официально в резолюции нашей партии (о Советах) факт, что *на местах* революция зашла дальше, чем в Питере. Не только кадеты, но и народники с меньшевиками, давая захлестнуть себя царящей всюду революционной фразе, не пожелали—или не сумели—вдуматься в значение этого факта.

Во-вторых, кронштадтский инцидент поставил один очень важный принципиальный, программный вопрос, мимо которого ни один честный демократ—не говоря уже о социалисте—не может пройти равнодушно. Это—вопрос о праве центральной власти *утверждать* выборных должностных лиц местного населения.

Меньшевики, к партии которых принадлежат министры Церетели и Скобелев, продолжают претендовать на то, что они марксисты. Церетели и Скобелев проводили резолюцию о таком утверждении. Подумали ли при этом об их долге, как марксистов?

Если этот вопрос читатель найдет наивным и заметит, что на деле меньшевики вполне стали теперь мелко-буржуазной, притом оборонческой (т.-е. шовинистской) партией, что поэтому о марксизме и говорить смешно, то мы спорить не будем. Мы скажем только, что марксизм очень внимательно относится всегда к вопросам демократизма вообще, а в звании демократа едва ли можно отказать гражданам Церетели и Скобелеву.

Подумали ли они, проводя эту резолюцию об «утверждении» Вр. Прав-вом выборных кронштадтским населением должностных лиц, о своем долге, как демократов? о своем «звании» демократов?

Очевидно, нет.

В подтверждение этого вывода приведем мнение писателя, который, вероятно, и в глазах Церетели и Скобелева не совсем еще потерял научный и марксистский авторитет. Писатель этот—Фридрих Энгельс.

В 1891 г., критикуя проект программы германских с.-д. (так называемой теперь Эрфуртской программы) ¹³⁵), Энгельс писал, что пролетариат германский нуждается в единой и нераздельной республике.

«По не в такой республике,—добавлял Энгельс,—как те-перешняя французская, которая представляет из себя не что иное, как основанную в 1798 г. империю без императора. С 1792 по 1798 год всякий французский департамент, всякая община пользовались полным самоуправлением по американскому образцу. Это именно должны завоевать и мы» (т.-е. немецкие с.-д.). «Как следует устроить самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это доказали нам Америка и первая французская республика, это доказывают и теперь еще Австралия, Канада и другие английские колонии. И подобное областное и общинное самоуправление гораздо свободнее, чем, напр., швейцарский федерализм, где кантон действительно очень независим от «бунда» (т.-е. от центральной государственной власти), но в то же время независим также по отношению к более мелким подразделениям кантона: уезду (бецирку) и общине. Кантональные правительства назначают уездных комиссаров (штатгальтеров) и префектов. В странах, говорящих по-английски, подобное право назначения совершенно неизвестно, и мы должны на будущее время так же вскиливно отвергнуть это право» (назначения сверху), «как должны мы отвергнуть прусских ландратов (исправников) и регирунгсратов» (губернаторов или комиссаров).

Так судил о вопросах демократизма в применении к праву назначать чиновников сверху Фридрих Энгельс. И чтобы резче, прямее, точнее выразить свои взгляды, он предлагал германским с.-д. вставить в программу партии следующее требование:

«Полное самоуправление в общине, уезде и области через должностных лиц, выбранных всеобщим голосованием; *отмена всяких государством назначаемых местных и областных властей*».

Подчеркнутые слова не оставляют ничего желать в смысле решительности и ясности.

Любезные граждане-министры, Церетели и Скобелев! Вам, вероятно, очень лестно, что ваши имена войдут в учебники истории. Но лестно ли вам, что всякий марксист—и всякий честный демократ—вынужден будет сказать: министры Церетели и Скобелев помогали русским капиталистам строить в России такую республику, чтобы это вышла собственно не республика, а *монархия без монарха*?

P. S. Статья эта была написана до последней стадии кронштадтского инцидента, о которой говорят сегодня газеты. Компромиссное соглашение кронштадтцами *не* нарушено: *ни единого факта*, даже отдаленно похожего, на нарушение соглашения, *никто* не указал. Ссылки «Речи» на статьи в газетах—увертка, ибо не статьями, а только делами может быть нарушено соглашение. И факт остается фактом: министры Церетели, Скобелев и К^о дали себя запугать в сотый и тысячный раз криками запуганных буржуа и перешли к *грубым угрозам* кронштадтцам. Неумные, нелепые, служащие только контр-революции, угрозы.

«Правда» № 68,
28 мая 1917 г.,
без подписи автора.

О вреде фраз.

Ответ французских и английских правительств подтвердил с особенной наглядностью справедливость наших многократных указаний на то, что ни русское, ни французское, ни английское, ни германское капиталистическое правительство от аннексий (захватов) отказаться не может, что все подобные обещания—пустой обман народов.

Мы воюем за захват оружием Эльзаса и Лотарингии, за победу,—ответили французы.—Соблаговолите исполнять договор и всевать за русскую и за немецкую Польшу,—ответили англичане.

Горькая истина—истина насчет непримиримости капитализма с отказом от аннексий—разоблачена еще и еще раз. Крах политики «соглашателей», примирителей капитализма с пролетариатом, политики министералистов, народников и меньшевиков—самый явный. Все их надежды на коалиционное правительство разлетелись в прах, все их посулы разоблачены, как пустейшая словесность.

И всего вреднее теперь для дела революции, для интересов трудящихся масс потуги замазать дело фразами. Два оттенка этого потока фраз обрисовались и, поистине,—«оба хуже».

«Рабочая Газета», орган министералистов-меньшевигов, льет водичку «под кадета». С одной стороны, «на такой почве» (на почве ответов двух держав согласия) «никакого соглашения между нами и ими быть не может»... Между «нами»? т.-е. русскими *капиталистами*? Теория классовой борьбы выкинута за борт, выгоднее фразерствовать о «демократии» вообще, попирая ногами азбучную истину марксизма, что как раз *внутри* «демократии» пропасть между «капиталистами и пролетариями всего глубже».

С друдой стороны, «Рабочая Газета» хочет сделать «попытку пересмотра» (соглашения и договоров) «путем специально созванной конференции представителей союзных правительств». Ещё и еще: соглашательство с капиталистами, означающее на деле *обман рабочих* игрой в переговоры с их классовыми врагами.

«Натиск широких слоев французской и английской демократии, патиск даже одного пролетариата Франции и Англии на свои правительства»... пишет «Раб. Газ.». В России меньшевики поддерживают *свое* правительство империалистов, в других странах зовут к *натиску*... разве это не лживое, от первого до последнего слова, фразерство?

«Мы подготовляем его (мир в международном масштабе) созывом международной социалистической конференции»... с участием министров из числа тех бывших социалистов, кои перешли на сторону *своих* правительств!! Прекрасная «подготовка» народного обмана в большом масштабе посредством ряда обманов меньшего масштаба, нечего сказать!

«Дело Народа» фразерствует «под якобинца». Грозный топ, эффектные революционные восклицания... «мы знаем довольно»... «вера в победность нашей Революции» (обязательно с большой буквы), «от того или иного шага... русской революционной демократии... зависят судьбы... *всего* так счастливо, так победно поднявшегося Восстания (обязательно с большой буквы) трудящихся...»

Конечно, если слова Революция и Восстание писать с большой буквы, то это «ужасно» странно выходит, совсем как у якобинцев. И дешево, и сердито. Ибо пишут это люди, кои на деле помогают душить революцию и тормозить рост восстания трудящихся поддержкой *русского* правительства империалистов, поддержкой *их* приемов сокрытия от народа тайных договоров, *из*

приемов оттяжки немедленной ликвидации помещичьего землевладения, *их* приемов военной политики «наступления», *их* грубых окриков по адресу местных выборных учреждений, *их* претензии назначать или утверждать выбранных местным населением должностных лиц и так далее и так далее без конца.

Господа герои фразы! Господа рыцари революционного красноречия! Социализм требует отличать демократию капиталистов от демократии пролетариев, революцию буржуазии и революцию пролетариата, восстание богатей против царя и восстание трудящихся... *против богатей*... Социализм требует отличать закончившуюся у нас революцию буржуазии (буржуазия теперь контр-революционна) и растущую революцию пролетариев и беднейших крестьян. Первая революция *за* войну, *за* сохранение помещичьего землевладения, *за* «подчинение» местных самоуправлений центру, *за* тайные договоры. Вторая революция *начала* душить войну и революционным братаньем, и ликвидацией власти помещиков на местах, и увеличением числа, укреплением силы «советов», и полным проведением принципа выборности.

Министерялисты народники и меньшевики фразерствуют о «демократии» вообще, о «Революции» вообще, чтобы *прикрыть* этим свое соглашение с империалистской, на деле уже контр-революционной, буржуазией своей страны,—соглашение, на деле превращающееся в борьбу *против* революции пролетариев и полупролетариев.

«Правда» № 69,
31 мая 1917 г.,
без подписи автора.

Издевательство капиталистов над народом.

23-го мая закончилось совещание представителей от капиталистов и от рабочих южной горной промышленности.

Кончилось совещание *ничем*. Господа капиталисты признали все требования рабочих неприемлемыми. Рабочая делегация, участвовавшая в совещании, огласила заявление о том, что она *слагает с себя ответственность за возможные осложнения*.

Это—яснее ясного. Кризис ничуть не устранен. Предприниматели ничуть не обузданы.

Смелее было бы—когда бы не было грустно—читать, что решено назначить еще комиссию из представителей правитель-

ства и представителей сторон!! что предприниматели просили о надбавках к ценам *теперь же!!!*

Чтобы читатели нагляднее могли себе представить, до какой степени издевательства над народом доходят господа капиталисты, приведем несколько цитат из одной *министерской* газеты (т.-е. принадлежащей к партии, имеющей своих представителей в министерстве):

«Приехавшая делегация рабочих (южной горнопромышленности) осведомила Экономический Отдел при Исполнительном Комитете Совета Раб. и Солд. Деп. о действительном положении дел, и, пользуясь этим осведомлением, мы можем сообщить, что цифры, которые приводил, со слов промышленников, Н. Н. Кутлер, не заслуживают никакого доверия.

«...Углепромышленники получали огромную прибыль до революции и, несмотря на это, перед революцией они торговались со старым правительством относительно повышения реквизиционной цены на уголь. Углепромышленники запрашивали 5 коп. прибавить, имея в виду добытые 3 коп., которые старое правительство и соглашалось им дать. От Временного же революционного Правительства в первые дни революции им удалось сразу добыть 8 коп., распространивши эту прибавку и на старые поставки железным дорогам и реквизиции с января месяца, а потом удалось получить еще 3 коп., итого 11 коп.

«Реквизиционная цена до революции была 18 коп., теперь 29 коп. Договоры же с правительством заключались прежде копеек по 22 за пуд, теперь же заключаются по 33—34 и больше копеек»...

Ну, разве же это не есть неслыханное *издевательство* капиталистов над народом!

По случаю революции, правительство капиталистов, называя себя «революционным» и обманывая темный народ этой «славной» кличкой, дарует капиталистам еще и еще надбавки! Кладет им в карман новые и новые миллионы!

Страна накануне гибели, 10 капиталистов—членов Времен. Правительства потворствуют предпринимателям, которые грабят страну, грабят народ, *увеличивая* и без того безмерные прибыли капитала.

«Министерство торговли и промышленности находится в плену у съезда горнопромышленников Юга России и, перед лицом катастрофы, к которой идет промышленность Юга, не только не принимает никаких мер для предотвращения ее, но системати-

чески подчиняется в своих действиях давлению промышленников Юга».

Так писала та же министерская газета, орган меньшевиков, «Рабочая Газета», 14 мая 1917 г., более недели спустя после образования коалиционного министерства.

И с тех пор ровно ничего не изменилось.

А ведь министерская газета вынуждена была признать еще худшие факты. Слушайте, слушайте:

«...Промышленники ведут итальянскую забастовку. Они умышленно не принимают мер. Нужно разыскать насос, он не разыскивается; нужны сетки для лампочек, они не добываются. Промышленники не хотят увеличения производства. В то же время они не хотят затрачивать денег на необходимый ремонт, на восстановление изнашиваемого оборудования предприятий. Машины обветшали, с ними нельзя скоро будет работать. Рабочие часто, когда им отвечают, что того или другого нельзя купить, сами отправляются за покупкой необходимых орудий и находят их. Предприниматели не принимают никаких мер к вывозу произведенных продуктов—угля, чугуна. Десятки и сотни миллионов этих продуктов лежат втуне в то время, как страна страшно нуждается в них».

Так писала министерская газета, газета той партии меньшевиков, к которой принадлежат Церетели и Скобелев.

Ведь это же прямо издевательство капиталистов над народом! Ведь это—какой-то сумасшедший дом: капиталисты в стачке с буржуазной частью Врем. Правительства (в котором заседают меньшевики и соц.-революционеры)—капиталисты *тормозят* дело, *портят* работу, *не принимают мер* к вывозу продуктов, без коих страна *гибнет*.

Без угля становятся фабрики и жел. дороги. Растет безработица. Растет бестоварье. Крестьяне не могут давать хлеба даром. Неминуемо надвигается голод.

И все это проделывают капиталисты, находясь в стачке с Правительством!!

И все это терпят народники, социал-революционеры и меньшевики!! Они отделяются словами, они писали про эти преступления капиталистов *еще 14 мая*. Сегодня—31 мая. Прошло более 2 недель. Все остается по-старому. Голод надвигается все ближе.

А для прикрытия преступлений капиталистов, для отвлечения внимания народа все газеты капиталистов: «Речь», «День»,

«Нов. Время», «Р. Воля», «Биржевка», «Единство» изо всех сил льют ежедневно помой лжи и клеветы на «большевиков»... большевики виноваты в том, что углепромышленники столкнулись с правительством, портят и останавливают производство!!

Да, это похоже было бы на сумасшедший дом, если бы теория классовой борьбы, если бы всемирный опыт классовой борьбы не говорили нам: ради отстаивания прибыли капиталисты и их правительство (поддерживаемое меньшевиками) не останавливаются перед преступлением.

Доколе же это будет продолжаться? Неужели надо, чтобы катастрофа уже разразилась повсеместно, чтобы люди стали сотнями и тысячами умирать с голода?

*«Правда» № 69,
31 мая 1917 г.,
без подписи автора.*

Оправдание позора.

Отдел Международных сношений при Исполнит. Комитете Петроградского Совета Раб. и Солд. Деп. послал Гюисмансу, известному секретарю обанкротившегося, перешедшего на сторону «своих» национальных правительств, Второго Интернационала, сообщение, напечатанное в № 78 «Правды»¹³⁶).

Сообщение это пытается доказать, что нельзя «уподобить» вступление русских народников и меньшевиков в буржуазное и империалистское правительство вступлению западно-европейских изменников социализму в «их» правительства. Доказательства «отдела» так слабы и жалки, так смехотворно-беспомощны, что необходимо еще и еще раз показать их во всей их неприглядности.

Довод 1-й. В других странах вступление в правительство состоялось «при совершенно иных условиях». Неправда! Различия между Англией, Францией, Данией, Бельгией, Италией и пр., с одной стороны, и теперешней Россией, с другой, «совершенно» не существенны, ибо всякий, не изменивший социализму, знает, что суть дела в господстве класса буржуазии. В этом отношении не «иные», а одинаковые условия во всех названных странах. Национальные же особенности ничего не меняют в основном вопросе о господстве класса буржуазии.

Довод 2-й. «Наши» министры вошли в состав «революционного» правительства. Это—самый позорный обман народа посред-

ством великого слова «революция», на которую меньшевики и народники ссылаются, чтобы прикрыть свою измену ей. Ибо всякий знает, что 10 министров (из 16 в теперешнем «революционном» правительстве) принадлежат к партиям помещиков и капиталистов, стоящим за империалистскую войну, за неопубликование тайных договоров, что эти партии ведут теперь *контр-революционную* политику. Это доказали особенно наглядно выборы в районные думы Питера 27—29 мая, когда *все* черносотенцы объединились за большинство нашего «революционного» правительства.

Довод 3-й. «Наши» вошли «с определенным мандатом достигнуть всеобщего мира путем соглашения народов, а не затягивать продолжение империалистической войны во имя освобождения наций путем оружия». Во-1-х, этот мандат совершенно не «определенный», ибо ни определенной *программы*, ни определенных *действий* он не означает.

Это—пустые слова. Это то же, как если бы секретарь союза рабочих перешел на жалованье в 10.000 р. в члены правления союза капиталистов, «с определенным мандатом» добиваться благосостояния рабочих, а не затягивать господство капитализма. Во-2-х, к «соглашению народов» стремятся *все* империалисты, и Вильгельм, и Пуанкарэ ¹³⁷⁾ и т. д., это тоже пустейшая фраза. В-3-х, война со стороны России после 6 мая 1917 г. явно «затягивается», между прочим, тем, что точных и ясных условий мира, условий соглашения до сих пор наше империалистское правительство не огласило, не предложило.

Довод 4-й. У «наших» цель «не прекращение классовой борьбы, а ее продолжение при помощи орудий политической власти». Великолещно! Итак, если прикрыть гадость хорошей целью или хорошей «исходной точкой участия» в гадости, то дело в шляпе!!

Участие в буржуазном, империалистическом правительстве, которое на *деле* ведет империалистскую войну, можно, видите ли, назвать «продолжением классовой борьбы при помощи орудий политической власти». Это—просто перл. Мы советуем на каждом рабочем, на каждом народном собрании провозглашать «ура» в честь Чернова, Церетели, Пешехонова ¹³⁸⁾, Скобелева, ведущих «*классовую борьбу*» против Терещенко и Львова с К^о.

Вы будете убиты смехом, господа из «Отдела», защищающие министерализм такими доводами. Впрочем, вы неоригинальны: знаменитый Вацлервельде, друг Плеханова (которого вы браните, не имея на то, после вступления в министерство, ни тени нрав-

ственного права), Вандервельде давно уже говорил, что он тоже вступил в министерство «для продолжения классовой борьбы».

Довод 5-й. «Наши» вступили после свержения царизма и изгнания «врагов русского пролетариата» (т.-е. Милюкова, Гучкова) «движением революционных масс 20—21 апреля».

Чем же виноваты французы, если они свергли самодержавие не 100 дней, а 122 года тому назад? а англичане свыше 260 лет тому назад? а итальянцы десятки лет назад? А 20-е апреля прогнало Милюкова, заменив его Терещенко, т.-е. ровно ничего не изменив ни в отношении классов, ни в отношении партий. Новые посулы не есть новая политика.

Если прогнать митрополита и заменить его папой, это не значит перестать быть клерикалом.

Довод 6-й. В России «полная свобода для пролетариата и армии». Неправда, *не* полная. Она полнее, чем в других странах, и тем позорнее *пачкать* эту молодую, еще свежую свободу грязным делом участия в буржуазно-империалистском правительстве.

Русские изменники социализма отличаются от европейских не больше, чем насильватель отличается от растлителя.

Довод 7-й. «Сверх того российский пролетариат обладает средствами полного контроля над своими избранниками».

Неправда. Партийность так молода в России, распад у меньшевиков и эс-эров такой явный (полутоталитаризм Мартова, протесты Камкова ¹³⁹), его блок с нами на выборах против *его* партии; блок меньшевиков и с.-р. с «Единством», которое *они же* признают *империалистским*, и пр.),—что не только «полного», но даже никакого серьезного контроля «пролетариата» за министрами, *нет*.

И пролетариат есть *классовое* понятие, которого употреблять меньшевики и народники не имеют права, ибо опираются они больше на *мелкую буржуазию*. Если *вы* заговорили о классах, будьте точны!

Довод 8-й. «Вступление представителей русского социалистического (??) пролетариата (???) в правительство отнюдь не означало ослабления уз, связывающих его с социалистами всех стран, ведущими борьбу против империализма, но, наоборот, знаменовало собой укрепление этих уз в совместной борьбе за всеобщий мир».

Неправда. Фраза и неправда.

Все знают, что вступление в министерство в России укрепило *узлы*, соединяющие *сторонников* империализма, соц.-шовинистов,

социал-империалистов всех стран, и Гендерсона с К^о, и Тома ¹⁴⁶, с К^о, и Шейдемана с К^о.

Да, и Шейдемана! Ибо он понял, что немецкий социал-империализм спасен будет в его зловредном влиянии на рабочее движение мира, если *даже* русские, *даже* при очень большой свободе, *даже* при революции пошли в позорный союз со *своей* империалистской буржуазией.

«Правда» № 70,
1 июля 1917 г.,
без подписи автора.

Соломинка в чужом глазу.

Алжир подрезал... Наши министериабельные «социалисты-революционеры» совсем было успели оглушить себя и своих слушателей фразами насчет признания ими «мира без аннексий» (т.-е. без захватов чужих земель),—да вот... Алжир подрезал! Газета «Дело Народа», в которой участвуют два министра из партии «соц.-революционеров», Керенский и Чернов, имела... неосторожность заговорить с тремя союзными министрами (тоже из почти-социалистов) об Алжире. До чего ужасна эта неосторожность в газете Керенских и Черновых, читатель ясно увидит из нижеследующего.

Три министра союзных стран, Англии, Франции и Бельгии, господа Гендерсон, Тома и Вандервельде, заявили, что они желают не «аннексий», а лишь «освобождения территорий». Газета Керенских и Черновых назвала это—и вполне справедливо—«фокусами рук» со стороны «прирученных буржуазиею социалистов» и обрушилась на них со следующей гневно-саркастической тирадой:

«Правда, они» (трое министров) «требуют освобождения территорий» лишь «согласно с волей населения». Прекрасно! Но тогда потребуем от них и от себя последовательности и признаем «освобождение территорий» Ирландии и Финляндии—с одной стороны, Алжира или Сиамы—с другой. Нам очень было бы интересно выслушать, например, мнение социалиста Альбера Тома о «самоопределении» Алжира».

Да, да, «нам было бы очень интересно выслушать мнение» также и Керенского, и Церетели, и Чернова, и Скобелева о «самоопределении» Армении, Галиции, Украины, Туркестана.

Ведь вы, господа русские министры из народников и меньшевиков, разоблачили всю ложь, всю фальшь вашего положения

и вашего поведения примером Ирландии и Алжира. Вы показали этим, что под «аннексиями» *нельзя* понимать только захватов *в эту войну*. Значит, вы побили сами себя и «Известия Петр. Совета», на-днях только, с горделивым невежеством заявившие, будто под аннексиями разумеются лишь захваты в эту войну. Кто же не знает, что Ирландия и Алжир захвачены десятилетия и столетия раньше, чем началась эта война?

Неосторожно, неосторожно «Дело Народа»: оно разоблачило и себя, и меньшевиков, и «Известия Петр. Совета» в самой полной спутанности мыслей по вопросу—столь важному, столь коренному вопросу—об аннексиях.

Но это еще не все. Если вы Гендерсона спрашиваете об Ирландии, Альбера Тома—об Алжире, если вы противопоставляете мнение об аннексиях «стоящей у власти французской *буржуазии*» мнению французского *народа*, если вы называете Гендерсона и Альбера Тома «прирученными буржуазиею социалистами»,—то как же вы забыли оглянуться на себя?

А вы-то кто, Керенский, Церетели, Чернов, Скобелев? А вы-то разве не «прирученные буржуазиею социалисты»? Вы-то разве поднимали в министерстве «стоящей у власти русской *буржуазии*» вопросы о *русской* Ирландии, о *русском* Алжире, т.-е. о Туркестане, Армении, Украине, Финляндии и прочее? Когда вы поднимали этот вопрос? Почему вы не расскажете об этом русскому «народу»? Почему вы не называете «фокусом рук» прием *русских* народников и меньшевиков болтать и в Совете, и в министерстве, и перед народом пышные фразы о «мире без аннексий», *не ставя* точно, ясно, не двусмысленно вопроса о *всех русских* аннексиях того же типа, как Ирландия и Алжир?

Русские министриабельные народники и меньшевики запутались и разоблачают себя с каждым днем.

Обычно ссылаются они на «последний» довод: у нас революция. Но этот довод—насквозь лживый. Ибо наша революция *до сих пор* дала только власть *буржуазии*, как во Франции и в Англии, с «безвредным меньшинством» «прирученных буржуазиею социалистов»,—как во Франции и в Англии. Что даст завтра наша революция,—возврат к монархии, укрепление буржуазии, переход власти к более передовым классам,—мы не знаем, и никто не знает. Значит, ссылаться на «революцию» вообще, есть грубейший обман народа и обман самих себя.

Вопрос об аннексиях—хороший оселок для запутавшихся во лжи и в фальши народников и меньшевиков. Они запутались

так же, как Плеханов, Гендерсон, Шейдеман и К^о, они отличаются только словесно друг от друга, они одинаково погибшие для социализма на деле

Правда» № 70,

1 июня 1917 г.

без подписи автора.

Не демократично, гражданин Керенский!

Петроградское Телеграфное Агентство сообщает:

«Киев, 30-V. В заседании всеукраинского крестьянского съезда оглашена телеграмма военного министра Керенского, в которой он, в связи с военными обстоятельствами, признает несвоевременным созыв второго украинского войскового съезда. Съезд признал распоряжение министра нарушением свободы собраний в отношении украинцев и послал Временному Правительству и Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов телеграмму следующего содержания:

«Обращаем внимание на первый случай нарушения закона свободы собраний, примененного министром Керенским в отношении к украинскому войсковому съезду. Слагаем с себя ответственность за возможные последствия от нарушения демократических начал новой жизни в отношении украинцев и, выражая решительный протест, ждем немедленного ответа на представленные делегацией украинской центральной рады Временному Правительству требования».

Это сообщение несомненно вызывает сильнейшую тревогу в рядах рабочих-социалистов.

Военный министр признает «несвоевременным» съезд украинцев и своею властью запрещает этот съезд! Еще совсем недавно гражданин Керенский «подтягивал» Финляндию, теперь он решил «подтянуть» украинцев. И все это делается именем «демократии».

Когда-то А. И. Герцен сказал, что когда помотришь на «художества» господствующих классов России, то становится стыдно сознавать себя русским. Это говорилось тогда, когда Россия стояла под игом крепостничества, когда кнут и палка властвовали над нашей страной.

Теперь Россия свергла царя. Теперь от имени России говорят Керенские и Львовы. Россия Керенских и Львовых обращается с подчиненными национальностями так, что и теперь невольно напрашиваются на язык горькие слова А. И. Герцена.

Мы не говорим уже о том, что своей «великодержавной» националистической политикой гр. Керенский только усиливает, только разжигает именно те «сепаратистские» стремления, против которых Керенские и Львовы хотят бороться.

Мы спрашиваем: совместимо ли с достоинством даже не социализма, а простого демократизма такое третирование угнетенных национальностей? Мы спрашиваем: где же предел «шалостям» гр. Керенского и тех, кто с ним?

Мы спрашиваем партию «социалистов-революционеров»: одобряет ли она запрет украинского съезда ее почетным членом гражданином Керенским?

* * *

Нам сообщают, что в Исполнит. Комитете С. Р. и С. Д. вчера постановлено пригласить гражд. Керенского специально для объяснения с ним по вопросу о самоопределении наций и национальной политике вообще.

А еще говорят, что «контактная комиссия» приказала долго жить. Нисколько, господа! Двоевластие осталось. Из нынешнего положения никакого выхода нет—кроме перехода всей власти к Советам Р. и С. Д.

«Правда» № 71,
2 июня 1917 г.,
без подписи автора.

Большевизм и „разложение“ армии.

Все вопиют о «твердой власти». Спасение в диктатуре, в «железной дисциплине», в том, чтоб заставить всех неподчиняющихся, «справа» и «слева», молчать и подчиняться. Мы знаем, *кого* хотят заставить молчать. Правые не кричат, они *работают*. Одни в министерстве, другие на фабриках, угрозой локаутов, приказами о расформировании полков, угрозами каторги. Коноваловы и Терещенки, с помощью Керенских и Скобелевых они *организовано* работают в свою пользу. И их молчать не нужно заставлять...

Мы имеем в своем распоряжении *только слова*.

И этого слова нас хотят лишить...

«Правду» на фронт не пускают. Киевские «агенты» постановили «Правду» не распространять. «Земский Союз»¹⁴¹⁾ «Правды» в своих киосках не продает. И, **наконец**, **нам** обещают вести «си-

стематическую борьбу с проповедью ленинизма)... («Изв. С. Р. и С. Д.»). Но **зато** всякий такой стихийный протест, всякий эксцесс, где бы он ни был, *нам ставят в строку*.

Это *тоже* способ борьбы с большевизмом.

Испытанный способ.

Лишенные возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворительность позиции официальных вождей демократии—массы *принуждены ощущать сами искать пути...*

В результате под знамя большевизма идет всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек...

Там, где большевизм имеет возможность открыто выступать—там дезорганизации нет.

Где нет большевиков или им говорить не дают, там эксцессы, там разложение, там лжебольшевики...

А этого-то как раз и нужно нашим врагам.

Им нужен повод сказать: *«большевики разлагают армию!»—а затем заткнуть рот большевикам.*

Чтобы раз навсегда отгородиться и от клеветы «врагов», и от нелепейших извращений большевизма, мы приведем конец прокламации, распространенной одним из делегатов в войсках перед Всероссийским Съездом.

Вот он:

«Товарищи! вы должны сказать свое слово.

«Не нужно соглашения с буржуазией!

«Вся власть Совету Рабочих и Солдатских Депутатов!

«Это не значит, что нужно сейчас свергать и не подчиняться теперешнему Правительству. Пока за ним идет большинство народа и верит, что пять социалистов сумеют справиться с остальными—мы не можем отдельными бунтами дробить собственные силы.

«Никогда!

«Берегите силы! Собирайтесь на митинги! Выносите резолюции. Требуйте полного перехода власти к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Убеждайте несогласных! Посылайте вашу резолюцию мне в Петроград на съезд от имени полка, чтобы я там мог сослаться на ваш голос!

«Но и бойтесь провокаторов, которые будут пытаться позвать вас, прикрываясь именем большевиков, на беспорядки и бунты, желая прикрыть собственную трусость! Знайте, что, идя с вами

сейчас, они продадут вас в первую минуту опасности—старому режиму.

«Настоящие большевики зовут вас не на бунт, а на сознательную революционную борьбу.

Товарищи! Всероссийский съезд выберет представителей, перед которыми до созыва Учредительного Собрания будет отчитываться Временное Правительство.

«Товарищи! На этом съезде я буду требовать:

«Во-первых: *передачи всей власти Совету Рабочих и Солдатских Депутатов!*

«Во-вторых—немедленного обращения с мирными предложениями мира без аннексий и контрибуций от имени народа к народам и правительствам всех воюющих держав как союзных, так и враждебных. Пусть попробует тогда какое-либо из правительств отказать—оно будет низвергнуто собственным народом.

«В-третьих: отобрания на государственные нужды денег у тех, кто нажился на войне путем конфискации военной прибыли капиталистов.

«Товарищи! Только путем передачи власти демократии: в России, в Германии, во Франции, путем свержения буржуазных правительств во всех странах может быть окончена война

«Наша революция положила этому начало—наша задача путем обращения полновластного народного правительства России с предложением мира ко всем правительствам Европы, путем укрепления союза с революционной демократией Западной Европы дать мировой революции новый толчок.

«И тогда горе тому правительству буржуазии, которое все же захочет воевать!

«Вместе с его народом мы пойдем против этого правительства революционной войной

«Чтобы от вашего имени сказать все это нашему Правительству в Петрограде, я избран на съезд в Петроград.

«Член Армейского Комитета XI армии, делегат Центрального Комитета Российской С.-Д. Рабочей Партии (большевиков) на съезде юго-западного фронта прапорщик Крыленко.

Всякий, кто дал себе труд прочесть резолюции нашей партии, не может не видеть, что суть их вполне правильно выразил товарищ Крыленко.

Не на беспорядки и бунты, а на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплуатируемых.

Только власть действительно народная, т.-е. принадлежащая *большинству* народа, способна вступить на *правильный* путь, ведущий человечество к свержению ига капиталистов и к избавлению от ужасов и бедствий империалистской войны, к прочному и к справедливому миру.

«Правда» № 72,

3 июля 1917 г..

без подписи автора

Разруха и пролетарская борьба с ней.

В настоящем номере мы печатаем резолюцию по вопросу об экономических мерах борьбы с разрухой, принятую—конференцией фабрично-заводских комитетов.

Основная мысль этой резолюции—противопоставление буржуазной и мещанско-чиновничьей *фразе* о контроле условий *действительного* контроля за капиталистами, за производством. Буржуа лгут, выдавая за «контроль» государственно-планомерные меры обеспечения тройных, если не десятикратных, прибылей капиталистам. Мелкие буржуа полу-наивно, полу-корыстно доверяют капиталистам и капиталистическому государству, удовлетворяясь пустейшим чиновничьим прожекторством насчет контроля. Принятая рабочими резолюция выдвигает на первый план *главное*: 1) как сделать так, чтобы на деле «не охранять» прибыли капиталистов;—2) чтобы сорвать покровы коммерческой тайны;—3) чтобы рабочим дать большинство в контролирующих учреждениях;—4) чтобы организация (контроля и руководства), будучи организацией «в общегосударственном масштабе», направлялась Советами Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов, а не капиталистами.

Без этого все разговоры о контроле и регулировании—пустые слова или даже простой обман народа.

И вот против этой-то истины, сразу понятной всякому сознательному и думающему рабочему, восстали вожди нашей мелкой буржуазии, народники и меньшевики («Известия», «Р. Газ.»). К ним скатились, к сожалению, на этот раз неоднократно колебавшиеся между нами и ими писатели «Н. Жизни».

Товарищи Авилов и Базаров свое «падение» в болото мелкобуржуазной доверчивости, соглашательства и чиновничьего прожектерства прикрывают по-марксистски звучащими доводами.

Посмотрим на эти доводы.

Мы, правдисты, защищая резолюцию Орг. Бюро (принятую конференцией), отступаем будто бы от марксизма к синдикализму! Стыдитесь, тов. Авилов и Базаров,—подобная невнимательность (или подобная передержка) по плечу только «Речи» да «Единству»! Ничего подобного юмористическому переходу жел. дорог в руки железнодорожников, кожевенных заводов в руки кожевенных рабочих у нас нет и следа, а есть *контроль рабочих*, переходящий в полное регулирование производства и распределения рабочими, в «общегосударственную организацию» обмена хлеба на продукты и проч. (при «широком привлечении городских и сельских кооперативов»), есть требование «перехода *всей* госуд. власти в руки Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов».

Только люди, не дочитавшие резолюции или не умеющие читать, могли бы добросовестно усмотреть в ней синдикализм.

И только педанты, понявшие марксизм так, как «понимал» Струве и все либеральные чиновники, могут рассуждать: «перешагнуть через государственный капитализм—утопия», «самый тип регулирования и у нас должен сохранять государственно-капиталистический характер».

Возьмите сахарный синдикат или казенные жел. дороги в России или нефтяных королей и т. п. Что это такое, как не государственный капитализм? Можно ли «перемахивать» через то, *что уже существует?*

В том-то и суть, что от конкретных задач, поставленных *живой* жизнью, соединившей на практике в России синдикаты в промышленности и мелко-крестьянское хозяйство в деревнях, от этих конкретных задач люди, превратившие марксизм в какое-то «буржуазно-деревянное» учение, *уклоняются* якобы-учеными, а на деле простейшими, рассуждениями о «перманентной революции», о «введении» социализма и прочем вздоре.

К делу, к делу! Поменьше отговорок, поближе к практике! Оставлять ли нетронутыми прибыли по военным поставкам, прибыли в размере 500 % и тому подобное, да или нет? Оставлять ли в неприкосновенности коммерческую тайну, да или нет? Давать ли рабочим возможность контроля, да или нет?

Вот на эти деловые вопросы т.т. Авилов и Базаров не дают ответа и—сами того не замечая—опускаются до роли пособников буржуазии посредством «струвистских» рассуждений, звучащих «почти-марксистски». Буржуа ничего так не желает, как отвечать на запросы народа насчет скандальных прибылей военных

поставщиков, и насчет разрухи «учеными» рассуждениями об «утопичности» социализма.

Рассуждения эти до смехотворности глупы, ибо объективная невозможность социализма связана с *мелким* хозяйством, которого не только экспроприировать, но даже и регулировать, даже и контролировать мы вовсе не претендуем.

То «государственное регулирование», о котором меньшевики, народники и все чиновники (увлекшие за собой т.г. Авилова и Базарова) говорят, чтобы отговориться, прожектерствуют, чтобы *охранить* прибыли капиталистов, разглагольствуют, чтобы оставить неприкосновенною коммерческую тайну,—именно это государственное регулирование мы стремимся сделать *не обманом*. Вот в чем суть, любезные почти-марксисты, а не в «введении» социализма!

Регулирование и контроль не класса капиталистов над рабочими, а *наоборот*—вот в чем суть. Не доверие к «государству», достойное Луи Бланов, а требование пролетариями и полупролетариями руководимого государства—вот какова должна быть *борьба с разрухой*. Всякое иное решение есть фраза и обман.

«Правда» № 73,
4 июня, 1917 г.,
без подписи автора.

Третьеиюньские зубры за немедленное наступление.

Господа третьеиюньцы ¹⁴²⁾,—те, которые помогали Николаю Романову после 1905 года залить кровью нашу страну, душить революционеров, восстанавливать всевластие помещиков и капиталистов,—собрались на свои совещания одновременно с Съездом Советов.

В то время, как Церетели, попав в положение пленника буржуазии, тысячами уверток пытался замаять насущность, важность, злободневность политического вопроса о немедленном наступлении, третьеиюньские зубры, соратники Николая Кровавого и Столышина-Вешателя, помещики и капиталисты, не побоялись поставить вопрос прямо, открыто. Вот последняя,—и самая существенная,—принятая ими *единогласно* резолюция о наступлении:

«Гос. Дума (??) признает, что только в немедленном наступлении, в тесном общении с союзниками, кроется залог скорого дс-

стижения окончания войны и закрепления навсегда завоеванных народом свобод»

Вот это ясно.

Вот это—политики, люди дела, верные слуги *своего* класса, помещиков и капиталистов.

А как служат *своему* классу Церетели, Чернов и К^о? Они отделяются добренькими пожеланиями на словах, поддержкой капиталистов на деле.

Церетели уверял, что вопроса о *немедленном* наступлении нельзя даже ставить, ибо знай он, министр Церетели, о «немедленном» наступлении, он, министр, никому не сказал бы об этом. Говоря это, Церетели не подозревал (о, наивность!), что его *опровергли* третьейюньские зубры, опровергли *делом*, ибо несколько не побоялись даже в резолюции, во всеуслышание, сказать не о наступлении вообще, а именно о *немедленном* наступлении. И они были правы, ибо это вопрос политический, вопрос судеб всей нашей революции.

Тут середины нет: «немедленное наступление», за или против; тут воздержаться нельзя; тут уклоняться ссылками или намеками на военную тайну прямо было бы недостойно ответственного политика.

За немедленное наступление—это значит за продолжение империалистской войны, за избиение русских рабочих и крестьян в интересах удушения Персии, Греции, Галиции, Балканских народов и проч., за оживление и укрепление контр-революции, за окончательное сведение на-нет фраз о «мире без аннексий», за войну *ради* аннексий.

Против немедленного наступления, это значит за переход всей власти к Советам, за пробуждение революционного почина угнетенных классов, за *немедленное* предложение угнетенными классами *всех* стран «мира без аннексий», мира на точных условиях свержения ига капитала и освобождения *всех* без изъятия колоний, *всех* без изъятия угнетенных или исполноправных народностей.

Первый путь—вместе с капиталистами, в интересах капиталистов, ради достижения целей капиталистов, путь доверия капиталистам, третий гад обещающим все на свете и многое сверх того, под условием «продолжения» войны «до победы».

Второй путь—путь разрыва с капиталистами, недоверия к ним, обуздания их грязной корысти и наживы сотен миллионов на поставках, путь доверия к угнетенным классам и прежде всего

и рабочим *всех* стран, путь доверия к международной *рабочей* революции *против капитала*, путь всемерной поддержки ее.

Выбор есть только между этими двумя путями. Церетели, Чернов и К^о любители средних путей. В этом пункте среднего быть не может, и, если они будут колебаться или отделяться фразами, они, Церетели, Чернов и К^о, окончательно скатятся к роли орудия в руках контр-революционной буржуазии.

«Правда» № 74,
6 июня 1917 г.,
без подписи автора.

Есть ли путь к справедливому миру?

Есть ли путь к миру без обмена аннексий (захватов), без деяния добычи капиталистами-разбойниками?

Есть—через рабочую революцию против капиталистов всех стран.

Россия сейчас ближе всех к началу такой революции.

Только в России возможен переход власти к готовым учреждениям, к Советам сразу, мирно, без восстания, ибо сопротивляться Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов капиталисты не смогут.

При таком переходе власти, можно было бы обуздать капиталистов, наживающих миллиарды на поставках, раскрыть все их проделки, арестовать казнокрадов-миллионеров, сломить их всевластие.

Только после перехода власти к угнетенным классам, Россия могла бы обратиться к угнетенным классам других стран не с пустыми словами, не с голыми воззваниями, а с указанием на свой пример и с немедленным, точным *предложением* ясных условий *всеобщего мира*.

Товарищи—рабочие и трудящиеся всех стран!—говорилось бы в этом предложении немедленного мира. Довольно крови. Мир возможен. Мир справедливый есть мир без аннексий, без захватов. Пусть знают разбойники-капиталисты немецкие с их коронованным разбойником Вильгельмом, что мы не будем договариваться с ними, что захватом их мы считаем не только то, что заграбили они после войны, но и Эльзас и Лотарингию, и датские и польские земли Пруссии.

Захватом русских царей и капиталистов мы считаем и Польшу, и Финляндию, и Украину, и прочие невеликорусские земли.

Захватом английских, французских и прочих капиталистов мы считаем *все* их колонии, Ирландию и так далее.

Мы, русские рабочие и крестьяне, *не* будем насильно удерживать *ни одной* из невеликорусских земель или колоний (вроде Туркестана, Монголии, Персии). Долой войну *из-за* *дележа* колоний, *из-за* *дележа* аннексий (захватов), *из-за* *дележа* добычи капиталистов!

Примеру русских рабочих последуют неизбежно—может быть, не завтра (революции не делаются по заказу), но неизбежно—рабочие и трудящиеся *по крайней мере двух великих стран*: Германии и Франции.

Ибо *обе гибнут*, первая от голода, вторая от обезлюдения. Они обе заключат мир на наших, справедливых, условиях *вопреки их капиталистическим правительствам*.

Дорога к миру—лежит перед нами.

Если капиталисты Англии, Японии, Америки попытаются сопротивляться *такому* миру, тогда угнетенные классы и России, и других стран не побоятся революционной войны *против капиталистов*. В *такой* войне и они победят капиталистов не только грех,—далеко лежащих от России и занятых собственным соревнованием—стран, они победят капиталистов *всего мира*.

Дорога к справедливому миру перед нами. Не будем бояться *вступить на нее...*

«Правда» № 75,
7 июня 1917 г.,
без подписи автора.

„Великий отход“.

«Великий отход буржуазии от правительства»—так назвал в воскресенье докладчик Исп. К-та образование коалиционного правительства, вступление бывших социалистов в министерство.

Только два первых слова в этом изречении правильны. «Великий отход» действительно характерен для понимания шестого мая (образование коалиционного правительства) ¹⁴³). «Великий отход» действительно начался—или, вернее, особенно наглядно проявился—тогда. Только это был не великий отход буржуазии от правительства, а великий отход вождей меньшевизма и народничества *от* революции.

Значение происходящего теперь Съезда Советов Солд. и Раб. Депутатов в том именно состоит, что он с великолепной рельефностью показал это.

Шестое мая было выигрышным днем для буржуазии. Ее правительство стояло на краю гибели. Массы были заведомо и безусловно, горячо и непримиримо против него. Одного слова народнических и меньшевистских вождей Совета было достаточно, чтобы правительство беспрекословно сдало свою власть, и Львов на заседании в Мариинском Дворце вынужден был открыто признать это.

Буржуазия пошла на искусный маневр, который в диковинку российским мелким буржуа, да и вообще широким массам в России, который опьянил интеллигентских вождей меньшевизма и народничества, который правильно учел их лублановскую природу. Напомним, что Луи Блан—знаменитый мелко-буржуазный социалист, вошедший в правительство в 1848 году и столь же печально прославивший себя в 1871 году. Луи Блан мнил себя *вождем* «трудовой демократии» или «социалистической демократии» (именно это последнее слово столь же часто употреблялось во Франции в 1848 году, как и в литературе с.-р. и меньшевиков в 1917 году), а на деле Луи Блан был *хвостом* буржуазии, игрушкой в ее руках.

За 70 без малого лет, протекших с того времени, маневр, являющийся новинкой для России, много и много раз проделывался буржуазией на западе. Суть маневра состоит в том, чтобы поставить «отходящих» от социализма и от революции вождей «социалистической демократии» в положение безвредного для буржуазии *придатка* при буржуазном правительстве, заслонить это правительство от народа при помощи почти-социалистических министров, прикрыть контр-революционность буржуазии блестящей, эффектной вывеской «социалистического» министерства.

Во Франции особенно хорошо разработан этот прием буржуазии, многократно испытанный и в англо-саксонских, и в скандинавских, и во многих романских странах. Шестое мая 1917 года в России было именно таким маневром.

«Наши» почти социалистические министры оказались именно в таком положении, что буржуазия стала загребать жар *их* руками, стала делать *через них* то, чего бы она никогда не смогла сделать без них.

Через Гучкова нельзя было увлечь массы на продолжение *империалистской*, захватной войны, войны *из-за дележа* колоний и аннексий вообще. Через Керенского (и Церетели, больше занятого защитой Терещенко, чем защитой почтово-телеграфных

тружеников) буржуазия,—как это признали правильно Миллюков с Маклаковым,—смогла делать это, смогла «налаживать» продолжение именно такой войны.

Через Шингарева нельзя было обеспечить сохранение помещичьего землевладения, хотя бы до Учредительного Собрания (если состоится наступление, это будет «полное оздоровление России», сказал Маклаков; значит, и Учредительное Собрание будет «оздоровленное»). Через Чернова это удастся провести. Крестьянам внушили,—хотя они и не очень охотно восприняли это,—что брать землю у помещиков в аренду по соглашению с отдельными помещиками есть «порядок», а сразу отменить помещичье землевладение и брать бывшую помещичью землю в аренду *у народа*, впредь до созыва Учредительного Собрания, есть «анархия». Иначе, как через Чернова, эту помещичью, контр-революционную идею провести бы не удалось.

Через Коновалова нельзя было бы провести защиту (*и повышение*: см. министерскую газету «Раб. Газ.» об углепромышленниках) скандальных прибылей по военным поставкам. Через Скобелева или при его участии можно эту защиту провести в форме, якобы-сохранения старого, в форме почти «марксистского» отрицания возможности «введения» социализма.

Социализма вводить нельзя,—*поэтому* скандально-высокие прибыли капиталистов не в их чисто-капиталистическом хозяйстве, а в поставках на войско, в казну—эти прибыли и утаить от народа и попридержать *можно!*—Вот то великолепное струвистское рассуждение, в коем объединились Терещенко и Львов с «марксистом» Скобелевым.

Через Львова, Миллюкова, Терещенко, Шингарева и К⁰ влиять на народные собрания и на Советы нельзя. Через Церетели, Чернова и К⁰ можно влиять на них в том же, буржуазном направлении, *ту же*, буржуазно-империалистскую, политику при помощи особо эффектных и особенно «по-доброму» звучащих фраз проводить—вплоть до отрицания элементарно-демократического права *выбирать* местные власти и не допускать ни назначения их, ни утверждения сверху.

Отрицая это право, Церетели, Чернов и К⁰ из бывших социалистов стали на деле, сами того не замечая, бывшими демократами. «Великий отход», несомненно!

«Правда» № 76,
8 июня 1917 г.,
без подписи автора.

О пользе полемики по существу.

Любезные товарищи, писатели «Новой Жизни»! вы недовольны нашей критикой, называя ее сердитою. Постараемся быть мягкими и любезными.

Два вопроса, поставленных вами, возьмем для начала.

Можно ли серьезно говорить о контроле за производством!— не то что о регулировании—без разрыва с «неприкосновенностью коммерческой тайны»?

Мы утверждали, что на этот «деловой» вопрос «Новая Жизнь» ответа не дает. «Новая Жизнь» возражает, что мы «найдем» ответ на этот вопрос «даже» в «Раб. Газете».

Не находим, любезные товарищи! И вы никогда не найдете. Поищите получше—не найдете.

«Новая Жизнь»—извините—грешила именно тем, что о «контроле» декламировала, а деловым образом делового вопроса о неприкосновенности коммерческой тайны не поставила.

Второй вопрос: можно ли смешивать немедленное введение социализма (против чего «Новая Жизнь» спорила и чего мы не предлагали) с немедленным взятием под деловой контроль банков и синдикатов? Когда мы ответили на этот вопрос указанием, что мелкого хозяйства мы ни экспроприировать, ни регулировать, ни контролировать не претендуем, то «Новая Жизнь» возразила: «ценное признание», «законно», но сделано-де оно «слишком скоропалительно».

Помилуйте, любезные товарищи, какая уже тут «скоропалительность»—ведь это краткий пересказ длинной и обстоятельной резолюции нашей конференции. Или вы этой резолюции прочитать не поинтересовались?

Полезно полемизировать по существу. Вредно отделяться от такой полемики экивоками.

«Правда» № 76,

8 июня 1917 г.,

без подписи автора

Эпидемия доверчивости.

«Товарищи, сопротивление капиталистов, повидимому, сломлено».

Сие приятное известие заимствуем мы из речи министра Пешехонова. Сногшибательное известие! «Сопротивление капиталистов сломлено»...

И подобные министерские речи слушают, подобным министерским заявлениям хлопают! Как же не эпидемия доверчивости?

С одной стороны, больше всего пугают себя и пугают людей «диктатурой пролетариата». С другой стороны, чем же отличается понятие «диктатуры пролетариата» от сламывания сопротивления капиталистов? Ровно ничем. Диктатура пролетариата есть термин научный, определяющий тот класс, который играет при этом роль, и ту особую форму государственной власти, которая называется диктатурой,—именно: власти, опирающейся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения.

В чем состоит смысл и значение диктатуры пролетариата? Именно в сламывании сопротивления капиталистов! И если в России «сопротивление капиталистов, повидимому, сломлено», то эта фраза совершенно равносильна тому, если бы мы сказали: в России «диктатура пролетариата, повидимому, осуществлена».

Беда «только» та, что перед нами—ничего более, как министерская фраза. Нечто в роде Скобелевского лихого воснищания: «возьму 100 % прибыли!» Один из цветков того «революционно-демократического» красноречия, которое заливает сейчас Россию, опьяняет мелкую буржуазию, развращает и отупляет народные массы, сеет пригоршнями бациллы эпидемии доверчивости.

В одной французской комедии—французы, кажется, лучше других народов превзошли курс игры в социалистические министерства—изображен граммофон, повторяющий перед собраниями избирателей во всех концах Франции речь с обещаниями «социалистического» министра. Мы полагаем, что гражданину Пешехонову следует передать обществу, распространяющему граммофонные пластинки, свою историческую фразу: «т-щи, сопротивление капиталистов, повидимому, сломлено». Эту фразу будет очень удобно и полезно (для капиталистов) распространять на всех языках во всем мире: вот, дескать, блестящие успехи русского опыта коалиционного министерства буржуазии с социалистами.

А все же гражданину-министру Пешехонову,—которого теперь, *после его вступления в министерство вместе с Церетели и Черновым*, называют социалистом и меньшевики, и эс-эры (в 1906 году отгораживавшиеся от него в печати, как от мелкого буржуа, чересчур зашедшего вправо)—гражданину Пешехонову не грех бы ответить на простой и скромный вопрос:

— Где уж нам браться за то, чтобы сломить сопротивление капиталистов! Не взяться ли нам за раскрытие перед рабочими союзами и перед всеми крупнейшими партиями неслыханных прибылей капиталистов? за отмену коммерческой тайны?

— Где уж нам говорить о «диктатуре пролетариата» («сло-
мить сопротивление капиталистов»)! Не взяться ли лучше за *рас-*
крытие казнокрадства?

Если цены на поставку угля *повышены* Революционным Пра-
вительством, как сообщила *министерская* «Раб. Газета», то не по-
хоже ли это на казнокрадство? Не лучше ли печатать хоть еже-
недельно «гарантийные письма» банков и другие документы о
военных поставках и о ценах по этим поставкам, чем ораторство-
вать о «сломленности сопротивления капиталистов»?

«Правда» № 76,
8 июня 1917 г.,
без подписи автора.

Введение социализма или раскрытие казно- крадства?

Решено и подписано, что вводить социализм в России нельзя. Это доказал—почти совсем по марксистски—г. Милюков на совеща-
нии третье-июньских зубров, вслед за меньшевистски-ми-
нистерской «Раб. Газетой». С этим согласилась самая большая—
и в России вообще, и на съезде Советов в частности—партия
социалистов-революционеров, которая не только является самой
большой партией, но и испытывает самый большой идейный (не-
корыстный) страх перед продолжением революции по направле-
нию к социализму.

Собственно говоря, простая справка с резолюцией больше-
вистской конференции 24—29 апр. 1917 г. показывает, что и
большевики признают немедленное «введение» социализма в
России невозможным.

О чем же спор? Зачем же шум?

Затем, что криками против «введения» социализма в Рос-
сии поддерживают (многие, того не сознавая) усилия тех, кто
сопротивляется *раскрытию казнокрадства*. Не будем спорить о
зловах, граждане! Это недостойно не только «революционных
демократов», но даже и вообще взрослых людей. Не будем гово-
рить о «всемирном» отвергнутом «введении» социализма. Давайте
говорить о раскрытии казнокрадства.

Когда капиталисты работают на оборону, т.-е. на казну, это уже—ясное дело—не «чистый» капитализм, а особый вид народного хозяйства. Чистый капитализм есть товарное производство. Товарное производство есть работа на *неизвестный* и свободный рынок. А «работающий» на оборону капиталист «работает» вовсе не на рынок, а *по заказу* казны,—сплошь и рядом даже на деньги, полученные им в ссуду от казны.

По нашему мнению, сокрытие размеров прибыли по этой своеобразной операции и присвоение прибыли свыше того, что нужно на покрытие расходов на существование человеку, действительно участвующему в производстве, есть *казнокрадство*.

Если не разделяете, то вы явно расходитесь с подавляющим большинством населения. Нет ни тени сомнения, что рабочие и крестьяне России в гигантской своей массе такое мнение разделяют и что они прямо его выразили бы, если бы вопрос был поставлен перед ними без уверток, без отговорок, без дипломатических прикрытий.

А если разделяете, давайте вместе бороться с уловками и отговорками.

Чтобы быть наиболее уступчивым в таком *совместном* предприятии, как эта борьба, чтобы проявить максимум мягкости, мы позволяем себе предложить съезду Советов следующий проект резолюции:

Первым шагом всякого не только регулирования, но хотя бы даже простого контроля за производством и распределением (примечание, не входящее в текст резолюции: даже министр Пешехонов обещал, ведь, стремиться к тому, «чтобы то, что у нас есть, распределить равномерно»),—первым шагом всякой серьезной борьбы с разрухой и с надвигающейся на страну катастрофой—должно быть постановление об отмене коммерческой (и банковской в том числе) тайны по всем делам, связанным с поставкой в казну или на оборону вообще. Такое постановление дополняется немедленным законом, карающим уголовно за прямые или косвенные попытки скрыть документы или факты, относящиеся сюда, от лиц или групп, имеющих полномочия:

а) от любого Совета Рабочих или Солдатских или Крестьянских Депутатов;

б) от любого профессионального союза рабочих или служащих и т. п.:

в) от любой крупной политической партии (с точным определением, хотя бы по числу избирателей, понятия: «крупная» партия).

Все согласны, что немедленное введение социализма в России невозможно.

Все ли согласны, что раскрытие казнокрадства немедленно необходимо?

«Правда» № 77,
9 июля 1917 г.,
без подписи автора.

Запутавшиеся и запуганные.

Атмосфера испуга и запуганности царит теперь в Питере, доходя до размеров прямо неслыханных.

Маленький случай иллюстрировал это прежде, чем создавался большой случай с запрещенной демонстрацией, которую назначала на субботу наша партия.

Маленький случай был с захватом дачи Дурново ¹⁴⁴): министр Переверзев ¹⁴⁵) сначала постановил очистить дачу Дурново, а потом на съезде заявил, что и сад при даче он оставляет народу, и профессиональные союзы из той же дачи Дурново вовсе не выселяются! Надо-де было лишь арестовать некоторых анархистов.

Если захват дачи Дурново незаконен, то ни сад оставлять народу, ни профессиональных союзов оставлять на даче *нельзя* было. Если были законные поводы к аресту, то арест лиц *не* имеет никакого отношения к даче, ибо арест *и* на даче, *и* вне дачи состоялся бы. Вышло так, что ни дача не «освобождена», ни ареста не было. Правительство оказалось в положении людей, запутавшихся и запуганных. Не нервничай эти люди, не было бы «инцидента», ибо все дело все равно осталось по-старому.

Большой случай—с демонстрацией. Ц. К. нашей партии ¹⁴⁶) вместе с целым рядом других организаций, в том числе бюро профессиональных союзов, постановляет назначить мирную демонстрацию, шествие по улицам. Во всякой конституционной стране устройство таких демонстраций—неоспоримейшее право граждан. В уличной мирной демонстрации с лозунгом, между прочим, изменения конституции или изменения состава правительства никакое законодательство ни в одной свободной стране ничего противозаконного не видит.

Люди, запутавшиеся и запуганные, в том числе особенно большинство на Съезде Советов, делает из-за этой демонстрации неслыханную «историю». Большинство Съезда Советов принимает громовую, полную отчаянно-резких слов против нашей партии

резолюцию против демонстрации и *запрещение* всяких, в том числе и мирных, демонстраций на три дня.

Когда такое формальное решение было принято, Ц. К. нашей партии уже в 2 часа ночи в пятницу постановляет демонстрацию отменить. В субботу утром на спешно созванном совещании с представителями районов отмена эта проводится в жизнь.

Остается вопрос, *чем объясняет* наше второе «правительство», Съезд Советов, свое запрещение. Конечно, всякая партия в свободной стране имеет право устраивать демонстрации, всякое правительство может, введя чрезвычайное положение, запрещать их, но политический вопрос остается: из-за чего запретили демонстрацию?

Вот единственный политический мотив, ясно указанный в резолюции Съезда Советов:

«...Нам известно, что вашим (т.-е. устраиваемым нашей партией) выступлением хотят воспользоваться притаившиеся контр-революционеры»...

Такова причина запрещения мирной демонстрации. Съезду Советов «известно», что «контр-революционеры притаившиеся» есть и что они хотели «воспользоваться» именно тем выступлением, которое наша партия наметила.

Это—крайне важное заявление Съезда Советов. И приходится еще и еще раз подчеркнуть это *фактическое* заявление, выделяющееся своей фактичностью из потока бранных слов по нашему адресу. Какие меры принимает наше второе правительство против «притаившихся контр-революционеров»? что именно «известно» этому правительству, как именно хотели контр-революционеры воспользоваться тем или иным поводом?

Народ не может и не будет терпеливо и пассивно ждать, пока эта притаившаяся контр-революция выступит.

Если наше второе правительство не хочет оставаться в положении людей, запрещениями и потоками брани прикрывающими то, что они запутались и дали себя запугать справа, то ему придется многое *сказать* народу о «притаившихся контр-революционерах» и многое *сделать* для серьезной борьбы против них.

«Правда» № 79,
11 июня 1917 г.,
без подписи автора.

Н а м е к и.

Неистовствующие, свирепствующие, бешенствующие, щелкающие зубами, обливающие нашу партию непрерывным дождем поносящих и погромных словечек, не обвиняют ни в чем нас прямо, а «намекают».

На что?

Только на одно и можно намекать: большевики хотели совершить государственный переворот, это—Катилины¹⁴⁷⁾, *вот почему* они уроды и изверги, достойные растерзания.

Открыто сказать этой глупости не решаются наши враги, вот и приходится им «намекать» и неистовствовать «словесностью». Ибо глупо это обвинение до чрезвычайности: государственный переворот посредством мирной демонстрации, решенной в четверг и назначенной на субботу с опубликованием в субботу утром. Ну, кого вы, господа, благоглупостями ваших намеков благоудивить думаете?

«Требование низвержения Врем. Правительства»,—говорит резолюция Съезда Советов. «Удаление части министров из Врем. Правительства» (одна из надписей на предполагавшихся знаменах гласила: долой буржуазных членов Правительства) есть государственный переворот?

Почему же никто не пробовал и даже не грозил привлечь к суду за бесчисленное количество раз выходившее на улицы Питера зная «вся власть Совету»?

Себя испугались неистовствующие.

Бояться манифестаций, заранее объявляемых, правительство, знающее, что *весь* его состав опирается на волю большинства народа, не может.

Запрещать их оно не будет.

Только тот, кто знает, что большинства у него нет, что народного согласия масс у него нет, способен так дико бесноваться, *такие намеки* бросать в злобных статьях.

«Правда» № 79,
11 июня 1917 г.,
без подписи автора.

На переломе.

Русская революция на первом этапе своего развития передала власть империалистической буржуазии и создала на-ряду с этой властью Совет Депутатов, большинство в которых принадлежало мелко-буржуазной демократии. Второй этап революции (6 мая) формально устранил от власти цинично откровенных представителей империализма Милюкова и Гучкова и фактически превратил партии большинства Советов в правительственные партии. Наша партия оставалась и до и после 6 мая в положении оппозиционного меньшинства. Это было неизбежно, ибо мы—партия социалистического пролетариата, стоящая на почве интернационализма. Социалистический пролетариат, стоящий на интернационалистской позиции во время империалистской войны, не может не быть в оппозиции ко всякой власти, которая эту войну ведет, будет ли то власть монархическая, республиканская или власть «социалистов»-оборонцев. И партия социалистического пролетариата неизбежно будет собирать вокруг себя все большие массы разоряемого затягиваемой войной населения, переставшего доверять «социалистам», связанным службой империализму, как оно раньше перестало доверять империалистам чистой марки. Борьба против нашей партии началась поэтому с первых же дней революции. И какие бы гнусные и омерзительные формы ни принимала борьба г.г. кадетов и плехановцев против партии пролетариата, сущность ее ясна. Это та же борьба, которую империалисты и шейдемановцы вели против Либкнехта и Ф. Адлера (оба они были, ведь, объявлены «сумасшедшими» в центральном органе германских «социалистов», не говоря уже о буржуазной прессе, объявлявшей этих товарищей просто «изменниками», работающими для Англии). Это борьба *всего* буржуазного общества, *включая сюда и мелко-буржуазную демократию*, как бы р-р-революционна она ни была, против социалистического, интернационалистского пролетариата.

В России эта борьба дошла до той ступени, когда империалисты пытаются — рукой вождей мелко-буржуазной демократии, Церетели, Черновых и т. д.—одним резким и решительным ударом покончить с растущей силой пролетарской партии. И, как повод для этого решительного удара, министр Церетели нашел неоднократно уже использовавшийся контр-революциями способ: *обвинение в заговоре*. Это обвинение только предлог. Суть дела

в необходимости для мелко-буржуазной демократии, идущей на поводу у русских и союзных империалистов, покончить раз-на-всегда с социалистами-интернационалистами. Они считают момент для удара назревшим. Они в ажитации, в испуге, под хлыстом своих господ решились: теперь или никогда.

Социалистический пролетариат и наша партия должны собрать все свое хладнокровие, проявить максимум стойкости и бдительности: пусть грядущие Кавеньяки начинают первыми. А об их приходе наша конференция предупредила еще на свсей конференции. Пролетариат Петрограда не даст им возможность сложить с себя ответственность. Он будет выжидать, копя свои силы и готовясь к отпору, *когда* эти господа решатся перейти от слов к делу.

«Правда» № 80,
13 июня 1917 г.,
без подписи автора.

Противоречивая позиция.

Напечатанная сегодня в газетах резолюция Съезда с осуждением нашей партии, несомненно, будет сопоставлена всяким сознательным рабочим и солдатом с нашим партийным заявлением Всеросс. Съезду Советов,—заявлением, оглашенным 11-го и напечатанным в «Правде» сегодня.

Противоречивость позиции вождей Съезда вскрылась в их резолюции и вскрыта нашим заявлением особенно наглядно.

«Основой успеха и сил российской революции является единство всей революционной демократии—рабочих, солдат и крестьян»,—так гласит первый и важнейший пункт резолюции Съезда. И, конечно, этот пункт был бы бесспорно верным, если бы под «единством» понималось здесь *единство борьбы против контр-революции*. Ну, а как быть, если известная часть «рабочих, солдат и крестьян» через своих вождей блокируется, объединяется с контр-революцией? Не ясно ли, что именно *эта* часть «демократии» на деле перестает быть «революционной»?

Вероятно, народники (эс-эры) и меньшевики возмутятся одним допущением с нашей стороны мысли о том, будто возможно, будто мыслимо «объединение» той или иной части «рабочих, солдат и крестьян» с контр-революцией.

Тем, кто попытался бы возмущением подобного рода затуманить наши доводы и замаять суть дела, мы ответим простой ссылкой

на 3-й пункт той же резолюции: «...растет сопротивление контр-революционных сил *имущих классов*». Вот это деловое соображение. Вот это было бы совсем правдой, если бы сказать: буржуазии или капиталистов и помещиков (вместо «имущих классов», к которым относится и зажиточная часть мелкой буржуазии)

Несомненно, сопротивление буржуазии растет.

Но ведь именно в руках буржуазии и находится большинство Врем. Правит., с которым *объединены*—не только в обще-политическом смысле, но и организационно, в одном учреждении, в министерстве—вожди эс-эров и меньшевиков!

Вот в чем гвоздь противоречивой позиции вождей Совета, вот в чем основной источник шаткости всей их политики: они в союзе с буржуазией через Правительство, они подчинены в Правительстве большинству министров из буржуазии и в то же самое время они *вынуждены* признать, что «растет сопротивление контр-революционных слоев *имущих классов*»!!!

Ясно, что при таком положении дела партия революционного пролетариата может признать «единство» пресловутой «революционной» (на словах, но не на деле) демократии лишь «постольку-поскольку». Мы за единство с ней, поскольку она борется с контр-революцией. Мы *не* за единство с ней, поскольку она объединяется с контр-революцией.

На очередь дня жизнью поставлен именно вопрос о «растущем сопротивлении» контр-революционной буржуазии: *обходить* этот главный и коренной вопрос общими фразами о «единстве или согласованности действий революционной демократии», затушевывая единство или согласованность части ее с контр-революцией, нелогично, неумно.

Понятно отсюда, что сами собой падают, по принципиальным основаниям, все рассуждения в резолюции Съезда об осуждении нашей демонстрации, как «тайной», о допустимости массовых выступлений и манифестаций лишь с ведома или с согласия Советов. Никакого значения эти рассуждения не имеют. Никогда пролетарская партия не признает их,—как уже было сказано в нашем заявлении Всер. Съезду. Ибо всякие манифестации, раз они мирные, суть *только* агитация, и запретить агитацию или навязать единство агитации нельзя.

Формально резолюция еще слабее. Чтобы запрещать или предписывать, надо быть властью в государстве. Станьте ей, господа теперешние вожди Совета, мы за это, хотя вы наши противники,—и тогда вы будете вправе запрещать или предписывать..

Пока у вас нет власти общегосударственной, пока вы терпите над собой власть 10 министров из буржуазии,—вы запутались в своей собственной слабости и нерешительности.

Фразами о «ясно выраженной воле» и т. п. отделяться нельзя: воля, если она государственная, должна быть выражена, как закон, установленный властью; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком. А как только вы подумали бы, господа, о законе, вы не могли бы не вспомнить, что конституция свободных республик не может запрещать мирных манифестаций и каких угодно массовых выступлений любой партии, любой группе.

Противоречивость позиции породила полную странность революционных идей,—идей о борьбе с контр-революцией,—государственных (конституционных) идей,—вообще юридических идей. Когда дикая брань против нашей партии отпала, ничего, ровно ничего не осталось!

После дикой брани против нашей инициативы манифестации—назначение манифестации недель позже.

«Правда» № 81,

14 июня 1917 г.,

без подписи автора.

7/11/17

У к р а и н а.

Крах политики нового, коалиционного, Временного Правительства вырисовывается все более и более рельефно. Изданный украинской центральной радой и принятый 11 июня 1917 года всеукраинским войсковым съездом «универсальный акт»¹⁴⁸⁾ об устройении Украины представляет собой прямое разоблачение этой политики и документное свидетельство ее краха.

«Не отделяясь от всей России, не разрываясь с российским государством,—гласит этот акт,—пусть украинский народ на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью... Все законы, которыми должен устанавливаться порядок здесь, на Украине, имеет право издавать только наше украинское собрание; те же законы, которыми будет устанавливаться порядок на протяжении всего Российского государства, должны издаваться всероссийским парламентом».

Это совершенно ясные слова. С полнейшей точностью заявлено в них, что в данное время украинский народ отделяться от России не хочет. Он требует автономии, ничуть не отрицая необходимости и верховной власти «всероссийского парламента». Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отри-

цать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за *добровольное* соединение в одно государство двух народов. Именно безоговорочное признание этого права одно лишь в состоянии разорвать на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое *все* сделало для *взаимо-отчуждения* народов, столь близких и по языку и по месту жительства, и по характеру, и по истории. Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке.

Рволюционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым, должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе *права* на свободное отделение.

Мы не сторонники мелких государств. Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и «своих» и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, а *завсегды* ее отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм.

* * *

Газета озлобленных, полуобезумевших от бешенства, буржуазных контр-революционеров, «Речь» дико обрушивается на украинцев, на их «самовольное» решение. «Поступок украинцев» будто бы «есть прямое преступление против закона, которое вызывает против себя немедленное применение суровых законных кар». Прибавлять что-либо к этому выпадку озверелых буржуазных контр-революционеров нечего. Долой контр-революционеров буржуазии! Да здравствует свободный союз вольных крестьян и рабочих вольной Украины с рабочими и крестьянами революционной России!

«Правда» № 82.

15 июня 1917 г.,

без подписи автора.

Речь на Первом Всероссийском Съезде Советов Р. и С. Д.

Товарищи, в тот краткий промежуток времени, который мне предоставлен, смогу остановиться,—и думаю, это целесообразнее,—лишь на основных принципиальных вопросах, выдвинутых докладчиком Исполнительного Комитета и следующими ораторами. Первый и основной вопрос, который стоял перед нами, это вопрос, где мы присутствуем, — что такое те Советы, которые собрались сейчас на Всероссийский Съезд, что такое та революционная демократия, о которой здесь так безмерно много говорят, чтобы затушевать полное ее непонимание и полнейшее от нее отречение. Ибо говорить о революционной демократии перед Всероссийским Съездом Советов и затушевывать характер этого учреждения, его классовый состав, его роль в революции, не говорить об этом ни звука и в то же время претендовать на звание демократов — странно. Нам рисуют программу буржуазной парламентарной республики, которая бывала во всей Западной Европе, нам рисуют программу реформ, признаваемых теперь всеми буржуазными правительствами, в том числе и нашим, и нам говорят вместе с тем о революционной демократии. Говорят перед кем? Перед Советами, А я вас спрашиваю, есть ли такая страна в Европе, буржуазная, демократическая, республиканская, где бы существовало что-нибудь подобное этим Советам? Вы должны ответить, что нет. Нигде подобного учреждения не существует и существовать не может, потому что одно из двух: или буржуазное правительство с теми «планами» реформ, которые нам рисуют и которые десятки раз во всех странах предлагались и оставались на бумаге, или то учреждение, к которому сейчас апеллируют, то нового типа «правительство», которое революцией создано, которое имеет примеры только в истории величайшего подъема революции, например, в 1792 году во Франции ¹⁴⁹⁾, в 1871 году ¹⁵⁰⁾ там же, в 1905 году в России. Советы, это — учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы называли в наших партийных резолюциях крестьянско-пролетарской, демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам Р. и С. Д. Напрасно думают, что это вопрос теоретический, и напрасно пы-

таются представить дело так, как будто бы его можно обойти, напрасно отговариваются, что сейчас того или иного рода учреждения существуют вместе именно с Советами Р. и С. Д. Да, они существуют вместе. Но именно это порождает неслыханное количество недоразумений, конфликтов и трений. Именно это вызывает переход русской революции от ее первого подъема, от ее первого движения вперед к ее застою и к тем шагам назад, которые мы теперь видим в нашем коалиционном правительстве, во всей внутренней и внешней политике, в связи с готовящимся империалистическим наступлением. Одно из двух: или обычное буржуазное правительство—и тогда крестьянские, рабочие, солдатские и пр. Советы не нужны, тогда они будут либо разогнаны теми генералами, контр-революционными генералами, которые армию держат в руках, не обращая никакого внимания на ораторство министра Керенского, или они умрут бесславной смертью. Иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни идти назад, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперед. Вот тот тип государства, который не русскими выдуман, который выдвинут революцией, ибо иначе революция победить не может. В недрах Всероссийского Совета неизбежны трения, борьба партий за власть. Но это будет изживанием возможных ошибок и иллюзий собственным политическим опытом масс (*шум*), а не теми докладами, который делают министры, ссылаясь на то, что они вчера говорили, завтра напишут и послезавтра обещают. Это смешно, товарищи, с точки зрения того учреждения, которое русской революцией создано и перед которым сейчас стоит вопрос: быть или не быть. Продолжать существовать так, как они существуют теперь, Советы не могут. Взрослые люди, рабочие и крестьяне должны собираться, принимать резолюции и выслушивать доклады, которые никакой документальной проверке подвергнуты быть не могут! Такого рода учреждения, это—переход к той республике, которая создаст твердую власть, без полиции, без постоянной армии, не на словах, а на деле, ту власть, которая в Западной Европе существовать не может, ту власть, без которой не может быть победы русской революции в смысле победы над империализмом. Без этой власти не может быть и речи о том, чтобы мы сами подобную победу одержали, и чем больше вникаем мы в ту программу, которую нам здесь советуют, и в те факты, перед которыми мы становимся, тем более вопиющим выступает основное противоречие. Нам говорят, как говорил докладчик и другие ораторы, что вот первое Временное Правительство было плохо! А тогда,

когда большевики, злосчастные большевики говорили: «никакой поддержки, никакого доверия этому правительству», сколько тогда сыпалось на нас обвинений в «анархизме». Теперь все говорят, что прежнее правительство было плохо, а что же коалиционное правительство с почти-социалистическими министрами, чем оно отличается от прежнего? Не довольно ли разговоров о программах, о проектах, не довольно ли их, не пора ли перейти к делу? Вот уже прошел месяц с тех пор, когда 6-го мая образовалось коалиционное правительство. Посмотрите на дела, посмотрите на разруху, которая существует в России и во всех втянувшихся в империалистическую войну странах. Чем объясняется разруха? Хищничеством капиталистов. Вот где настоящая анархия. И это—по тем признаниям, которые опубликованы не нашей газетой, не какой-нибудь большевистской, боже упаси, а министерской «Рабочей Газетой»: промышленные цены на поставки угля были *подняты* «революционным правительством». И коалиционное правительство ничего не изменило в этом отношении. Нам говорят, можно ли в России вводить социализм, вообще совершать коренные преобразования сразу—это все пустые отговорки, товарищи. Доктрина Маркса и Энгельса, как они всегда разъясняли, состоит вот в чем: «наше учение не догма, а руководство к деятельности». Чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может во время войны, а есть что-то среднее, что-то новое, неслыханное, потому что гибнут сотни миллионов людей, втянутые в преступную войну между капиталистами. Вопрос идет не об обещании реформ—это пустые слова, вопрос в том, чтобы сделать тот шаг, который нам сейчас нужен. Если вы хотите сослаться на «революционную» демократию, то отличайте это понятие от *реформистской* демократии при капиталистическом министерстве, потому что, наконец, пора перейти от фраз о «революционной демократии», от поздравлений друг-друга с «революционной демократией» к *классовой* характеристике, чему нас учил марксизм и вообще научный социализм. То, что нам предлагают, есть переход к реформистской демократии при капиталистическом министерстве. Это—может быть великолепно с точки зрения обычных образцов Западной Европы. Сейчас же целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов,—эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России политической партии, которая вы-

разила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю—
 есть; ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия
 от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть
 целиком. (*Аплодисменты и смех*). Вы можете смеяться сколько
 угодно, но если гражданин-министр поставит нас перед этим во-
 просом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ.
 Ни одна партия не может от этого отказываться. И в момент, пока
 существует свобода, пока угрозы арестом и отправкой в Сибирь,—
 угрозы со стороны контр-революционеров, в коллегии, с которыми
 находятся наши почти-социалистические министры, пока это толь-
 ко угроза, в такой момент всякая партия говорит—окажите дове-
 рие нам, и мы вам дадим нашу программу. Наша конференция
 29 апреля эту программу дала. К сожалению, с ней не считаются
 и ею не руководятся. Видимо, требуется популярно выяснить
 ее. Я постараюсь дать г. министру почт и телеграфов популярное
 объяснение нашей резолюции, нашей программы. Наша програм-
 ма, по отношению к экономическому кризису, состоит в том, чтобы
 немедленно, для этого не нужно никаких оттяжек, потребовать
 публикации всех тех неслыханных прибылей, достигающих 500—
 800 процентов, которые капиталисты берут, не как капиталисты на
 свободном рынке, в «чистом» капитализме, а по военным постав-
 кам. Вот, действительно, где рабочий контроль необходим и воз-
 можен. Вот та мера, которую вы, если называете себя революцион-
 ной демократией, должны осуществить от имени Совета и которая
 может быть осуществлена с сегодня на завтра. Это не социализм.
 Это—открытие глаз народу на ту настоящую анархию и ту на-
 стоящую игру с империализмом, игру с достоинством народа, с
 сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут из-за того, что
 мы продолжаем душить Галицию. Опубликуйте прибыли господ
 капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров.
 Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же-
 льготных условиях, на каких содержится Николай Романов, с
 простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь,
 корысть, которые и при новом правительстве тысяч или миллио-
 нов ежедневно стоят нашей стране. Вот основная причина анархии
 и разрухи, вот почему мы говорим: у нас осталось все по старому,
 коалиционное министерство не изменило ничего, оно прибавило
 только кучку деклараций, лишних заявлений. Как бы искренни
 ни были люди, как бы искренно они ни желали добра трудящимся,
 дело не изменилось—*тот же класс* остался у власти. Та полити-
 ка, которая ведется, не есть политика демократическая. Нам го-

ворят о «демократизации центральной и местной власти», неужели вы не знаете, что только для России новинка эти слова? Что в других странах десятки почти-социалистических министров обращались к стране с подобными обещаниями? Что значат они, когда перед нами живой конкретный факт: население местное выбирает власть, а азбука демократии нарушается претензией центра назначать или утверждать местные власти, хищение народного достояния капиталистами продолжается. Империалистская война продолжается, а нам обещают реформы, реформы и реформы, которые вообще в этих рамках осуществлены быть не могут, потому что война все подавляет, все определяет. Почему вы не соглашаетесь с теми, которые говорят, что война ведется не из-за прибылей капиталистов? В чем критерий? В том, прежде всего, какой класс у власти, какой класс продолжает быть хозяином, какой класс продолжает наживать сотни миллиардов на банковых и финансовых операциях? Все тот же капиталистический класс, и война все продолжается поэтому империалистическая. И первое Временное Правительство, и Правительство с почти-социалистическими министрами ничего не изменило: тайные договоры остаются тайными. Россия воюет за проливы, за то, чтобы продолжать Ляховскую политику в Персии и пр.

Я знаю, что вы этого не хотите, что большинство из вас этого не хочет, что министры этого не хотят, потому что нельзя этого хотеть, так как это есть избиение сотен миллионов людей. Но возьмите то наступление, о котором так много говорят теперь Милюковы и Маклаковы. Они отлично понимают, в чем дело. Они знают, что это связано с вопросом о власти, с вопросом о революции. Нам говорят, что надо отличать политические и стратегические вопросы. Смешно подобный вопрос и ставить. Кадеты прекрасно понимают, что ставится вопрос политический.

Что начавшаяся революционная борьба за мир снизу могла бы привести к сепаратному миру, это—клевета. Наш первый шаг, который бы мы осуществили, если бы у нас была власть: арестовать крупнейших капиталистов, подорвать все нити их интриг. Без этого все фразы о мире без аннексий и контрибуций пустейшие слова. Вторым нашим шагом было бы объявить народам отдельно от правительств, что мы считаем всех капиталистов разбойниками, и Терещенко, который ничуть не лучше Милюкова, только тот немножко поглупее, и капиталистов французских, и английских, и всех.

Ваши собственные «Известия» запутались: вместо мира без аннексий и контрибуций предлагают оставить status quo. Нет, мы не так понимаем мир «без аннексий», и тут ближе подходит к истине даже Крестьянский Съезд, который говорит о «федеративной» республике и тем выражает мысль, что Русская Республика ни одного народа ни по-новому, ни по-старому угнетать не хочет, ни с нашим народом, ни с Финляндией, ни с Украиной, к которым так придирается военный министр, с которыми создаются конфликты непозволительные и недопустимые, не хочет жить на началах насилия. Мы хотим единой и нераздельной Республики Российской с твердою властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов. «Революционная демократия», это—большие слова, но применяются они к правительству, которое мизерными придирками осложняет вопрос с Украиной и Финляндией, не пожелавшими даже отделяться, а лишь говорящими—не откладывайте до Учредительного Собрания применение азбук демократии! Мира без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий. Ведь это же смешно, это игра! над этим смеется в Европе каждый рабочий,—он говорит: на словах они красноречивы, призывают народы свергать банкиров, а сами отечественных банкиров посылают в министерство. Арестуйте их, раскройте проделки, узнайте нити—этого вы не делаете, хотя у вас есть властные организации, которым сопротивляться нельзя. Вы пережили 1905 и 1917 г.г., вы знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делали кровавым тяжелым путем восстаний, а в России нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов. В России эта революция возможна в виде исключения, как революция мирная. Предложи мир эта революция сегодня-завтра всем народам, путем разрыва со всеми классами капиталистов, и в течение самого короткого времени и от Франции, и от Германии в лице их народов получится согласие, потому что эти страны гибнут, потому что положение Германии безнадежное, потому что она спастись не может, и потому, что Франция...

Председатель. Ваше время исчерпано.

Ленин. Я через полминуты кончаю...

(Шум, просьбы с мест продолжать, протесты, аплодисменты.)

Председатель. Докладываю Съезду, что Президиум предлагает продлить срок речи оратора. Кто возражает? Большинство за продление речи.

Ленин. Я остановился на том, что если бы в России революционная демократия была демократией не на словах, а на деле, то она перешла бы к движению революции вперед, а не к соглашению с капиталистами, не к разговорам о мире без аннексий и контрибуций, а к уничтожению аннексий в России и к прямому объявлению, что всякую аннексию она считает преступной и разбойнической. Тогда было бы возможно избежать империалистического наступления, грозящего гибелью тысячам и миллионам людей из-за дележа Персии, Балкан, тогда открыта была бы дорога к миру, дорога не простая—этого мы не говорим,—дорога, не исключающая действительно революционной войны. Мы не ставим вопрос так, как ставит Базаров из «Новой Жизни», мы говорим только, что Россия поставлена в такие условия, что в конце империалистской войны ее задачи легче, чем могли бы казаться. И она поставлена в такие географические условия, что те державы, которые рискнули бы опереться на капитал и хищнические его интересы и восстать против русского рабочего класса и примыкающего к нему полупролетариата, т.-е. беднейшего крестьянства,—если бы они на это пошли, это было бы для них в высшей степени трудной задачей. Германия стоит на краю гибели и после выступления Америки, которая желает скушать Мексику и которая завтра, вероятно, вступит в борьбу с Японией,—после этого выступления положение Германии безнадежно,—ее уничтожат. Франция, которая географически поставлена так, что страдает больше всех и истощение ее достигает максимума, эта страна, менее голодающая, чем Германия, она неизмеримо больше потеряла человеческого материала, чем Германия. И вот, если бы с первого шага начали с того, что обуздали бы прибыль русских капиталистов и отняли у них всякую возможность забирать сотни миллионов наживы, если бы *всем* народам предложили мир против капиталистов *всех* стран с прямым заявлением, что вы с немецкими капиталистами и теми, кто хотя бы прямо или косвенно им потакает, или с ними путается, что вы с ними ни в какие разговоры и сношения не вступаете, что вы отказываетесь говорить с французскими и английскими капиталистами,—тогда вы выступили бы, чтобы обвинить их перед рабочими. Вы не рассматривали бы, как победу, выдачу паспорта Макдональду,

который никогда революционной борьбы с капиталом не вел и которого пропускают потому, что он не выражал ни идей, ни принципов, ни практики, ни опыта той революционной борьбы против английских капиталистов, за которую наш товарищ Маклин и сотни других английских социалистов сидят в тюрьмах и за что сидит наш товарищ Либкнехт, который сидит в каторжной тюрьме за то, что сказал: «немецкие солдаты, стреляйте против своего кайзера». Не правильнее ли было бы империалистов-капиталистов отправить на ту же самую каторгу, которую нам большинство членов Временного Правительства, в специально для этого воссозданной 3-й Думе,—я не знаю, впрочем, какая она по счету, третья или четвертая,—ежедневно уготовает и обещает, и новые проекты законов по министерству юстиции об этом уже пишет. Маклин и Либкнехт—вот имена тех социалистов, которые идею революционной борьбы против империализма проводят в жизнь. Вот, что нужно сказать всем правительствам, чтобы бороться за мир, нужно их обвинить перед народами. Тогда вы поставите в запутанное положение все империалистские правительства. А теперь вы запутались, когда обращались к народу с воззванием о мире 14-го марта, говоря: «свергайте ваших царей, ваших королей и ваших банкиров», в то время, как мы, имея в руках неслыханную, богатую по численности, по опыту, по материальной силе организацию, как Совет Р. и С. Д., мы с нашими банкирами заключаем блок, учреждаем коалиционное, почти-социалистическое, правительство и пишем проекты реформ, которые в Европе десятки и десятки лет писались. Там, в Европе, смеются над подобного рода борьбой за мир. Там поймут ее только тогда, когда Советы возьмут власть и выступят революционно. Только одна страна в мире сможет сделать шаги к прекращению империалистической войны сейчас в классовом масштабе, против капиталистов, без кровавой революции, только одна страна, и эта страна—Россия. И она остается ею до тех пор, пока Совет Р. и С. Д. существует. Долго он рядом с Временным Правительством обычного типа существовать не сможет. И он останется попрежнему лишь до тех пор, пока не осуществится этот переход к наступлению. Переход к наступлению есть перелом всей политики русской революции, т.-е. переход от ожидания, от подготовки мира революционным восстанием снизу, к возобновлению войны, переход от братания на одном фронте к братанию на всех фронтах, от братания стихийного, когда люди обменивались коркой хлеба с голодным немецким пролетарием за перочинный ножичек, за

что им грозят каторгой, к братанию сознательному,—вот какой путь намечался. Когда мы возьмем в свои руки власть, тогда мы обуздаем капиталистов и тогда это будет *не та* война, какая ведется сейчас,—потому что война определяется тем, какой класс ее ведет, а не тем, что в бумажках написано. В бумажках можно написать что угодно. Но пока класс капиталистов в правительстве представлен большинством, что бы вы ни написали, как бы красноречивы ни были, какой бы состав почти-социалистических министров ни имели, война останется империалистической. Это все знают и все видят. И вот пример Албании, пример Греции, Персии это так ясно и наглядно показали, что меня удивляет, почему все нападают на нашу письменную декларацию о наступлении и никто ни слова о конкретных примерах не говорит. Обещать проекты легко, а конкретные мероприятия все откладывают. Писать декларацию о мире без аннексий легко, но, ведь, пример Албании, Греции, Персии произошел *после* коалиционного министерства. Ведь, о них «Дело Народа», орган не нашей партии, а орган правительственный, орган министров, писал, что этой издевке подвергают русскую демократию, что Грецию душат. И тот же Милюков, которого вы представляете бог знает кем,—он рядовой член своей партии,—Терещенко от него ничем не отличается, он писал, что на Грецию давила союзная дипломатия. Война остается империалистической и, как бы вы мира ни хотели, как бы искренно ни было ваше сочувствие трудящимся и как бы искренно ни было ваше желание мира, я вполне убежден, что оно не может не быть искренним в массе,—вы бессильны, потому, что войну нельзя кончить иначе, как только дальнейшим развитием революции. Когда в России революция началась, началась и революционная борьба снизу за мир. Если бы вы взяли власть в свои руки, если бы власть перешла к революционным организациям для борьбы против русских капиталистов, тогда трудящиеся иных стран вам поверили бы, тогда вы могли бы предложить мир. Тогда наш мир был бы обеспечен, по крайней мере, с двух сторон, со стороны двух народов, которые истекают кровью и дело которых безнадежно,—со стороны Германии и Франции. И если бы тогда обстоятельства нас поставили в положение революционной войны,—этого никто не знает, мы от этого не зарекаемся,—то мы сказали бы: «мы не пацифисты, мы не отказываемся от войны, если революционный класс у власти, если он, действительно, устранил капиталистов от всякого влияния на постановку дела, на увеличение той разрухи, которая позволяет им наживать

сотни миллионов». Революционная власть всем без исключения народам объяснила бы и сказала, что все народы должны быть свободны, что, как немецкий народ не смеет воевать за то, чтобы удержать Эльзас и Лотарингию, так и французский народ не смеет воевать за свои колонии. Ибо, если Франция воюет за свои колонии, то у России есть Хива и Бухара, это тоже нечто вроде колоний, и когда начнется дележ колоний, то как их делить, по какой норме? По силе? А сила изменилась, положение капиталистов таково, что иного выхода, кроме войны, нет. Когда вы возьмете революционную власть, у вас будет революционный путь к миру: обращение к народам с революционным призывом, объяснение тактики на вашем примере. Тогда перед вами дорога к революционным путем завоеванному миру откроется с величайшей вероятностью того, что вы гибели сотни тысяч людей избежите. Тогда вы можете быть уверены, что немецкий и французский народы выскажутся за вас. А капиталисты английские, американские и японские, если бы даже они хотели войны против революционного рабочего класса,—силы которого удесятерятся, когда капиталисты будут обузданы, устранены и контроль перейдет в руки рабочего класса,—даже если бы американские, английские и японские капиталисты войны хотели, 99% из 100 за то, что они не смогут ее вести. Достаточно будет вам заявить, что вы не пацифисты, что вы свою республику, рабочую пролетарскую демократию, от капиталистов немецких и французских и других защищать будете, этого будет достаточно, чтобы мир был обеспечен.

Вот почему мы придавали нашему заявлению о наступлении такое коренное значение. Наступила пора перелома во всей истории русской революции. Русская революция началась с того, что ей помогала империалистическая буржуазия Англии, которая думала, что Россия нечто вроде Китая или Индии. Вместо этого рядом с правительством, в котором сейчас большинство помещиков и капиталистов, возникли Советы,—неслыханное, невиданное в мире по силе, представительное учреждение, которое вы убиваете участием в коалиционном министерстве буржуазии. Вместо этого русская революция сделала то, что революционная борьба снизу против капиталистического правительства всюду во всех странах стала встречаться втрое более сочувственно. Вопрос стоит так: идти вперед или назад? Стоять в революционное время на одном и том же месте нельзя. И вот почему наступление есть перелом всей русской революции не в стратегическом значении.

наступления, а в политическом, экономическом. Наступление теперь есть продолжение империалистической бойни и гибели сотен, тысяч, миллионов людей,—объективно, т.-е. независимо от воли или сознания того или иного министра, из-за задушения Персии и прочих слабых народов. Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены и в России и во всем мире. (*Аплодисменты части собрания*).

*«Правда» №№ 82 и 83,
15 и 16 июня 1917 года.*

Из какого классового источника приходят и „придут“ Кавеньяки.

«Когда придет настоящий Кавеньяк¹⁵¹⁾, мы будем бороться вместе с вами, в одних рядах»,—писала в № 80 по нашему адресу «Рабочая Газета», орган той самой меньшевистской партии, член которой, министр Церетели, договорился в своей печально-знаменитой речи до угрозы разоружения петроградских рабочих.

Приведенное изречение «Рабочей Газеты» особенно рельефно вскрывает основные ошибки обеих правящих партий в России, и меньшевистской и эс-эровской, и потому заслуживает внимания. Вы не во время или не в надлежащем месте ищите Кавеньяка—таков смысл рассуждений министерского органа.

Вспомним классовую роль Кавеньяка. В феврале 1848 г. монархия была свергнута во Франции. Буржуазные республиканцы у власти. Они так же, как наши кадеты, хотят «порядка», называя этим восстановление и упрочение монархических орудий угнетания масс: полиции, постоянной армии, привилегированного чиновничества. Они так же, как наши кадеты, хотят положить конец революции, ненавидя революционный пролетариат, с его еще очень неясными тогда «социальными», т.-е. социалистическими, стремлениями. Они так же, как наши кадеты, относились с беспощадной враждебностью к политике перенесения французской революции на всю Европу, к политике превращения ее в мировую пролетарскую революцию. Они так же, как наши кадеты, использовали искусно мелко-буржуазный «социализм» Луи Блана, взяв его в министры, превратив его из вождя социалисти-

ческих рабочих, каким он хотел быть, в придасток, в прихвостень буржуазии.

Таковы были классовые интересы, позиция и политика господствующего класса.

Другой основной общественной силой была мелкая буржуазия, колеблющаяся, запуганная красным призраком, поддававшаяся крикам против «анархистов». В своих стремлениях мечтательно и фразисто-«социалистическая», охотно называвшая себя «социалистической демократией» (даже термин именно этот принимают теперь эс-эры вместе с меньшевиками!), мелкая буржуазия боялась довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии. Ибо в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, *не может* быть «средней» линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т.-е. как раз к такой «средней линии».

Третьей решающей классовой силой был пролетариат, который стремился не к «примирению» с буржуазией, а к победе над ней, к безбоязненному развитию революции вперед и притом в международном масштабе.

Вот какова была объективная историческая почва, *породившая* Кавеньяка. Колебания мелкой буржуазии «отстранили» ее от роли активного деятеля и, воспользовавшись ее боязнью довериться пролетариям, французский кадет, генерал Кавеньяк, пошел на *разоружение* парижских рабочих, на массовый расстрел их.

Революция кончилась этим историческим расстрелом; мелкая буржуазия, численно преобладавшая, была и оставалась политически бессильным хвостом буржуазии, и через три года во Франции была опять восстановлена цезаристская монархия в особенно гнусной форме.

Историческая речь Церетели 11-го ¹⁸²⁾, явно внушенная кадетскими Кавеньяками (может быть, прямо внушенная буржуазными министрами, может быть, косвенно подсказанная буржуазной прессой и буржуазным общественным мнением, это различие не важно), эта историческая речь потому и замечательна, потому и является исторической, что Церетели с неподражаемой наивностью *выболтал* «секретную болезнь» всей мелкой буржуазии, и эс-эровской и меньшевистской. Эта «секретная болезнь» состоит,

во-первых, в полной неспособности к самостоятельной политике; во-вторых, в боязни довериться революционному пролетариату и поддержать его самостоятельную политику безаветно; в-третьих, в неизбежно вытекающем отсюда скатывании к подчинению кадетам или буржуазии вообще (*т.-е. к подчинению Кавеньякам*).

Вот в чем суть. Не Церетели или Чернов лично и даже не Керенский призван играть роль Кавеньяка—на это найдутся иные люди, которые скажут в надлежащий момент русским Луи Бланам: «отстранитесь»;—но Церетели и Черновы являются вождями такой мелко-буржуазной политики, которая делает возможным и необходимым появление Кавеньяков.

«Когда придет настоящий Кавеньяк, мы будем с вами»—прекрасное обещание, великолепное намерение! Жаль только, что оно обнаруживает типичное для сентиментальной или боязливой мелкой буржуазии непонимание классовой борьбы. Ибо Кавеньяк не случайность, «приход» его не единичный момент. Кавеньяк—представитель класса (контр-революционной буржуазии), проводник его политики. А именно этот класс, именно эту политику вы *сейчас* уже поддерживаете, господа эс-эры и меньшевики! Этому классу и его политике вы даете, имея заведомое большинство в данную минуту в стране, *преобладание* в Правительстве, т.-е. превосходную базу для работы.

В самом деле. На Всероссийском Крестьянском Съезде почти сплошь царили эс-эры. На Всероссийском Съезде Рабочих и Солдатских Депутатов большинство огромное за блоком эс-эров и меньшевиков. То же на выборах в районные думы Петрограда. Факт налицо: эс-эры и меньшевики сейчас правящая партия. И эта правящая партия добровольно отдает власть (большинство в правительстве) *партии Кавеньяков!!*

Было бы болото, а черти найдутся. Была бы шаткая, колеблющаяся, боящаяся развития революции мелкая буржуазия,—появление Кавеньяков обеспечено.

В России много теперь такого, что отличает нашу революцию от французской революции 1848 года: империалистская война, соседство более передовых (а не более отсталых, как у Франции тогда) стран, аграрное и национальное движение. Но все это может изменить лишь форму выступления Кавеньяков, момент, внешние поводы и т. п. Сути дела все это изменить не может, ибо суть заключается во *взаимоотношении классов*.

На словах и Луи Блан был, как небо от земли, далек от Кавеньяка. Обещаний «бороться в одних рядах» вместе с револю-

ционными рабочими против буржуазных контр-революционеров : и Луи Блан давал бесчисленное множество. И в то же время ни один историк-марксист, ни один социалист не посмеет усомниться в том, что именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Бланов родили Кавеньяка, дали ему успех.

Исключительно от стойкости и бдительности, от силы революционных рабочих России зависит, победа или поражение ждет русских Кавеньяков, неизбежно порождаемых контр-революционностью русской буржуазии, с кадетами в главе, и шаткостью, боязливостью, колебаниями мелко-буржуазных партий эс-эров и меньшевиков.

*«Правда» № 83,
16 июня 1917 г.,
без подписи автора*

Украина и поражение правящих партий России.

В украинском вопросе правящие партии России, т.-е. кадеты, имеющие большинство в правительстве и всеислие *капитала* в экономике, а затем эс-эры и меньшевики, имеющие сейчас заведомое большинство в стране (но бессильные в правительстве и в экономике капиталистической страны),—эти правящие партии *все* потерпели явное поражение и притом в общегосударственном масштабе и по крупнейшему вопросу.

Эс-эры и меньшевики терпели то, что Временное Правительство кадетов, т.-е. контр-революционных буржуа, *не* исполнило своего элементарного демократического долга, *не* объявило, что оно *за* автономию и за полную свободу отделения Украины. Украинцы, как сообщает сегодня в «Деле Народа» министр Чернов, требовали несравненно меньшего, именно, «чтобы Временное Правительство особым актом провозгласило, что оно *не против* права украинского народа на автономию». Это—скромнейшее и законнейшее требование, как столь же скромны и два остальных: 1) Украина выбирает местным населением одного представителя центрального российского правительства; до чего скромно это требование, показывает тот факт, что великороссов в России считалось в 1897 г. 43% населения, а украинцев—17%, т.-е. украинцы могли бы просить не одного министра на 16, а шестерых!! 2) На Украине должен быть «избранный местным населением один представитель центрального российского правительства»,—что может быть законнее этого? По какому праву смеет демократ

отступать от теорий доказанного и опытом демократических революций подтвержденного принципа: «никаких назначаемых сверху для местного населения властей»??

Отказ в этих скромнейших и законнейших требованиях со стороны Временного Правительства был неслыханным бесстыдством, дикой наглостью контр-революционеров, истинным проявлением политики великорусского «держиморды»,—и эс-эры с меньшевиками, издеваясь над их собственными партийными программами, терпели это в правительстве и защищают это теперь в своих газетах!! До какого позора пали эс-эры и меньшевики! Как жалки увертки их органов сегодня, «Дела Народа» и «Рабочей Газеты».

Хаос, сумятица, «ленинство в национальном вопросе», анархия—вот какие выкрики дикого помещика направляют обе газеты против украинцев.

Оставим выкрики. Доводы по существу?

До Учредительного Собрания нельзя решить «правильно» ни границ Украины, ни ее воли, ни права на сбор податей и т. д. и т. п.—вот их единственный довод. Они требуют «гарантию правильности», в этом выражении редакционной статьи «Р. Газеты» *вся суть* их аргументации.

Но ведь это же явная ложь, господа, явное бесстыдство контр-революционеров, ведь выдвигать такой довод, значит, на деле помогать настоящим изменникам и предателям революции!!

«Гарантии правильности»... подумайте только об этом хоть секунду. Нигде в России, *ни в центральном правительстве*, ни в одном учреждении местном (кроме совсем небольшого учреждения: районных дум Питера) *нет* гарантии правильности и даже заведомо *нет* правильности. Заведомо нет «правильности» в существовании Г. Думы и Г. Совета. Заведомо нет «правильности» в составе Временного Правительства, ибо этот состав есть издевка над волей и сознанием большинства крестьян, рабочих и солдат России. Заведомо нет «правильности» в составе Советов (Рабочих, Крестьянских, Солдатских Депутатов), ибо гарантий строгой полноты и строгого демократизма выборов эти учреждения до сих пор не выработали, что не мешает *и нашей партии*, и всей массе рабочих и крестьян считать их *наилучшими* в данное время выразителями воли большинства народа. Нигде в России нет *и не может быть*—и *никогда не бывало* в революционные моменты *подобного рода*—«гарантий правильности», все это понимают, никто иного не требует, все сознают неизбежность этого.

Только для Украины «мы» требуем «гарантий правильности»!

Вы обезумели от страха, господа эс-эры и меньшевики, поддавшись контр-революционным воплям великорусских помещиков и капиталистов, возглавляемых Родзянкой и Милюковым, Львовым и Терещенкой, Некрасовым и Шингаревым с К°. Вы целиком представляете из себя уже сейчас людей, запуганных рождающимися (и «притаившимися») Кавеньяками.

Ровно ничего страшного, ни тени анархии и хаоса ни в решениях, ни в требованиях украинцев нет. Уступите им—этим законнейшим и скромнейшим требованиям—и на Украине будет не меньше авторитета, чем везде в России, где авторитетны *одни* Советы (*не имеющие «гарантий правильности»!!*). «Гарантию правильности» вам и всем народам России дадут будущие сеймы, даст будущее Учредительное Собрание не по одному украинскому, а по *всем* вопросам, ибо сейчас в России *ни по одному* вопросу заведомо нет «правильности». Уступите украинцам—это говорит разум, ибо иначе будет хуже, силой украинцев не удержишь, а только озлобишь. Уступите украинцам—вы откроете тогда дорогу к доверию между обеими нациями, к братскому союзу их, как равных!

Эс-эры и меньшевики, как правящие партии, потерпели поражение в украинском вопросе, ибо поддались контр-революционным кадетским Кавеньякам.

*«Правда» № 84,
17 июля 1917 г.,
без подписи автора.*

Странное извращение цитат.

В газетах «День» и «Новая Жизнь», напечатавших вчера более подробно, чем другие, заключение следственной комиссии, есть цитата из моих показаний, отсутствующая в «Биржевке», которая дала в некоторых отношениях еще более полное изложение заключений.

В обеих первых газетах напечатана цитата из моих показаний, начинающаяся словами: «я не верю в провокаторство здесь». Многоточия перед цитатой нет. Получается дикость и бессмыслица, будто я в настоящее время «не верю».

Только крайне странное извращение цитаты в обеих газетах могло привести к такой бессмыслице. На самом деле я показал: «мне лично не раз *приходилось* рассуждать (до открытия провока-

торства М-ого) так: после дела Азефа меня ничем не удивишь. Но я не верю, де в провокаторство здесь не только потому, что не вижу ни доказательств, ни улик, а также потому, что...» (и дальше, как в «Дне»: будь М-ий провокатор, охранка не выиграла бы так, как она рассчитывала, ибо все велось у нас через две легальные базы и т. д.).

Итак, у меня в показаниях говорится о прошлом. «Дснь» и «Н. Ж.» *) каким-то странным извращением цитаты приписали мне бессмыслицу, будто я говорю о настоящем.

Получается самая полная противоположность тому, что я показал на деле.

*«Правда» № 84,
17 июня 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.*

Восемнадцатое июня.

Восемнадцатое июня ¹⁵³⁾, так или иначе, войдет в историю русской революции, как один из дней перелома.

Взаимное положение классов, их соотношение в борьбе друг с другом, их сила в особенности по сравнению с силой партии,— все это вскрылось воскресной демонстрацией так отчетливо, так ярко, так внушительно, что при всяком ходе, при всяком темпе дальнейшего развития выигрыш сознательности и ясности остается гигантским.

Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непрерываемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска, в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией.

Мерная поступь рабочих и солдатских батальонов. Около полумиллиона демонстрантов. Единство дружного наступления. Единство вокруг лозунгов, среди которых гигантски преобладали: «вся власть Советам», «долгой 10 министров-капиталистов», «ни сепаратного мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами» и т. п. Ни у кого из видевших демонстрацию не осталось сомнения в победе этих лозунгов среди организованного авангарда рабочих и солдатских масс России.

---

*) В обеих газетах еще есть одна опечатка: «большевики не будут устраивать вооруж. восстание». Должно быть вместо «не»—«де».

Демонстрация 18 июня стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата, указывающего направление революции, указывающего выход из тупика. В этом гигантское историческое значение воскресной демонстрации, в этом ее отличие принципиальное от демонстраций в день похорон жертв революции и в день 1-го мая. Тогда это было поголовное *чествование* первой победы революции и ее героев, взгляд, брошенный народом назад на пройденный им наиболее быстро и наиболее успешно первый этап к свободе. Первое мая было *праздником* пожеланий и надежд, связанных с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма.

Ни та, ни другая демонстрация не задавались целью указать *направление* дальнейшего движения революции и не могли указывать его. Ни та, ни другая не ставили перед массами и от имени масс конкретных, определенных, злободневных вопросов о том, куда и как должна пойти революция.

В этом смысле 18 июня было первой политической демонстрацией *действия*, разъяснением—не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы,—разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше.

Буржуазия поспряталась. В мирной демонстрации, устроенной заведомым большинством народа, при свободе партийных лозунгов, при главной цели—выступить против контр-революции, в такой демонстрации буржуазия отказалась участвовать. Оно и понятно. Буржуазия,—это и есть контр-революция. Она прячется от народа, она устраивает настоящее контр-революционные заговоры против народа. Партии, правящие теперь в России, партии эс-эров и меньшевиков, наглядно показали себя в исторический день 18-го июня, как партия колебаний. Их лозунги выражали колебание, и за их лозунгами оказалось,—явно, очевидно для всех—меньшинство. Стоять на месте, оставить пока все попрежнему—вот что *они* советовали народу своими лозунгами, своими колебаниями. И народ чувствовал, и они чувствовали, что это невозможно.

Довольно и слезаний,—говорил авангард пролетариата, авангард рабочих и солдатских масс России. Довольно колебаний. Политика доверия капиталистам, *их* правительству, *их* реформаторским потугам, *их* войне, *их* политике наступления,—эта политика безнадежна. Крах ее недалек. Крах ее неизбежен. Это будет крах и правящих партий эс-эров и меньшевиков. Разруха на-

двигается все ближе. От нее *нельзя* спастись иначе, как революционными мерами стоящего у власти революционного класса.

Пусть народ порвет с политикой доверия капиталистам, пусть он окажет доверие революционному классу—пролетариату. В нем и только в нем источник силы. В нем и только в нем залог служения интересам *большинства*, интересам трудящихся и эксплуатируемых, задавленных войной и капиталом, способных победить войну и капитал!

Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию и на все человечество. Выход только в доверии самому организованному передовому отряду трудящихся и эксплуатируемых, в поддержке его политики.

Скоро ли будет понят народом этот урок и как он будет осуществлен, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что вне этого урока выхода из тупика нет, что возможные колебания или зверства контр-революционерам ничего не дадут.

Вне полного доверия народных масс своему руководителю, пролетариату, выхода нет.

*«Правда» № 86,
20 июня 1917 г.,
без подписи автора.*

Революция, наступление и наша партия.

«Настал поворотный момент в русской революции», сказал Церетели, сообщая Съезду Советов о начавшемся наступлении. Да, поворотный момент настал не только для русской революции, но и для всего хода мировой войны. Русское правительство после трех месяцев колебаний пришло на деле к тому решению, которого требовали от него правительства «союзников».

Наступление объявлено во имя мира. Но «во имя мира» бросают войска в бой империалисты всех стран: при каждом наступлении каждой из воюющих стран генералы пытаются поднять дух солдат живой надеждой на то, что данное наступление приведет к скорейшему миру.

Этот обычный прием всех империалистов русские министры из «социалистов» разукрасили самыми трескучими фразами, в которых слова о социализме, демократии, революции звучат как погремушки в руках ловкого жонглера. Никакими трескучими фразами не прикрыть того факта, что революционная армия Рос-

сии послана в бой во имя целей империалистов Англии, Франции, Италии, Японии, Америки. Никакие софизмы бывшего циммервальдиста и нынешнего партнера Ллойд-Джорджа, Чернова, не могут скрыть того, что—если русская армия и русский пролетариат, действительно, не имеют захватных целей,—то это ни капли не изменяет империалистского грабительского характера борьбы двух мировых трестов. До тех пор, пока не пересмотрены тайные договоры, связывающие Россию с империалистами других стран, пока Рибо ¹⁵⁴), Ллойд-Джордж ¹⁵⁵) и Соннино ¹⁵⁶), как союзники России, продолжают говорить о захватных целях своей внешней политики, до тех пор наступление русских войск есть и остается служением империалистам.

Но, ведь, мы же неоднократно заявляли, что от всяких захватов отказываемся, возражают Церетели и Черновы. Тем хуже, скажем мы: значит, слово у вас расходится с делом, ибо на деле вы служите и русскому и чужому империализму. А когда вы начинаете активно содействовать «союзному» империализму, вы оказываете великолепные услуги русской контр-революции. Радость всех черносотенцев и всех контр-революционеров по поводу решительного поворота вашей политики свидетельствует об этом яснее ясного. Да, русская революция переживает поворотный момент. Русское правительство в лице министров-«социалистов» сделало то, чего не могли сделать министры-империалисты, Гучков и Милюков: оно предоставило русскую армию в распоряжение штабов и дипломатов, действующих во имя и на почве неотмененных тайных договоров, во имя целей, открыто провозглашенных Рибо и Ллойд-Джорджем. Но свою задачу правительство могло выполнить лишь потому, что ему поверила, за ним пошла армия. Пошла на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира. Но армия пошла на это потому, что она лишь часть народа, пошедшего на данном этапе революции за партиями эс-эров и меньшевиков. Этот общий и основной факт—доверие большинства мелко-буржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эс-эров—определяет позицию и поведение нашей партии.

С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая попрежнему рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления.

Дело в этапе общенародной революции. Церетели и Черновы, попав в зависимость от империализма, проводят этап мелко-

буржуазных иллюзий, мелко-буржуазных фраз, прикрывающих тот же самый циничный империализм.

Этот этап надо изжить. Поможем скорее и безболезненнее изжить его. Он приведет к избавлению народа от *последних* мелко-буржуазных иллюзий к переходу власти в руки революционного класса.

*«Правда» № 87,
21 июня 1917 г.,
без подписи автора.*

Съезд советов и петербургские рабочие.

На собрании Всероссийского Съезда 19 числа произошла встреча петербургских рабочих с большинством Всероссийского Съезда. И встреча эта, несомненно, имеет большое политическое значение.

Она произошла на завтра после грандиозной демонстрации петербургских рабочих и солдат, политический смысл которой ясен для всех, не желающих закрывать глаза на факты! Это была демонстрация в пользу лозунгов большевизма и против политики съездовского большинства.

Повод для непосредственного конфликта между съездовским большинством и петербургскими революционными рабочими носил случайный характер: события на даче Дурново. Революционные рабочие Петрограда превосходно понимают, что нельзя в какой бы то ни было мере защищать нелепые и вредные затеи анархистов—в роде захвата «Русской Воли», освобождения уголовных преступников и т. п. Но они не могут одобрить таких способов расправы, какие были применены на даче Дурново в ночь на 19 июня: разгром помещения профессиональных союзов, пролитие крови, аресты без разбора и т. д.

Питерские рабочие знают, что, одобряя эти расправы, «социалистические» министры пляшут под дудку капиталистов и прямо выполняют программу, которую в течение двух недель развивал главный орган буржуазной контр-революции — газета «Речь».

Питерские рабочие видели, что, когда меньшевики и эс-эры хотели, они находили пути для ликвидации анархистских выходов *без* пролития крови: таков был случай с нападением на «Русскую Волю». И чувствуя, зная, что контр-революция подняла голову, сознавая громадную опасность с этой стороны, революцион-

ные пролетарии Петрограда рвутся на улицу, стараются сорганизовать отпор наглеющей контр-революции.

Всего этого совершенно не поняло и не захотело понять съездовское большинство. Настроения петроградских революционных рабочих, душа всего питерского движения последних дней,— все это осталось для съездовского большинства книгой за семью печатями. Для господ «социалистических» министров и для поддерживающего их большинства конфликт съезда с петроградскими рабочими показался только удобным поводом лишний раз обрушиться со вздорными обвинениями на большевиков, потратить еще один день на произнесение грозных (но от этого не делающихся менее смешными) филиппик против зловердных большевиков.

Это печально, но это факт: в день, когда буржуазная шваль разгуливала по Невскому с трехцветными флагами, на завтра после того, как из Пересыльной тюрьмы и арестного дома невидимая рука освободила как раз в день революционной демонстрации 460 уголовных преступников, через несколько часов после разгрома помещений профессиональных союзов на даче Дурново—как раз в это время Всероссийский Съезд, забывши даже о существовании контр-революции, громил... кого же?.. представителей громадного большинства петроградских рабочих и революционных солдат!

И сколько закоружлости, бюрократизма, непонимания проявили при этом представители съездовского большинства! Надо было слушать самовлюбленную речь министра Чернова, который цеплялся за каждый неудачный оборот рабочих ораторов, превращал спор в чисто словесный турнир и обнаруживал при этом полную, абсолютную неспособность подслушать пульс жизни, бьющийся в движении питерских рабочих, полную и абсолютную неспособность понять душу революционных пролетариев.

А отдельные делегаты подымались один за другим на трибуну, чтобы бросать петроградским рабочим самые... неумные, самые ограниченные упреки.

— У вас анархия, у вас нет никакой организации, нам надоело заниматься вашими питерскими беспорядками, вы серая масса, вы говорите по шпаргалке таких-то большевистских имярек, провинция призовет вас к порядку, вы защищаете уголовных, вы идете против революционной армии.—Только такие слова нашлись у съездовского большинства для петроградских рабочих.

И надо было слышать, с какой горечью присутствовавшие представители десятков крупнейших питерских фабрик и заводов говорили об этих поучениях съездовского большинства. Надо было слышать это, чтобы понять, в какой мере съезд говорит на различных языках с революционным авангардом России...

Мы понимаем горечь, мы понимаем возбуждение питерских рабочих. Но мы говорим им: товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразно. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции. Ближайшее время принесет крах политике правящих партий меньшевиков и эс-эров, которым верит еще большинство народа. Необходимо суметь выждать этого времени. Силы нашей партии, силы интернационализма растут. В Петрограде мы завоевали большинство. Давайте бороться за то, чтобы в первую очередь *рабочая секция Петроградского Совета Раб. и Солд. Депутатов* стала нашей крепостью. Во многих местах рабочие эс-эры и меньшевики начинают переходить на нашу сторону. *Проводите перевыборы всюду, где представители фабрик и заводов не выражают мнения большинства рабочих.* Делайте то же самое в воинских частях. Сплачивайте ряды и вербуйте новых сторонников нашей партии. Объясняйте рабочим и солдатам, откуда взялось мелко-буржуазное большинство на съезде. Разъясняйте, что новая революция, главным носителем которой будет рабочий класс, зреет и созреет неминуемо...

*«Правда» № 87,
21 июня 1917 г.,
без подписи автора.*

Куда привели революцию эс-эры и меньшевики?

Они привели ее к подчинению империалистам.

Наступление есть возобновление империалистской войны. Ничего существенного не изменилось во взаимоотношении двух гигантских союзов капиталистов, воюющих друг с другом. Россия и после революции 27 февраля осталась во всевластном обладании капиталистов, связанных союзом—и прежними, царскими, тайными договорами—с англо-французским империалистским капиталом. И экономика и политика продолжаемой войны те же, что были прежде: тот же империалистский банковый капитал царит в хозяйственной жизни; те же тайные договоры, та же внешняя политика союзов одной группы империалистов против другой группы империалистов.

Фразы меньшевиков и эс-эров остались и остаются фразами, которые на деле только слащаво подкрашивают возобновление империалистской войны, вполне естественно встречающее восторженный вой одобрения всех контр-революционеров, всей буржуазии и Плеханова, «петушком поспевающего за буржуазной прессой», как выражается «Рабочая Газета» меньшевиков, сама петушком поспевающая за всей оравой социал-шовинистов.

Не надо забывать лишь своеобразных отличительных черт данного, теперешнего возобновления империалистской войны. Возобновление началось после трехмесячных колебаний, когда рабочие и крестьянские массы тысячи раз выражали осуждение захватной войне (в то же время продолжая на деле поддерживать правительство захватно-грабительской буржуазии в России). Массы колебались, как бы собираясь исполнить у себя дома тот совет, который в воззвании к народам всего мира от 14 марта давался *чужим* народам, «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках *банкиров*». А у нас, дома, в «революционно-демократической» России, массы остались на деле именно орудием захвата и насилия в «руках банкиров».

Своеобразие такого положения состоит в том, что создано оно, при сравнительно очень большой свободе организации масс, партиями эс-эров и меньшевиков. Именно эти партии завоевали себе большинство в данный момент: Всеросс. Съезд Советов и Всеросс. Крестьянский Совет безусловно доказали это.

Именно эти партии ответственны теперь за политику России.

Именно эти партии ответственны за возобновление империалистской войны, за новые сотни тысяч жертв, фактически приисосанных «одолению» одних капиталистов другими капиталистами, за новое обострение разрухи, неизбежно вытекающее из наступления.

Мы имели перед собой в самом чистом виде самообман мелкобуржуазных масс и обман их буржуазией—при помощи эс-эров и меньшевиков. На словах обе эти партии—«революционная демократия». На деле они, именно они вручили судьбу народа контр-революционной буржуазии, кадетам, именно они отошли в сторону от революции к продолжению империалистской войны, в сторону от демократии к «уступкам» кадетам в вопросе о власти (возьмите хоть «утверждение» сверху выборных местным населением властей) и в вопросе о земле (отказ и меньшевиков, и эс-эров от их собственной программы: поддержка революционных

выступлений крестьян *вплоть до конфискации* помещичьих земель) и в вопросе национальном (защита кадетского антидемократизма в отношении к Украине и Финляндии).

Мелко-буржуазные массы не могут не колебаться между буржуазией и пролетариатом. Так было во всех странах, особенно в 1789—1871 годах ¹⁵⁷⁾. Так идет дело и в России. Меньшевики и эс-эры *повели массы* к подчинению политике контр-революционных буржуа.

В этом суть положения. В этом значение наступления. В этом своеобразие: не насилие, а доверие к эс-эрам и меньшевикам сбило народ с пути.

Надолго ли?

Не надолго. Массы научатся собственным опытом. Печальный опыт нового (теперь начатого) этапа войны, новой, обостренной наступлением, разрухи неизбежно поведет к *политическому* краху партий эс-эров и меньшевиков. Задача пролетарской партии в первую голову помочь массам осознать и правильно учесть этот опыт, правильно *подготовиться* к этому великому краху, который покажет массам их настоящего вождя: организованный городской пролетариат.

«Правда» № 88.

22 июня 1917 г.,

без подписи автора.

Можно ли запугать рабочий класс „якобинством“?

Орган «социалистической мысли» (не шутите!), буржуазный и шовинистский «День», возвращается в № 91 к действительно интересной передовице «Речи» от 18 июня. «День» совсем не понял этой передовицы, в которой выступил как раз *историк* рядом с озлобленным контр-революционным буржуа. «День» вычитывает из передовицы «твердо» определившееся намерение кадетов выйти из «коалиционного правительства».

Это пустяки. Кадеты грозят, чтобы запугать Церетели и Черновых. Это не серьезно.

Серьезно и интересно то, как, с точки зрения историка, ставил 18 июня вопрос о власти передовик «Речи».

«Если,—писал он,—при прежнем составе правительства возможно было хотя некоторое руководство ходом русской революции, то теперь, видимо, ей суждено развиваться далее по стихий-

ным законам всех революций»... «Вопрос о нецелесообразности дальнейшего существования не оправдавшей себя правительственной комбинации ставится уже не одними большевиками» (это заметьте: *не* одними большевиками!) «...и не одним только большинством Совета»... «Вопрос должен быть поставлен и самими министрами-капиталистами».

Правильное признание историка, что *не* одни большевики, а все взаимоотношения классов, вся жизнь общества поставила на очередь вопрос о «нецелесообразности дальнейшего существования не оправдавшей себя правительственной комбинации». Колебания— такова действительность. Наступление—возможный выход к победе империалистской буржуазии. Другой возможный выход?

Историк в «Речи» отвечает на этот последний вопрос:

«Взяв «всю власть», Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнять недостаток власти испытанными в истории младотурецкими или якобинскими приемами... Захотят ли они, поставив вновь весь вопрос, скатиться вниз до якобинства и террора, или сделают попытку умыть себе руки? Вот тот очередной вопрос, который должен решиться на-днях».

Историк прав. На-днях или не на-днях, но вскоре должен решиться именно этот вопрос. *Либо* наступление, поворот к контрреволюции, успех (надолго ли?) дела империалистской буржуазии, «умывание рук» Черновым и Церетели.

Либо—«якобинство». Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом, потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами, и потому, что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог.

«Якобинство» в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое,

незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся.

Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному, угнетенному, классу, ибо в этом суть якобинства — единственный выход из кризиса, избавление от разрухи и от войны.

«Правда» № 90,
24 июня 1917 г.,
без подписи автора.

О необходимости основать союз сельских рабочих России.

(Статья первая).

Перед заседающей теперь в Питере всероссийской конференцией профессиональных союзов должен быть поставлен один чрезвычайной важности вопрос. Это — вопрос об основании всероссийского союза *сельских рабочих*.

Все классы России организуются. Более всех эксплуатируемый, беднее всех живущий, наиболее раздробленный и задавленный, класс сельско-хозяйственных наемных рабочих России как бы забыт. В некоторых нерусских окраинах, напр., в латышском крае, существуют организации сельско-хозяйственных наемных рабочих. В громадном большинстве великорусских и украинских губерний классовых организаций сельского пролетариата нет.

Величайший и безусловный долг передового отряда пролетариев России — профессиональных союзов промышленных рабочих — прийти на помощь своим братьям, сельским рабочим. Трудности организации сельских рабочих огромны — это очевидно, и опыт всех капиталистических стран подтверждает это.

Тем необходимее как можно скорее и как можно энергичнее взяться за использование политической свободы в России и немедленно основать всероссийский союз сельских рабочих. Именно конференция профессиональных союзов может и должна сделать это. Именно более опытные, более развитые, более сознательные представители пролетариата, собравшиеся теперь на конференцию, могут и должны кликнуть клич по адресу сельских рабочих, позвать их к себе, в ряды самостоятельно организующихся пролетариев, в ряды их профессиональных союзов. Именно наемные рабочие фабрик должны взять на себя почин, использовать раз

брошенные по всей России ячейки, группы, отделения профессиональных союзов, дабы пробудить сельского рабочего к самостоятельной жизни, к деятельному участию в борьбе за улучшение своего положения, к отстаиванию своих классовых интересов.

Многим покажется, вероятно, и таково будет даже, пожалуй, преобладающее мнение в данный момент, что именно теперь, когда крестьянство организуется по всей России, провозглашая отмену частной собственности на землю и «уравнительное» пользование ею, образование профессионального союза сельских рабочих несвоевременно.

Как раз наоборот. Именно в такое время оно особенно своевременно и безотлагательно необходимо. Для тех, кто стоит на классовой, пролетарской точке зрения, не может быть сомнения в правильности положения, принятого на Стокгольмском съезде Российской Соц.-Дем. Раб. Партии в 1906 году ⁶⁸⁾ меньшевиками, по инициативе большевиков, и вошедшего с тех пор в программу Р. С.-Д. Р. П. Это положение гласит:

«Партия во *всех* случаях и при *всяком* положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей *неуклонно* стремиться к *самостоятельной классовой* организации *сельского пролетариата*, разъясняя ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой сельского хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию».

Нет ни одного сознательного рабочего, ни одного члена профессиональных союзов, который бы не признал правильность этих положений. Проводить их в жизнь, поскольку дело касается *самостоятельной классовой организации сельского пролетариата*,— дело именно профессиональных союзов.

Мы надеемся, что именно в революционное время, когда среди трудящихся масс вообще, среди рабочих особенно, живо стремление проявить себя, пробить себе дорогу, не дать устроить жизнь по-новому без самостоятельного решения вопросов труда самими рабочими,—именно в такое время профессиональные союзы не замкнутся в узкие цеховые интересы, не забудут о своих более слабых братьях, сельских рабочих, а со всей энергией

придут им на помощь основанием союза сельских рабочих России.

В следующей статье мы попытаемся наметить некоторые практические шаги в этом направлении.

Статья вторая.

В предыдущей статье мы остановились на принципиальном значении вопроса о союзе сельских рабочих России. Теперь коснемся некоторых практических сторон этого вопроса.

К союзу сельских рабочих России должны бы принадлежать все, занятые преимущественно или главным образом *или хотя бы отчасти* наемной работой в сельско-хозяйственных предприятиях.

Будет ли необходимость подразделяться таким союзам на союзы чистых сельско-хозяйственных рабочих и на союзы рабочих, лишь отчасти являющихся наемными рабочими, покажет опыт. Это во всяком случае не существенно. Существенно то, что основные классовые интересы *всех*, кто продает свою рабочую силу, однородны и что сплочение вместе *всех*, кто извлекает хоть часть средств к жизни от работы по найму «в чужих людях», безусловно необходимо.

Наемные рабочие городов, фабрик, заводов связаны тысячами и миллионами нитей с наемными рабочими деревни. Призыв со стороны первых ко вторым не может пройти бесследно. Но дело не должно ограничиться одним призывом. Рабочие городов имеют гораздо больше опыта, знаний, средств и сил. Надо прямо *отдать часть этих сил* на то, чтобы *помочь подняться* сельским рабочим.

Надо назначить один день, заработок с которого все организованные рабочие должны отдать на развитие, укрепление всего дела объединения наемных рабочих города и деревни. Пусть определенная часть этой суммы всецело пойдет на помощь от городских рабочих делу классового объединения сельских рабочих. Пусть из этого фонда будут покрыты расходы на издание ряда самых популярных листовок, на издание—хотя бы еженедельной для начала—газеты сельских рабочих, на посылку хотя бы небольшого числа агитаторов и организаторов в деревню *для немедленного основания* в различных местностях союзов сельско-хозяйственных наемных рабочих.

Только собственный опыт таких союзов поможет найти верный путь для дальнейшего развития дела. Первой задачей каждого такого союза должно быть улучшение положения тех, кто про-

дает свою рабочую силу в сельско-хозяйственные предприятия, завоевание более высокой платы, лучших условий помещения, питания и т. д.

Надо объявить самую решительную борьбу против того предвзвешенного, будто предстоящая отмена частной собственности на землю способна «дать землю» всякому батраку и поденщику, подорвать самые корни наемного труда в земледелии. Это предвзвешенное и предвзвешенное крайне вредное. Отмена частной собственности на землю есть громадное и безусловно прогрессивное, безусловно отвечающее интересам экономического развития и интересам пролетариата преобразование, которое всякий наемный рабочий всей душой и всеми силами поддержит, но которое несколько еще наемного труда не устраняет.

Земли есть нельзя. На земле хозяйничать без скота, орудий, семян, без запаса продуктов, без денег нельзя. Полагаться на «обещания», от кого бы они ни исходили,—обещания, что наемным рабочим в деревнях «помогут» обзавестись скотом, орудиями и пр.,—было бы худшим заблуждением, непростительной наивностью.

Основное правило, первая заповедь всякого профессионального движения: не полагайся на «государство», полагайся только на *силу своего класса*. Государство есть организация господствующего класса.

Не полагайся на обещания,—полагайся только на силу объединения и сознательности своего класса!

Задачей профессионального союза сельских рабочих должно быть поставлено поэтому сразу—не только борьба за улучшение положения рабочих вообще, но и в особенности *отстаивание их интересов, как класса*, при предстоящем великом земельном преобразовании.

«Рабочие руки должны быть переданы в распоряжение волостных комитетов»,—так рассуждают часто крестьяне и эс-эры. Точка зрения класса сельско-хозяйственных наемных рабочих как раз обратная: в распоряжение «рук» должны попасть волостные комитеты! Хозяйская позиция и позиция наемного рабочего таким противопоставлением выясняются отчетливо.

«Земля всему народу». Это правильно. *Но народ делится на классы*. Каждый рабочий знает, видит, чувствует, переживает эту истину, умышленно затираемую буржуазией и *постоянно забываемую мелкой буржуазией*.

В одиночку беднякам никто не поможет. Никакое «государство» не поможет наемному рабочему в деревне, батраку, поденщику,

беднейшему крестьянину, полупролетарию, *если он сам себе не поможет*. Первый шаг для этого—самостоятельная классовая организация сельского пролетариата.

Пожелаем, чтобы всероссийская конференция профессиональных союзов с величайшей энергией взялась за это дело, кликнула клич по всей России, протянула руку помощи, могучую руку организованного авангарда пролетариев, пролетариям деревни.

*«Правда» № № 90 и 91,
24 и 25 июля 1917 г.,
за подписью Н. Ленин.*

Расхлябанная революция.

«Большевики во всем виноваты»—в этом согласны и кадеты, руководящие контр-революцией, и «социалисты-революционеры» с меньшевиками, называющие себя «революционной демократией» по случаю каждодневных отступлений этого милого блока от демократизма и от революционности.

«Большевики во всем виноваты»—и в растущей разрухе, против которой ничего не делается, и в плохом положении дела продовольствия, и в «неудаче» Вр. Правительства с Украиной и Финляндией. Можно подумать, пожалуй, что в среду скромных, умеренных, осторожных финнов забрался какой-нибудь злой большевик и «смутил» целый народ!

Всеобщий вой злобы и бешенства против большевиков, грязная кампания клеветы грязных господ Заславских и анонимов из «Речи» и из «Рабочей Газеты»,—все это лишь неизбежное у представителей расхлябанной революции стремление «сорвать сердце» по поводу ряда «неудач» их политики.

Кадеты—партия контр-революционной буржуазии. Это признал и правящий в России блок эс-эров с меньшевиками, который заявил в резолюции Съезда Советов, что сопротивление имущих классов растет и составляет основу контр-революции. И в то же время этот блок, ежедневно обвиняемый «Речью» за бесхарактерность, сам, в свою очередь, находится в блоке с кадетами, и при том, в самом оригинальном блоке, закреплённом составом Вр. Правительства!

Два блока—вот кто правит Россией, блок эс-эров с меньшевиками и блок этого блока с кадетами, которые в блоке со всеми, стоящими правее их, политическими партиями. Расхлябанность

революции проистекает отсюда неизбежно. Ибо все части этого правящего «блока блоков»—расхлябанные.

Кадеты сами не верят своему республиканизму, и не верят ему кольми паче октябристы и монархисты прочих цветов, ныне прячущиеся за кадета и голосующие за него. Кадеты не верят «социал-блоковцам», охотно употребляя посланных от них министров «на посылки»—для всяких «успокаиваний», но в то же время злобствуя, шипя и негодуя по поводу «требовательности» той массы крестьян и, частью, рабочих, которая сейчас доверилась эс-эрам и меньшевикам ради их пышных обещаний («удовлетворить трудящихся, не обидев капиталистов»), но которая имеет наглость ожидать и требовать действительного выполнения этих обещаний!

Социал-блоковцы не верят друг другу: эс-эры не верят меньшевикам и обратно. До сих пор сколько-нибудь ясно, открыто, принципиально ни одна «дражайшая половина» не решилась заявить перед всеми, официально, как, почему, во имя чего, до каких пределов объединились сторонники струвистски-конструированного «марксизма» и сторонники «права на землю». Трещит по всем швам единство даже внутри каждой отдельной из этих «дражайших половин»: у эс-эров их съезд 136 голосами против 134 «прокатил» Керенского, что вызвало уход из Ц. К. самой «бабушки» и разъяснение Ц. К. о том, будто не выбрали Керенского исключительно ввиду его переобремененности (не в пример Чернову) министерскими обязанностями. «Правые» эс-эры в «Воле Народа» ругают свою партию и ее съезд, левые ютятся в «Земле и Воле», дерзая говорить о том, что массы не хотят войны, продолжают считать ее империалистской.

У меньшевиков правое крыло перекочевало в «День», возглавляемое Потресовым, которого «ласкает взорами любви» само «Единство» (бывшее вчера еще в блоке со всей партией меньшевиков на выборах в Питере). Левое крыло сочувствует интернационализму и основывает свою газету. Блок банков с Потресовыми через газету «День», блок всех меньшевиков, вплоть до Потресова и Мартова, через «единую» меньшевистскую партию.

Это ли не расхлябанность?

«Оборончество» плохо скрывает эту расхлябанную революцию, ибо даже теперь, даже после возобновления империалистской войны, даже при угаре восторгов, вызванных наступлением, обострилось «наступление» сторонников Потресова на противников его в одном союзе, сторонниками Керенского на противников его—в другом.

«Революционная демократия» не верит больше в революцию, боится демократии, опасается больше всего на свете разрыва с англо-французскими капиталистами, опасается недовольства капиталистов русских. («Наша революция буржуазная» — в эту, забавно изуродованную Даном ¹⁵⁹), Церетели и Скобелевым, «истину» уверовал «сам» министр Чернов.) Кадеты ненавидят революцию и демократию.

Это ли не расхлябанность?

Всеобщий дикий вой злобы и бешенства против большевиков есть общая жалоба кадетов, эс-эров и меньшевиков на свою собственную расхлябанность.

Они в большинстве. Они у власти. Они все в блоке друг с другом. И они видят, что — у них ничего не выходит!! Как же не злобствовать на большевиков?

Революция поставила вопросы необычайной трудности, гигантской важности, мирового размаха. Ни сладить с разрухой, ни вырваться из ужасных тисков империалистской войны нельзя без самых решительных, на беззаветный героизм угнетенных и эксплуатируемых масс рассчитанных, революционных мер, без доверия и поддержки этими массами своего организованного авангарда — пролетариата.

Массы пробуют пока поискать выхода «полегче»: через блок кадетов с блоками эс-эров и меньшевиков.

Выхода не оказывается

*«Правда» № 91,
25 июня 1917 г.,
без подписи автора.*

Капиталисты за работой.

Не покладая рук работает «Сормовское акцион. общество» на «оборону». В поте лица трудятся директора этого учреждения... для получения поставок и заказов. День и ночь хлопочут г.г. главные бухгалтера с-ва (куда там 8-часовой рабочий день), сводя «прибыли и убытки».

Акционерное о-во «Сормово» только что опубликовало свой годовой отчет за 1916 операционный год. Заглянем в него, посмотрим, как оплачивается там «патриотизм» г.г. акционеров. Оказывается, что выдача в дивидент достигла в этом году $17\frac{1}{2}\%$.

Но это не значит, что сормовские акционеры получили только эти $17\frac{1}{2}\%$. Настоящая прибыль общества в несколько раз выше. В самом деле, обратимся к цифрам:

Основной капитал о-ва	15.000.000 р.
Чистый доход в 1916 г.	10.550.666 »
Выдано в дивиденд	2.625.000 »

Итак, только $\frac{1}{4}$ чистого дохода пошла в дивиденд. Остальное... распределено по разным рубрикам баланса, чтобы замаскировать действительную прибыль.

Так почти половина всей чистой прибыли, 4.837.000 руб., списана в погашение имущества. Затем идут другие ухищрения, скрыты настоящие барыши.

Происходят разные отчисления, сверх-программные списывания, лишь затем, чтобы не пришлось *выдавать слишком скандальных дивидендов*, хотя и $17\frac{1}{2}\%$ —прибыль достаточно скандальная.

Орудуйте, господа, представляйте вместо отчетов загадочные картинки—революционный рабочий класс не перестанет разоблачать ваши грабительские барыши, нажитые на всеобщем народном бедствии.

*«Правда» № 91,
25 июня 1917 г.,
за подписью В. П.*

Почему нужен контроль над производством.

I. О доходах капиталистов и заработке рабочих.

В самое последнее время чуть ли не на каждом шагу приходится слышать от фабрикантов, заводчиков, профессоров, бывших кадетских министров Кутлеров и вообще от всякой «чистой публики» из богатых кварталов города, что рабочие слишком распустились, что они зарабатывают теперь больше своих хозяев, что они требуют невозможного, что благодаря чрезмерным требованиям рабочих промышленники должны закрывать свои заводы и фабрики и так далее без конца. Одним словом, стараются доказать, что в промышленном кризисе и продовольственной разрухе, идущей теперь за этим кризисом, виноваты не хозяева, не те, кто до сих пор и совместно и в полном согласии со старой Романовской шайкой и без нее, хозяйничали в стране, а те, кто не мог до сих пор не только ничего сделать, но и слова сказать не мог, чтобы за

него не поплатиться тюрьмой и другими карами. Поэтому хочу привести несколько фактов, вернее цифр, из которых читатель сам увидит, как разоряются наши капиталисты и как богатеют рабочие.

Перед нами имеется напечатанный в газете «Речь» от 18 мая отчет за 1916 год Общества Коломенского Машиностроительного завода. На основной капитал в 15.000.000 руб. с облигационным капиталом (т.-е. взятым взаймы у других капиталистов и банкиров) в 482.500 р., общая прибыль за год равна 7.482.832 р. 35 коп., т.-е. около 50% (48,33%). Это означает, что, не ударяя пальца о палец, каждый рубль приносил капиталистам доход в 50 коп. в год.

Чтобы понять, как высока эта прибыль, нужно сказать, что банки больше 4—6 коп. на рубль в год не платят, что государственные займы (когда государственное казначейство занимает деньги у своих или иностранных капиталистов), по которым платят по 5¹/₂ коп. за рубль в год процентов, считаются самыми выгодными, и капиталисты охотно помещают свои капиталы в такие займы.

Правда, что капиталисты Коломенского О-ва Машиностроительного завода не разделили между собой всю эту прибыль: они взяли себе около 16 к. (15,6) на рубль. Но и эта прибыль в три раза больше, чем платят банки и правительства на государственных займах. Но что же они сделали с остальными деньгами? Может быть, они распределили их между рабочими этого завода в виду вздорожания жизни? Нет, ничуть не бывало. Они отчислили 3.104.195 р. 36 к. в капитал погашения имущества, на новые сооружения на заводе—900.000, на вознаграждение членов правления—того полудесятка капиталистов, которые ворочают делами завода—515.138 р. 50 к. и т. д.

Верно, имущество изнашивается: машины со временем стареют, их, в конце-концов, нужно будет заменить новыми. Отчислять для этого надо, но посмотрим, как капиталисты на это отчисляют.

Основной капитал, который был вложен в завод, состоит из 15 милл. руб., взаймы (облигационный капитал) у других капиталистов взято 482.500 руб. Всего значит 15.482.500 р. Этот капитал больше не увеличивался: капиталисты собственники завода из своего кармана туда ничего не добавляли. А капитал погашения имущества, который составляется из ежегодных отчислений из прибыли, без отчисления в него за 1916 год, уже составляет 15.017.158 р. 39 к. Но имеются и еще капиталы, кото-

рые также составляются из ежегодных отчислений из прибыли. Имеется капитал запасный в 3.882.952 р. 97 к.; особый фонд в распоряжении г.г. акционеров—360.000 р.; капиталы, оставленные в резерве—508.870 р. 06 к. Если сложить вместе эти капиталы, то получится 19.768.981 р. 42 к. С прибавкой к этому отчислению за 1916 г. в 4.004.195 р. 36 к. получим 23.772.176 р. 78 коп.

Таким образом, капиталы, которые составились из ежегодных отчислений из прибыли, более чем в полтора раза (154%) превышают тот основной капитал, который был вложен капиталистами в их предприятие. Это означает, что на каждый рубль, помимо крупных прибылей, которые они получали ежегодно,росло еще и по 1 р. 54 к. Часть каждого капиталиста (или, как говорят, каждая акция) стала в $2\frac{1}{2}$ раза больше своей первоначальной величины. Если теперешние акционеры решат увеличить основной капитал завода и выпустят новые акции, они за каждую 100-рублевую акцию назначат цену в 250 р., как это обыкновенно делается.

Но можно подумать, что это исключительный случай, что это металлургический завод, работающий на «оборону», имеющий казенные заказы, а казенные заказы—самые выгодные для заводов. Что на «обороне» страны наши заводчики прекрасно живут—это верно, но и дела других капиталистов обстоят не хуже капиталистов-«оборонцев»: они все очень хорошо «спасают отечество» и доводят свою «победу до конца».

Перед нами еще один отчет за 1916 г. Страхового О-ва «Волга». Основной капитал 1 милл. руб.,—прибыль—1.657.161 р. 55 коп., что составляет около 1 р. 66 к. (166,7%) дохода на каждый рубль основного капитала. После всех отчислений, акционеры разделили между собой (выдали в дивиденд) 400.000 р., т.-е. 40 к. (40%) на каждый рубль основного капитала и еще оставили остаток в 28.735 р. 26 к. в счет прибыли будущего года.

У этого общества нет имущества, которое изнашивалось бы и которое нужно было бы заменить со временем новым, и у него нет поэтому капитала погашения. Зато имеется запасный капитал, который составляется из ежегодных отчислений из прибыли. До этого года его было 365.553 р. 92 к., с прибавкой отчисления в него за этот год в 281.672 р. 06 к. будет 647.225 р. 93 к. А если мы к этому прибавим еще резервный капитал в 106.156 р. 18 к. и остаток прибыли, оставленный на будущий год, то получим—782.117 р. 37 к., что составляет 78,21% основного капитала.

Таким образом и на примере этого отчета видно, что помимо крупных доходов (в 40⁰/₀), получаемых ежегодно капиталистами, их основной капитал под разными видами почти удвоился.

Таких отчетов можно привести сколько угодно, из всех отраслей промышленности, страховых, паровозных, транспортных и др. обществ, банков и т. п. Но есть и еще один показатель, по которому и можно судить, хорошо или плохо идут дела наших промышленников и банкиров.

Когда дела идут плохо и доходы предприятий не велики, капиталисты не стараются вкладывать в эти предприятия новые капиталы: они ищут тогда более прибыльных источников для своих капиталов. Поступают ли они так теперь?

Общее собрание акционеров этого же Страхового общества «Волга» от 29 марта постановило «возбудить ходатайство о разрешении довести основной капитал общества до 4-х милл. рублей», т.-е. увеличить его в четыре раза. Акционерные общества: цементного завода «Ассерин» выпускает 50.000 новых акций на 5 милл. руб.; механич. и трубозаводов «Промет»—20.000 новых акций на 2 милл. р.; химич. произв. «Дембор»—15.000 акций на 1½ милл. р.; Боково-Хрустальных антрацитных копей—60.000 нов. акций на 6 милл. руб.; Северных механических заводов в Петрограде—40.000 акций на 4 милл. р.; т-ва петроградского вагоностроит. завода—140.000 нов. акций на 14 милл. руб.; О-во производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь»—75.000 акций в 100 р. каждая на 7,5 милл. р.; а выпускная цена акций назначается в 180 р. и действительное увеличение капитала будет не на 7,5, а на 13,5 милл. руб.; московский промышленный банк—40.000 акций в 250 р. каждая на 10 милл. руб. нарицательных, а выпускная цена акций—405 р.; действительное увеличение капитала—16.200.000 р.

Таким образом 9 разных акционерных компаний увеличивают свой основной капитал на 54 милл. руб. (в действительности это увеличение гораздо больше).

Из величины прибылей и колоссального и поголовного увеличения основного капитала ясно видно, как наши капиталисты «разоряются».

Посмотрим же теперь, как «богатеют» рабочие ¹⁶⁰).

*«Правда» № 91,
25 июня 1917 г.,
без подписи автора.*

Чудеса революционной энергии.

Наши почти-социалистические министры развивают почти невероятную энергию. Пешехонов объявил, что «сопротивление капиталистов, видимо, сломлено» и что будет у нас, на святой Руси, распределяться «равномерно» все, что есть. Скобелев объявил, что у капиталистов будут брать 100% прибыли. Церетели объявил, что наступление в империалистской войне—справедливейшая вещь с точки зрения демократии и социализма.

Но рекорд всех этих проявлений чудесной энергии побил, несомненно, министр Чернов. В последнем заседании Врем. Правительства Чернов заставил г.г. кадетов заслушать его доклад об общей политике порученного ему ведомства и заявил, что вносит целых *десять* законопроектов!

Это ли не чудеса революционной энергии? После 6-го мая прошло менее 6 недель, и за такой короткий срок *обещаны* целых 10 законопроектов! И каких законопроектов! Министерское «Дело Народа» сообщает, что они «общей совокупностью своей охватывают все основные проявления хозяйственной жизнедеятельности деревни».

Не больше и не меньше, как «все проявления»... Как божиться-то не лень?

Одно подозрительно: свыше 100 строк посвящает министерская газета перечню *некоторых* из этих великолепных законопроектов, *ни об одном* не давая ничего ясного. «Приостановка действия некоторых узаконений о крестьянах»... каких, неизвестно. Законопроект «о примирительных камерах»—самый интересный. Кого с кем и как мирить, неизвестно. «Регулирование аренды отношений»—полная темнота; неизвестно даже, идет ли речь об аренде помещичьих земель, кои обещано экспроприировать без выкупа.

«Реформа в смысле большей демократизации местных земельных комитетов»... Не лучше ли было бы, господа сочинители широковещательных обещаний, дать немедленно перечень хотя бы десятка местных земельных комитетов с точным указанием их теперешнего, после-революционного и все же, по вашему собственному признанию, не вполне демократического, состава?

В том-то и суть, что кипучая деятельность министра Чернова, как и остальных названных выше министров, является наилучшей иллюстрацией различия между либеральным чиновником и революционным демократом.

Либеральный чиновник «начальству», т.-е. господам Львову, Шингареву и К^о, читает обширнейшие доклады о сотнях законопроектов, долженствующих облагодетельствовать человечество, а народу... народу он предподносит только краснбайство, обещания. Ноздревские фразы (вроде 100% прибыли или «социалистического» наступления на фронте и т. п.)

Революционный демократ всякое зло, всякий недостаток—одновременно со внесением доклада по «начальству» и даже раньше, чем вносить его,—раскрывает, разоблачает перед народом, апеллируя к его энергии.

«Крестьяне, разоблачайте помещиков, разоблачайте, сколько берут они с вас под видом «арендной платы», сколько оттягали они в «примирительных камерах» или в местных земельных комитетах, сколько придинок или препятствий чинят делу распашки всех земель, делу использования на нужды народа и особенно беднейшей его части помещичьего инвентаря! Разоблачайте это сами, крестьяне, а я, «министр революционной России», «министр революционной демократии», *помогу* вам всякое такое разоблачение печатать, всякое притеснение устранять и вашим напором снизу и моим напором сверху!!! Не так ли говорил бы и действовал настоящий «революционный демократ»?

Где уж тут! Что уж тут! Вот каким языком пишет министерская газета о «докладе» Чернова господам Львову и К^о. «Не отрицая наличности целого ряда аграрных эксцессов в некоторых губерниях, В. М. Чернов считает, что в общем и целом деревенская Россия оказалась гораздо уравновешеннее, чем этого можно было ожидать»...

А об единственном, ясно названном законопроекте—«приостановка купли-продажи земли»—не сказано ни словечка о том, почему же он *приостановлен!* Ибо крестьянам давно обещали немедленно приостановить куплю-продажу, обещали еще в мае, а 25-го июня печатают, что Чернов читал «доклад» и что «окончательного постановления» Вр. Правительство «еще не вынесло»!!!

*«Правда» № 92,
27 июня 1917 г.,
без подписи автора.*

Классовый сдвиг.

Всякая революция, если это—настоящая революция, сводится к классовому сдвигу. И поэтому лучший способ прояснения сознания масс,—а также борьбы с обманом масс посредством бож-

бы революцией—состоит в разборе того, какой именно классовый сдвиг в данной революции произошел и происходит.

В 1904—1916 г.г. особенно рельефно обрисовалось соотношение классов в России за последние годы царизма. Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики.

Либеральная буржуазия, с кадетами во главе, была в оппозиции. Боясь народа больше, чем реакции, она пододвигалась к власти путем соглашательства с монархией.

Народ, т.-е. рабочие и крестьянство, с вожаками, загнанными в подполье, был революционным, представлял из себя «революционную демократию», пролетарскую и мелко-буржуазную.

Революция 27 февраля 1917 года смела монархию и поставила у власти либеральную буржуазию. Эта последняя, действуя в прямом соглашении с англо-французскими империалистами, хотела маленького дворцового переворота. Ни в каком случае дальше цензовой конституционной монархии идти она не хотела. И когда революция на деле пошла дальше, к полному уничтожению монархии и к созданию «Советов» (Раб., солд. и крест. депутатов), либеральная буржуазия стала сплошь контр-революционной.

Теперь, четыре месяца спустя после переворота, контр-революционность кадетов, этой главной партии либеральной буржуазии, ясна как день. Все ее видят. Все вынуждены признать ее. Но далеко не все согласны посмотреть в лицо этой правде и продумать ее значение.

В России сейчас демократическая республика, управляемая свободным соглашением *политических партий*, свободно агитирующих в народе. Четыре месяца после 27-го февраля вполне сплотили и оформили *все* сколько-нибудь значительные партии, проявили их на выборах (в Советы и в местные учреждения), обнаружили их связь с разными классами.

В России сейчас у власти контр-революционная буржуазия, по отношению к которой «оппозицией ее величества» стала мелко-буржуазная демократия, именно партии эс-эров и меньшевиков. Сущность политики этих партий состоит в *соглашательстве* с контр-революционной буржуазией. Мелко-буржуазная демократия поднимается к власти, заполняя сначала местные учреждения (как либералы при царизме завоевывали сначала земства). Эта

мелко-буржуазная демократия хочет *раздела власти* с буржуазией, а не свержения ее,—совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии. И соглашательство мелко-буржуазной демократии (с.-р-ы и ме-ки) с кадетами так же вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься вокруг «обожаемого» монарха.

Изменилась *форма* соглашения: при монархии она была груба, царь пускал кадета только на задворки Г. Думы. При демократической республике соглашение стало европейски-утонченным: мелких буржуа пускают в безвредном меньшинстве и на безвредные (для капитала) роли в министерство.

Кадеты заняли место монархии. Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место *действительно* революционной демократии.

Несбыкновенно ускорила все развитие империалистская война. Без нее эс-эры и меньшевики могли бы десятки лет вздыхать по министерским местечкам. Но эта же война ускоряет развитие и дальше. Ибо она *ставит* вопросы не реформистски, а революционно.

Партии эс-эров и меньшевиков могли бы дать России не мало реформ по соглашению с буржуазией. Но объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами *не выйдешь*.

Империалистская война давит и раздавит народы. Отсрочить гибель, может быть, в состоянии не надолго мелко-буржуазная демократия. Спасти от гибели в состоянии только революционный пролетариат

«Правда» № 92,
27 июня 1917 г.,
без подписи автора.

Как прячут прибыли господа капиталисты.

(К вопросу о контроле).

Как много говорят о контроле! И как в этом многом *мало* содержания. Как обходят суть дела общими фразами, велеречивыми оборотами речи, торжественными «проектами», которым суждено вечно оставаться проектами.

А суть дела в том, что без отмены коммерческой и банковской тайны, без немедленного издания закона об открытии торговых

книг для рабочих союзов, все фразы о контроле и все проекты контроля—пустейшая словесность.

Вот маленькая, но поучительная иллюстрация к этому. Один товарищ, банковский служащий, сообщает нам следующие данные, показывающие, как прячут прибыль в официальных отчетах.

В «Вестнике Финансов», № 18, от 7 мая 1917 г. опубликован отчет Петроградского Учетного и Ссудного Банка. По этому отчету, чистая прибыль банка показана в сумме 13-ти миллионов рублей (точная цифра=12,96 милл.; мы будем приводить цифры с округлением в тексте, точные же в скобках).

Но, присматриваясь к отчету ближе, сведущий человек сразу увидит, что это *далеко не вся прибыль*, что изрядная часть прибыли хитро спрятана по другим статьям, так что никакой «налог», никакой «принудительный заем» и вообще никакая финансовая мера—без полной отмены коммерческой и банковской тайны—никогда ее не уловит. В самом деле, на счете особого резервного капитала показана сумма 5½ милл. руб. Именно в так называемый резерв или резервный капитал сплошь да рядом записывают прибыль, чтобы скрыть ее. Если я, миллионер, получил 17 милл. рубл. прибыли, из них 5 милл. «резервировал» (т.-е., по-русски, отложил про запас), то мне достаточно записать эти 5 милл., как «резервный капитал», и дело в шляпе! Все и всякие законы о «государственном контроле», «государственном обложении прибыли» и прочее—*обойдены!!*

Далее. На счете поступивших процентов и комиссии показана в том же отчете сумма без малого 1 миллион рублей (825 тысяч). «Спрашивается,—пишет нам банковский служащий,—из каких сумм вообще состоит прибыль банка, если поступившие проценты показаны не на счете прибылей??»

Затем. На счете остатка прибыли прежних лет показана сумма 300 тыс. руб., которая *в общей сумме прибылей не показана!!* Итого, значит, вместе с предыдущим пунктом побольше миллиончика прибыли еще оказалось спрятанным. Равным образом, сумма в 224 тыс. руб. «невыплаченный дивиденд акционерам» тоже в общей сумме прибылей не значится, хотя всякому известно, что дивиденд выплачивается из чистой прибыли.

Далее. В отчете имеется еще сумма в 3,8 миллиона руб.—«переходящие суммы». «Что это за переходящие суммы,—пишет нам товарищ,—трудно определить лицу, не принимавшему непосредственного участия в деле. Можно сказать только одно: под

названием «переходящих сумм» можно скрыть, при составлении отчета, часть прибыли, а потом оттуда перенести «куда следует».

Итог: прибыль показана в размере 13 миллионов рублей, а на деле она, вероятно, от 19 до 24 миллионов—до 80% на основной капитал, составляющий 30 милл. руб.

Не ясно ли, что правительственные угрозы капиталистам, правительственные обещания рабочим, правительственные проекты и законы о взимании 90% прибыли с крупнейших капиталистов—пустышка и ничего более, как пустышка, пока не отменена коммерческая и банковая тайна?

Правда № 94,
29 июля 1917 г.,
без подписи автора.

Кризис надвигается, разруха растет.

Приходится бить в набат ежедневно. Нас упрекали всякие глупые людишки в том, что мы «торопимся» с передачей всей государственной власти в руки Советов Солд., Раб. и Кр. Депутатов, что «умереннее и аккуратнее» было бы чинно «подождать» чинного Учр. Собрания.

Теперь даже наиболее глупые из этих мелко-буржуазных глупцов могут видеть, что *жизнь не ждет*, что «торопимся» не мы, *торопится разруха*.

Мелко-буржуазная трусость, в лице партий эс-эров и меньшевиков, решила: оставим пока дела в руках капиталистов, авось разруха «подождет» до Учр. Собрания!

Факты ежедневно говорят, что разруха, пожалуй, не подождет Учр. Собрания, что крах разразится раньше.

Возьмите хоть сегодня опубликованные факты. Экономический Отдел Исп. Комитета Петр. Совета С. и Р. Деп. постановил «довести до сведения Вр. Правительства», что «металлическая промышленность Моск. района (15 губерний) находится в остро-критическом состоянии», что «заводоуправление Гужона явно дезорганизует производство, сознательно ведет к остановке предприятия», что поэтому «государственная власть» (которую эсеры и меньшевики оставили именно в руках партии Гужонов, партии контр-революционных капиталистов-локаутчиков) «должна взять управление завода в свое заведывание... и предоставить оборотные средства».

Оборотных средств срочно требуется в размере до 5 милл. руб.

Совещание (экон. отдела и делегации отдела снабжения Московского Совета Раб. Дсп.) «обращает внимание Вр. Правительства» (бедное, невинное, детски-несведущее Врем. Правительство! Оно этого не знало! Оно неповинно! Оно узнает, его уговорят, его усостыдят Даны и Череванины, Авксентьевы и Черновы!) «на то, что Московскому заводскому совещанию и врем. бюро комитета снабжения Московского района *уже пришлось воспрепятствовать* приостановке паровозостроительного Коломенского завода, а также заводов Сормовского и Брянского в Бежецке. Тем не менее, Сормовский завод сейчас не работает вследствие забастовки рабочих, и каждый день могут приостановиться остальные заводы».

Катастрофа не ждет. Она надвигается с ужасающей быстротой. Про Донецкий район А. Сандомирский, осведомленный о фактах, несомненно, весьма основательно, пишет сегодня в «Н. Жизни»:

«Безвыходный круг—отсутствие угля, отсутствие металла, отсутствие паровозов и подвижного состава, приостановка производства—все расширяется. А тем временем уголь горит, на заводах накапливается металл, когда там, где он нужен, его не получишь».

Правительство, поддержанное эс-эрами и меньшевиками, прямо *тормозит* борьбу с разрухой. А. Сандомирский сообщает как факт, что Пальчинский¹⁶¹⁾, товарищ министра торговли, фактически коллега Церетели и Черновых, по жалобе промышленников, запретил (!!) «самочинные» (!!) контрольные комиссии—в ответ на анкету Донецкого Комитета о количестве металла.

Подумайте только, что это за дом сумасшедших получается: страна гибнет, народ накануне голода и краха, угля и железа не хватает, хотя добыть их можно, Донецкий Комитет *через Советы* Солд. и Раб. Деп. производит анкету о количестве металла, т.-е. разыскивает железо для народа. А слуга промышленников, слуга капиталистов, министр Пальчинский, в товариществе с Церетели и Черновыми, запрещает анкету. И кризис продолжает расти, катастрофа надвигается еще ближе.

Откуда и как возьмутся деньги? Не ясно ли, что «требовать» по 5 миллионов на завод легко, но надо же понять, что на все заводы потребуется много больше!

Не ясно ли, что без той меры, которую мы с начала апреля требуем и проповедуем, без слияния всех банков в один и без контроля над ними, без отмены коммерческой тайны, денег *достать нельзя?*

Гужоны и прочие капиталисты при содействии Пальчинских «хозяйственно» (это слово принадлежит Экон. Отделу) ведут к остановке предприятий. Правительство на *их стороне*. Церетели и Черновы—простое украшение или простые пешки

Не пора ли понять все же, г.г., что партии эс-эров и меньшевиков, *как партии*, ответят перед народом за катастрофу.

«Правда» № 95,
30 июня 1917 г.,
без подписи автора.

Как же это сделать?

«Рабочая Газета» обеспокоена *политическим* смыслом наступления. Один из ее сотрудников упрекает другого даже в том, будто его увертливые фразы, в конце-концов, сводятся к признанию того, что русская революционная армия объективно проливает сейчас кровь не во имя мира без аннексий, а во имя захватных планов союзнической буржуазии («Раб. Газ.» № 93, стр. 2, фельетон, столбец № 1).

Вот этот-то «объективный» смысл наступления не может не беспокоить рабочих масс, идущих еще частью за меньшевиками. А это отражается и на страницах «Раб. Газеты». Не желая идти на открытый разрыв с рабочими, газета пытается связать как-нибудь «наступление» с революционной пролетарской борьбой за мир. Беда же хитроумной редакции заключается в том, что никакой связи, кроме *отрицательной*, установить здесь нельзя

И трудно представить себе зрелище людей, более жалких, более запутавшихся, чем эта иочтенная редакция, испугавшаяся тех духов, которых она сама же совместно с с.-р. вызвала.

С одной стороны, «Раб. Газ.» сообщает, что «теперь на Западе значение русского наступления воспринимается совершенно ложно. Английские и французские буржуазные газеты видят в нем отказ от «утопических» планов Совета. Шовинистические резолюции проводятся под флагом приветствия Керенскому и наступающей революционной армии. И под гром военных барабанов по поводу русского наступления усиливаются гонения на единомышленников русской демократии, признающих одну из последней платформу мира».

Очень ценное признание! Особенно, когда оно идет со страниц министерской газеты, еще вчера считавшей наши предска-

ния этих *неизбежных* последствий наступления результатом большевистской злонамеренности. Оказывается, дело не в нашей «злонамеренности», а в том, что политика, усвоенная вождями Совета, имеет свою *логику* и что эта логика ведет к усилению во вне и внутри России *анти-революционных сил*.

Вот этот-то неприятный факт «Рабочая Газета» и хотела бы как-нибудь смазать. И средства, предложенные редакцией, очень просты: «срочно необходимо выступление Центр. Исполн. Ком. Съезда С. Р. и С. Д. вместе с Советом Крест. Депутатов с определенным и категорическим заявлением о том, что цели войны остаются для русской демократии те же, что и раньше» и т. д. и т. д. Видите, как решительно борются меньшевики с империалистской войной: они готовы сделать еще одно срочное, категорическое заявление. Сколько их уже было этих самых «срочных», самых «категорических», самых «страстных» заявлений. И сколько же раз придется повторять эти самые категорические заявления в наискорейшем порядке, чтобы словами хоть чуть чуть смягчить *дела* того правительства, которое министерская «Рабочая Газета» всецело поддерживает?

Нет, господа, самыми «категорическими» словами, декларациями и нотами вы не ослабите тех фактов, о которых сами общаете. Этим фактам можно противопоставить лишь *дела*, которые *в действительности* знаменовали бы разрыв с политикой продолжения *империалистской* войны. Правительство Львова—Терещенки—Шингарева—Керенского—Церетели этого сделать не может. Оно может лишь своей трусливой, жалкой политикой относительно Финляндии и Украины подтвердить свою полную неспособность осуществить самые «категорические» заявления о «без аннексий» и о «праве» самоопределения. А при этих условиях все эти обещанные декларации будут символом, обращаемым для оглушения масс. Оглушения масс звучными декларациями, а не «пролетарская борьба за мир»—вот программа «Рабочей Газеты», вот ее действительный ответ на рост анти-революционных сил в связи с наступлением.

«Правда» № 95,
30 июня 1917 г.,
без подписи автора

О войне.

(Речь т. Ленина на Съезде Советов).

Товарищи, позвольте мне для вступления к разбору вопроса о войне напомнить два места из воззвания для всех стран, опубликованного 14 марта Петроградским С. Р. и С. Д.¹⁶²). «Наступила пора,—говорилось в этом воззвании,—начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран, наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Другое место обращения—к пролетариям австро-германской коалиции, где говорится: «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров». Вот эти два места, которые повторены в различных формулировках в десятках, сотнях, я даже думаю, в тысячах резолюций рабочих и крестьян России. Эти два места, по моему убеждению, показывают лучше всего то противоречивое, неудержимо запутанное положение, в которое благодаря тепершней политике меньшевиков и народников революционные рабочие и крестьяне попали. С одной стороны, они за поддержку войны, с другой стороны, они принадлежат к представителям классов, которые не заинтересованы в захватных стремлениях правительств всех стран, и они не могут этого не сказать. Эта психология и идеология, как бы она ни была смутна, почти у всякого рабочего и крестьянина заложена необыкновенно глубоко. Это—сознание того, что война ведется из-за захватных стремлений правительств всех стран. Но рядом с этим в высшей степени неясно понимание, или даже есть непонимание того, что правительство, какой бы формы правления оно ни было, выражает интересы определенных классов, что поэтому противопоставлять правительство и народ, как это делает первая приведенная мною цитата, есть величайшая теоретическая путаница, есть величайшая политическая беспомощность, есть осуждение самих себя и всей своей политики на самое шаткое, неустойчивое положение и поведение. И точно так же заключительные слова второй цитаты, которую я прочел, это превосходное обращение: «откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров» великолепно, по только и своих собственных, потому что если вы, русские рабочие и крестьяне, обратитесь к рабочим и крестьянам Австрии и Германии, правительства которых и правящие классы которых ведут такую же разбойничью и грабительскую войну, как русские

капиталисты и банкиры, как английские и французские,—если вы говорите: «откажитесь служить орудием в руках ваших банкиров», а собственных банкиров пускаете в министерство и сажаете с социалистами министрами, вы превращаете все свои воззвания в ничто, всю свою политику на деле опровергаете. На деле как будто не было ваших превосходных стремлений или желаний, ибо вы помогаете вести со стороны России ту же самую империалистическую войну, ту же самую захватную войну. Вы приходите в противоречие с теми массами, которые вы представляете, потому что эти массы никогда не станут на точку зрения капиталистов, открыто выражаемую Милюковым, Маклаковым и другими, которые говорят: «нет преступнее идеи, что война ведется в интересах капитала». Я не знаю, преступна ли эта идея, но не сомневаюсь, что с точки зрения тех, которые сегодня полусуществуют, а завтра, может быть, существовать не будут, эта идея преступна, но она единственно правильна, она одна выражает наше понимание этой войны, она одна, которая выражает интересы угнетенных классов, как борьбу против угнетателей; и когда мы говорим, что война капиталистическая, захватная, не надо делать иллюзий: тут нет и тени того, будто бы преступления отдельных лиц, отдельных королей, могли вызвать такую войну. Империализм есть определенная ступень в развитии всемирного капитала; капитализм, десятилетия подготовлявшийся, свелся к тому, что небольшая группа гигантски богатых стран—их не более 4-х: Англия, Франция, Германия и Америка—скопили в таком количестве богатства, сотнями миллиардов измеряемые, скопили такую силу в руках крупных банков и крупных капиталистов—их штуки две или полдюжины, максимум, в каждой из этих стран,—в такую гигантскую силу, которая весь мир охватила, которая весь земной шар поделила буквально в смысле территориальном, в смысле колоний. Колонии всех стран встретились между собой во всех странах земного шара, и они перераспределили между собой его и экономически, потому что нет такого куса земли на земном шаре, куда бы не проникли концессии, не проникли нити финансового капитала. Вот—основы аннексий. Аннексии являются не выдумкой, они явились не потому, что люди из любителей свободы внезапно превратились в реакционеров. Аннексии есть не что иное, как политическое выражение и политическая форма того господства гигантских банков, которое вылилось из капитализма неизбежно, ни по чьей вине, потому что акции—вот основа банков, а скопление акций—вот основа империализма. А крупные банки, которые

господствуют над целым миром сотнями миллиардов капитала, и целые отрасли промышленности соединяются с союзами капиталистов и монополистов, вот вам что такое империализм, который расколол весь мир на три группы гигантски богатых хищников.

Во главе одной, первой группы, которая ближе к нам в Европе, стоит Англия, во главе других Германия и Америка, остальные пособники вынуждены помогать, пока капиталистические отношения держатся. Поэтому, если вы ясно представите себе эту суть дела, которую инстинктивно всякий угнетенный человек сознает, которую инстинктивно всякий русский рабочий и крестьянин в громадном большинстве сознает, если ясно вы себе ее представите, то вы поймете, как смехотворны мысли по борьбе против войны словами, манифестами, прокламациями, социалистическими съездами. Они смехотворны потому, что сколько бы таких деклараций вы ни выпускали, сколько бы политических переворотов ни делали—вы свергли Николая Романова в России, до некоторой степени сделались республикой; Россия сделала гигантский шаг вперед, может быть догнала почти сразу Францию, которая при других условиях сто лет взяла на это и осталась страной капиталистической,—банки остаются во всевластии. Остаются капиталисты. Если они потеснились, то они потеснились и в 1905 году, но разве это их подорвало? Если русским это внове, то в Европе каждая революция показывала, что при каждом подъеме революционной волны рабочие добиваются несколько большего, но власть капиталистов остается властью. Борьба с империалистической войной невозможна иначе, как борьба революционных классов против господствующих классов и против этих господствующих классов во всемирном масштабе. Это не помещики вообще, хотя помещики есть в России и они играют в России большую роль, чем где бы то ни было в других странах, но это не тот класс, который создал империализм. Это класс капиталистов, который возглавляется крупнейшими финансовыми магнатами и банками, и пока этот класс, господствующий над угнетенными пролетариями—в союзе с беднейшими крестьянами—полупролетариями, как они называются в нашей программе,—пока этот класс не свергли, выхода из этой войны нет. И питать такие иллюзии насчет того, что вы можете прокламациями, обращениями к другим народам соединить трудящихся всех стран, можно только с ограниченной русской точки зрения, не знающей того, как западно-европейская пресса, где рабочие и крестьяне привыкли к политическим переворотам, видели их

десятки, как она смеется над подобными фразами и обращениями. Они не знают, что в России действительно поднялась масса рабочих, которые абсолютно в своей массе искренно верят и осуждают захватные стремления всех стран и желают освобождения народов от банкиров. Но они, европейцы, не понимают, что пока вы не освободились от своих собственных банкиров, что пока вы, имеющие такие организации, которых ни один народ в мире не имеет, как Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов, которые вооружены, что вы посылаете своих социалистов в министры. Вы все-таки отдаете власть этим банкирам. За границей вас обвиняют не только в наивности, это бы еще ничего, но и в лицемерии—европейцы разучились понимать наивность в политике, разучились понимать, что в России есть десятки миллионов людей, которые в первый раз просыпаются в жизни, что в России не знают, что такое связь классов с правительством, что такое связь правительства с войной. Война есть продолжение буржуазной политики и ничего больше. Класс, который господствует, определяет политику и в войне. Война насквозь есть политика, продолжение осуществления этими классами тех же целей другим путем. Поэтому, когда вы пишете в ваших воззваниях рабочих и крестьян: «свергайте ваших банкиров»,—над вами всякий сознательный рабочий в европейской стране либо смеется, либо с горечью плачет и говорит себе: «что мы можем поделать, если там свергли полудикого идиота и изверга монарха, каких мы убрали давно,—в этом все наше преступление, и теперь поддерживают со своими «иючти-социалистами» министрами русских банкиров!»).

Банкиры остаются у власти, ведут внешнюю политику путем империалистической войны, продолжающей целиком те договоры, которые заключены в России Николаем II. У нас это особенно наглядно. Все основы русской внешней империалистической политики predeterminedены не теперешними капиталистами, а прежним правительством, с Николаем Романовым, которого мы свергли. Он эти договоры заключил, они остаются тайными, капиталисты не могут их опубликовать, потому что они капиталисты. Но ни один рабочий и крестьянин этой путаницы понять не может, потому что он себе говорит: если мы приглашаем свергать капиталистов в других странах, тогда прежде всего долой банкиров наших, иначе никто нам не поверит и никто нас не возьмет в серьез, о нас скажут—вы наивные русские дикари, которые пишете слова, превосходные сами по себе, но не имеющие практи-

ческого содержания, или подумают, еще хуже, что вы лицемеры. Такие вещи вы можете встретить в заграничной печати, если бы она свободно всех оттенков проходила в Россию через границу, а не задерживалась в Торнео английскими и французскими властями. Из одного подбора цитат заграничных газет, вы убедились бы, в какое вопиющее противоречие вы попадаете, убедились бы, как невероятно смешна и ошибочна эта идея против этой войны бороться социалистическими конференциями, соглашениями с социалистами на съездах. Если бы империализм был виной или преступлением отдельных лиц, тогда социализм мог бы остаться социализмом. Империализм есть последняя ступень в развитии капитализма, когда он дошел до того, что поделил весь мир между собой, и в мертвой схватке схватились две гигантские группы. Либо служи одной, либо другой, либо свергай обе эти группы, никакого иного пути тут нет. Когда вы отговариваетесь от сепаратного мира тем, что мы де не хотим служить немецкому империализму—это совершенно верно, поэтому и мы против сепаратного мира. Но вы, фактически, помимо вашего желания, продолжаете служить англо-французскому империализму с такими же захватными, грабительскими стремлениями, которые и русскими капиталистами при помощи Николая Романова претворены в договоры. Мы не знаем текста этих договоров, но каждый, кто следил за политической литературой, кто хотя одну книжку просмотрел об экономике и дипломатии, тот знает содержание этих договоров. Да и Миллюков, насколько я помню, в своих книгах писал об этих договорах и обещаниях, что они ограбят Галицию, ограбят проливы, Армению, сохранят старые аннексии и получают кучу других. Это все знают и их продолжают скрывать, а нам говорят, если вы отмените это—это значит разрыв с союзниками.

По вопросу о сепаратном мире я уже сказал, что сепаратного мира для нас не может быть и по резолюции нашей партии нет и тени сомнения, что мы его отвергаем, как всякое соглашение с капиталистами. Для нас сепаратный мир является соглашением с немецкими разбойниками, потому что они грабят так же, как и другие. Но такой же сепаратный мир есть соглашение с русским капиталом в русском Временном Правительстве. Их договоры остались, они также грабят и душат другие народы. Когда говорят: «мир без аннексий и контрибуций», как всякий русский рабочий и крестьянин должен говорить, потому что жизнь его этому учит, потому что он не заинтересован в банковских прибылях, потому

что он хочет жить, я им отвечаю, что в этом лозунге ваши вожди и теперешнего Совета Р. и С. Д. из партий народников и меньшевиков запутались. Они в своих «Известиях» сказали, что это значит *status quo*, т.-е. довоенное положение—вернись к тому, что было до войны. Разве это не капиталистический мир? И притом какой капиталистический мир! Если вы выдвигаете такой лозунг, знайте, что ход событий может поставить партию к власти. Во время революции это возможно, вы должны будете делать то, что вы говорите, а если вы предложите мир без аннексий сейчас, то его примут немцы и не примут англичане, потому что английские капиталисты ни одной пяди земли не потеряли, а во всех концах мира награбили. Немцы многое награбили, но многое и потеряли, и не только много потеряли, но получили перед собой Америку, самого гигантского врага. Если вы, предлагающие мир без аннексий, понимаете под ним *status quo*, вы скатываетесь к тому, что из вашего предложения выходит сепаратный мир с капиталистами, потому что если вы предложите это, то немецкие капиталисты, видя перед собою Америку и Италию, с которыми прежде заключали договоры, скажут: «Да, мы примем этот мир без аннексий. Он для нас не есть поражение, он для нас победа против Америки и Италии». Вы объективно скатываетесь к тому сепаратному миру с капиталистами, в котором вы нас обвиняете, потому что вы не рвете принципиально в своей политике, на деле, в своих практических шагах, с теми банкирами, как выразителями империалистского господства во всем мире, которых во Вр. Правительстве вы и ваши «социалистические» министры поддерживаете.

Этим вы создаете себе то противоречивое и шаткое положение, при котором массы не так вас понимают. Массы, не заинтересованные в аннексиях, говорят: «Мы не хотим воевать ни из-за каких капиталистов». Когда нам говорят, что подобного рода политика может быть прекращена съездами и соглашениями социалистов всех других стран, то мы говорим: «Будь империализм делом отдельных преступников—пожалуй; но империализм есть развитие мирового капитализма, с которым связано рабочее движение».

Победа империализма есть начало неизбежного, неминуемого во всех странах раскола социалистов на два лагеря. Кто теперь продолжает говорить о социалистах, как о чем-то целом, как о чем-то таком, что может быть целым, тот обманывает себя и других. Весь ход войны, все два с половиной года войны вызывали этот раскол—с тех пор, как Базельский манифест, который был

подписан единогласно, сказал, что эта война на почве империалистского капитализма. В нем, в Базельском манифесте, нет ни одного слова «о защите отечества». Нельзя было иной манифест написать перед войной,—как теперь ни один социалист не предложит написать манифест о «защите отечества» в войне между Японией и Америкой, когда не своей шкуры касается, не своих капиталистов и не своих министров. Напишите резолюцию для международных съездов! Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна, тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно! Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны. О «защите отечества» с обеих сторон будут говорить; это будет или преступно или это будет страшной слабостью, вызванной «защитой» интересов наших врагов-капиталистов. Вот почему мы говорим, что социализм раскололся бесповоротно. Социалисты ушли целиком от социализма, именно кто перешел на сторону своего правительства или своих банкиров, своих капиталистов, как бы от них ни отговаривались, как бы их ни осуждали. Дело не в осуждении. Но подчас осуждение того, что немцы поддерживают своих капиталистов, прикрывает защиту того же «греха» со стороны русских! Если вы обвиняете немецких социал-шовинистов, т.-е. людей, которые на словах социалисты—может быть, многие из них в душе социалисты,—а на деле шовинисты, на деле защищают не немецкий народ, а защищают грязных, корыстных и разбойных немецких капиталистов, то не защищайте капиталистов английских и французских и русских. Немецкие социал-шовинисты не хуже тех, которые в нашем министерстве продолжают ту же политику тайных договоров, грабежа, и прикрывают это добрыми невинными пожеланиями, в которых много доброго, в которых, с точки зрения масс, я признаю абсолютнейшую искренность, но в которых я не признаю и не могу признать ни единого слова политической правды. Это только ваше желание, а война продолжает оставаться такой же империалистской и за те же тайные договоры! Вы другие народы зовете свергать банкиров, но своих поддерживаете! Говоря о мире, вы не сказали, какой мир. Нам по поводу мира на основе status quo никто не ответил, когда мы указали на это вопиющее противоречие. Вы не сможете в вашей резолюции, в которой вы будете говорить о мире без аннексий, сказать, что это не есть status quo. Вы не можете сказать, что это есть status quo, т.-е. восстановление довоенного положения. Значит, что же?

Отнять у Англии немецкие колонии? попробуйте мирными соглашениями! Над вами все будут смеяться. Попробуйте отнять у Японии отграбленные Киао-Чау и острова Тихого океана без революции!

Вы запутались в противоречиях безысходных. А когда мы говорим: «без аннексий», то мы говорим, что для нас этот лозунг есть только подчиненная часть борьбы против всемирного империализма. Мы говорим, что все народы хотим освободить и начать со своих. Вы говорите о войне против аннексий и о мире без аннексий, а в России продолжаете внутри политику аннексий. Это есть нечто неслыханное. Вы и ваше правительство, ваши новые министры на деле продолжаете с Финляндией и Украиной политику аннексий. Вы придираетесь к украинскому съезду, воспрещаете его собрания через ваших министров. Это не есть аннексия? Это— политика, которая представляет надругательство над правами народности, десятки и тысячу лет терпевшей мучения от царей за то, что дети их хотят говорить на родном языке. Это значит бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик. Чтобы этому помешать, рабочие и крестьянские массы воевать не будут. Всякий народ пусть будет освобожден, прежде всего пусть будут освобождены все народности, с которыми вы революцию в России делаете. Без такого шага вы осуждаете себя на то, что вы на словах «революционная демократия», а на деле вся ваша политика контр-революционная.

Внешняя ваша политика антидемократична и контр-революционна, а политика революционная может поставить вас в положение необходимости революционной войны. Но это не обязательно. На этом пункте много останавливались и докладчики и пресса в последнее время. Я очень хотел бы на этом пункте остановиться.

Как же практически представляем мы себе выход из этой войны? Мы говорим: выход из этой войны только в революции. Поддерживайте революцию угнетенных капиталистами классов, свергайте класс капиталистов в своей стране и тем давайте пример другим странам. Только в этом социализм. Только в этом борьба с войной. Все остальное: посулы или фразы или невинные добрые пожелания. Во всех странах мира социализм раскололся. Вы продолжаете путаться, сносясь с теми социалистами, которые поддерживают свое правительство, и забываете, что в Англии и Германии настоящие социалисты, которые выражают социализм

массе, остались в одиночках и сидят в тюрьмах. Но они одни выражают интересы пролетарского движения. Но если бы в России угнетенный класс оказался у власти? Когда нам говорят: как же вы вырветесь в одиночку из войны, то мы отвечаем: вырваться в одиночку нельзя. Каждая резолюция нашей партии, каждая речь нашего митингового оратора говорит, что это бессмыслица, чтобы в одиночку можно было вырваться из этой войны. Сотни миллионов людей, сотни миллиардов капитала запутала эта война. Из нее нет иного способа выйти, как переходом власти к революционному классу, который на деле обязан империализм, т.-е. финансовые, банковые и аннексионистские нити, порвать. Пока этого на деле не сделано,—ничего не сделано. Переворот ограничился тем, что вместо царизма и империализма вы получили почти республику, империалистскую насквозь, которая даже в лице представителей революционных рабочих и крестьян с Финляндией и с Украиной не умеет обойтись демократически, т.-е. не боится разделения.

Когда говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда. Мы говорим, никакого сепаратного мира, ни с какими капиталистами, прежде всего с русскими. А у Временного Правительства есть сепаратный мир с русскими капиталистами. Долой этот сепаратный мир! (Аплод.). Никакого сепаратного мира с немецкими капиталистами мы не признаем и ни в какие переговоры не вступим, но и никакого сепаратного мира с английскими и французскими империалистами. Нам говорят, что порвать с ними значит вступить в соглашение с немецкими империалистами. Неправда, порвать с ними надо немедленно, потому что это союз грабежа. Говорят, что нельзя опубликовать договоры, потому что это было бы предание позору всего нашего правительства, всей нашей политики перед глазами каждого рабочего и каждого крестьянина. Если бы эти договоры опубликовать и ясно сказать на собраниях русским рабочим и русским крестьянам в особенности в каждой захолустной деревушке: вот за что ты воюешь сейчас, из-за проливов, из-за удержания Армении, то всякий скажет: такой войны мы не хотим.

Председатель. Ваше время прошло. (*Голоса: просим*). Ленин просит еще десять минут. (*Голоса: просим*).

Ленин. Я говорю, что неверно это противопоставление: «либо с английскими империалистами, либо с немецкими». Если с немецкими мир, то значит с английскими война, и наоборот. Это противопоставление угодно для тех, кто со своими капиталиста-

ми и банкирами не рвет, с ними какой бы то ни было союз допускает. Это не угодно для нас. Мы говорим о защите нами союза с угнетенным классом, с угнетенными народами.

Оставайтесь верны такому союзу—тогда вы будете революционной демократией. Эта задача не легка. Эта задача не может забывать того, что при известных условиях без революционной войны не обойдемся. Ни один революционный класс зарекаться от революционной войны не может, потому что иначе он осуждает себя на смешной пацифизм. Мы не толстовцы. Если революционный класс возьмет власть, если в его государстве не останется аннексий, если не будет власти у банков и у крупного капитала, что не легко в России, то такой класс будет вести революционную войну не на словах, а на деле. Зарекаться от этой войны нельзя. Это значит впасть в толстовство, в мещанство, забыть всю науку марксизма, опыт всех европейских революций.

Россию не вычеркнешь одной из войны. Но у нее растут гигантские союзники, которые сейчас не верят вам, именно потому, что ваша позиция противоречивая или наивная, именно потому, что вы другим народам советуете: «долгой аннексии», а у себя ее вводите.

Другим народам вы говорите: банкиров свергайте. А своих вы не свергаете. Попробуйте другую политику. Опубликуйте договоры и предайте их позору пред каждым рабочим и крестьянином и на собраниях. Скажите: никакого мира с немецкими капиталистами и полный разрыв с англо-французскими капиталистами. Пусть англичане убираются из Турции и не воюют за Багдад. Пусть они убираются из Индии и Египта. Мы не хотим воевать для того, чтобы были сохранены награбленные добычи, как не приложим ни единого атома своих действий, чтобы немецкие разбойники сохранили свою добычу. Если вы это *сделаете*,—а вы это только говорили,—в политике словам не верят и хорошо делают, что не верят,—если вы не только это скажете, но и сделаете, тогда и те союзники, которые сейчас есть, себя проявят. Взгляните на настроение всякого угнетенного рабочего и крестьянина, они сочувствуют и жалеют, что вы так слабы, что, имея оружие, вы оставляете банкиров. Ваши союзники—угнетенные рабочие всех стран. Будет то, что революция 1905 года показала на деле. Когда она начиналась, она была страшно слаба. А каков ее международный результат? Как из этой политики определялась внешняя политика русской революции, из истории 1905 г.?

Теперь внешнюю политику русской революции вы ведете целиком с капиталистами. А 1905 год показал, какова должна быть внешняя политика русской революции. Этот факт есть тот факт, что после 17 октября 1905 г. в Вене и Праге начались массовые уличные волнения и стройка баррикад. После 1905 года наступил 1908 год в Турции, 1909 г. в Персии и 1910 г. в Китае¹⁶³). Если вы призовете действительно «революционную» демократию, рабочий класс, угнетенных, а не будете соглашаться с капиталистами, то ваши союзники будут—не классы угнетательские, а угнетенные, не народности, в которых сейчас преобладают временно угнетательские классы, а народности, которых сейчас рвут на части. Нам здесь напоминают о немецком фронте, на котором никто из нас не только не предлагал никакого преобразования, кроме свободного распространения наших воззваний, которые написаны с одной стороны на русском языке, с другой на немецком.

Там сказано: капиталисты обеих стран разбойники. Удаление их только шаг к миру. Но есть другие фронты. На турецком фронте есть наша армия, численности которой я не знаю. Положим, что, примерно, там 3 миллиона. Если бы эта армия, которая сейчас держится в Армении и совершает аннексии, которые вы терпите, проповедуя другим народам мир без аннексий, хотя у вас сила и власть, если бы эта армия перешла к этой программе, если бы она сделала из Армении независимую Армянскую республику, и те деньги, которые с нас берут финансисты Англии и Франции, дала им, то было бы лучше.

Говорят, что мы без финансовой поддержки Англии и Франции не обойдемся. Но поддержка эта «поддерживает», как веревка поддерживает повешенного. С того момента, как русский революционный класс скажет: «долой эту поддержку, я не признаю долгов, заключенных с французскими и английскими капиталистами, я призываю к восстанию всех против капиталистов. Никакого мира с немецкими капиталистами и никакого союза с англичанами и французами!». Если эта политика будет вестись на деле, то наша турецкая армия могла бы освободиться и вернуться на другие фронты, потому что все народы Азии увидели бы, что русский народ не на словах только провозглашает мир без аннексий на основе самоопределения наций, а что русский рабочий и крестьянин на деле становится во главе всех угнетенных народностей, что борьба для него с империализмом не пустое пожелание и не парадная министерская фраза, а кровный интерес ре-

волюции. Наше положение таково, что революционная война нам может грозить, но не обязательно состоится, потому что английские империалисты едва ли смогут вести войну против нас, если вы к народам, окружающим всю Россию, обратитесь с вашим деловым примером. Докажите, что вы освобождаете республику армянскую, входите в соглашение с советами рабочих и крестьянских депутатов в каждой стране, что вы за свободную республику, тогда внешняя политика русской революции стала бы на деле революционной, на деле демократической. Она сейчас такова только на словах, на деле она контр-революционная, потому что вы связаны англо-французским империализмом, и не хотите это открыто сказать, боитесь это признать. Лучше бы, если бы вы вместо этого воззвания «свергать чужих банкиров» сказали бы русскому народу, рабочим и крестьянам прямо: «мы слишком слабы, мы не можем свергнуть с себя иго англо-французских империалистов, мы их рабы, поэтому мы воюем». Это было бы горькой правдой, она имела бы революционное значение, она на деле бы подвинула приближение к концу этой грабительской войны. Вот, что в тысячу раз больше значит, чем соглашение с социал-шовинистами французскими и английскими, чем созыв съездов, на которые они пойдут, чем продолжение этой политики, когда вы на деле боитесь порвать с империалистами одной страны, оставаясь союзниками другой. Вы можете, опираясь на угнетенные классы европейских стран, на угнетенные народы стран более слабых, которые Россия душила при царях, которых она душит, как сейчас Армению, опираясь на них, вы можете давать свободу, помогая их рабочим и крестьянским комитетам, вы бы стали во главе всех угнетенных классов, всех угнетенных народов в войне против немецкого и против английского империализма, которые соединиться против вас не могут потому, что они в мертвой схватке друг с другом, они находятся в непоправимо трудном положении, когда внешняя политика русской революции, искренний союз на деле с угнетенными классами, угнетенными народами может иметь успех; 99 шансов из 100, что он успех иметь будет.

Недавно в Московской газете нашей партии мы встретили письмо крестьянина, излагающего нашу программу. Я позволю себе свою речь закончить краткой цитатой из этого письма, выражающего, как крестьянин понял нашу программу. Это письмо приведено в 59 № Московской газеты нашей партии «С.п.-Д.с.м.»¹⁶¹⁾ и перепечатано в № 68 «Правды»: «Нужно побольше напирать на

буржуазию, чтобы она попалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет». (Апплодисменты).

«Правда» №№ 95, 96 и 97,
30 июля, 1 и 2 июля 1917 г.

Как и почему крестьян обманули?

Известно, что когда крестьянские депутаты всей России съехались в Петроград на Всероссийский Совет Кр. Деп., крестьянам обещали—обещали социалисты-революционеры, обещало правительство—немедленно запретить куплю-продажу земель.

Министр Переверзев сначала было действительно хотел выполнить обещание и телеграммой приостановил сделки по купле-продаже земли. Но затем чья-то невидимая рука вмешалась в дело, и министр Переверзев взял назад свою телеграмму нотариусам, т.-е. снова разрешил сделки купли-продажи земли.

Крестьяне обеспокоились. Если мы не ошибаемся, они послали даже, кажется, особую делегацию в министерство.

Крестьян успокоили, крестьян уговорили, как уговаривают малых детей. Их уверили, что немедленно будет издан *закон*, запрещающий куплю-продажу земли, что *только* в целях издания такого закона временное распоряжение Переверзева было «отложено».

Социалисты-революционеры успокоили крестьян, накормили их обещаниями. Крестьяне поверили. Крестьяне успокоились. Крестьяне разъехались.

Проходили неделя за неделей.

24-го июня (только 24-го июня) появляется в газетах известие, что министр Чернов, вождь партии социалистов-революционеров, внес в правительство законопроект (только еще законопроект) о запрещении сделок купли-продажи земли.

29-го июня газеты опубликовали сообщение о «частном совещании» Г. Думы, состоявшемся 28-го июня. В этом совещании г. Родзянко, по сообщению газеты «Речь» (газеты, принадлежащей той партии, которая имеет большинство во Вр. Правительстве):

«В заключительном слове остановился на вопросе о сделках с землею в связи с новыми» (о да, чрезвычайно новыми! в высшей степени новыми!) «мероприятиями правительства. Он доказывает, что, если сделки на землю будут воспрещены, то земля потеряет ценность» (для кого? для помещиков, очевидно!! Но, ведь,

от помещиков-то крестьяне и хотят отобрать землю!), «будет обеспечено обеспечение кредита, и землевладельцам (бывшим землевладельцам, г. Родзянко!) ¹⁶⁵⁾ будет закрыт всякий кредит... Из каких же средств,—спрашивает М. В. Родзянко,—землевладение будет уплачивать свои долги банкам? В большинстве случаев сроки уже пропущены, и такой законопроект приведет к немедленной ликвидации земельной собственности, на законном основании, без торгов».

«В виду этого М. В. Родзянко предложил совещанию поручить Врем. Комитету обсудить вопрос, чтобы *попытаться предотвратить введение закона*, гибельного не для частного землевладения, а для государства».

Вот когда «невидимая рука» показалась на свет божий! Вот она, «хитрая механика» коалиционного правительства, с почти-социалистическими министрами, разоблаченная проболтавшимся бывшим председателем бывшей Г. Думы, бывшим помещиком, бывшим доверенным Столыпина-Вешателя ¹⁶⁶⁾, бывшим укрывателем провокатора Малиновского — господином Родзянкой!

Допустим даже, что теперь, когда этот господин Родзянко так неловко проговорился, закон о запрещении сделок купли-продажи земли издадут наконец. Наконец!

Но ведь дело не только в этом. Дело в том, чтобы на этом ярком примере понять всем нам и помочь понять массам крестьян, *как и почему крестьян обманули*. Ибо этот факт остается непрекаемым и безусловным фактом: крестьян обманули, *не исполнив немедленно того, что им на Всеросс. Совете Крест. Депутатов обещали исполнить немедленно*.

Как обманули крестьян? Накормив их обещаниями. В этом и состоит «хитрая механика» всех коалиционных министерств на свете, т.-е. буржуазных министерств с участием изменников социализма. Бывшие социалисты служат в этих министерствах—все равно, сознают ли они это или нет,—орудием обмана масс капиталистами.

Почему обманули крестьян? Потому, что орудия обмана, социалисты-революционеры—берем лучшее для них предположение,—*сами не понимали хитрой* механики классового господства и классовой политики в современном управлении России. Соц.-революционеры дали себя увлечь фразой. А на деле, как это подтвердил «случай» с Родзянко самым наглядным образом, на деле правит Россией блок двух блоков, союз двух союзов

Один блок есть блок кадетов с монархистами-помещиками, от них же первый есть г. Родзянко. Этот блок подтвержден, как политический факт, перед всей Россией, тем, что на выборах в Питере *все* газеты черной сотни, *все* газеты, правее кадетов, поддерживали кадетов. Этот блок имеет *большинство* в правительстве, по вине эс-эров и меньшевиков. Это блок оттягивал *запрещение* сделок, купли-продажи земель, этот блок поддерживает помещиков, *капиталистов-локаутчиков*.

Другой блок есть блок эс-эров и меньшевиков, обманувший народ пустыми обещаниями. Скобелев и Церетели, Пешехонов и Чернов обещаний надавали тьму. Обещания давать легко. Прием «социалистических» министров кормить народ обещаниями испытан во *всех* передовых странах мира и везде привел к краху. Особенность России состоит в том, что этот крах партии эс-эров и меньшевиков будет острее и наступит скорее обычного вследствие революционного положения страны.

Пусть же каждый рабочий и каждый солдат на этом, особенно поучительном для крестьян, примере хорошенечко разъяснит крестьянам, *как и почему их обманули!*

Не в блоке (союзе) с капиталистами, а только в союзе с рабочими смогут крестьяне добиться своих целей.

«Правда» № 96.

1 июля 1917 г.

без подписи автора.

I часть XIV тома подготовлена к печати
К. П. Новицким и Н. Н. Овсянниковым,
под редакцией Л. Б. Каменева.

Примечания к 1-й части (1—166) помещены
во 2-й части XIV тома.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Первый этап первой революции. (Письмо издалека.)	5
Как мы доехали	13
Два мира	16
О задачах пролетариата в данной революции	17
Луиблановщина	21
О двоевластии	24
Письмо о тактике	26
Задачи пролетариата в нашей революции. (Проект платформы пролетарской партии.)	37
Политические партии в России и задачи пролетариата	64
Бесстыдная ложь капиталистов	73
Речь к солдатам	74
Война и Временное Правительство	76
По стопам «Русской Воли»	78
Союз лжи	80
Банки и министры	83
Граждане! Поймите, в чем состоят приемы капиталистов всех стран . .	—
Честный голос в хоре клеветников	86
Солдаты и земля	87
Съезд крестьянских депутатов	88
Наши взгляды	90
Как они себя привизали к капиталистам?	94
О пролетарской милиции	96
Крах?	99
Один из коренных вопросов	100
Нота Временного Правительства	103
Добросовестное оборончество показывает себя	105
Безумные капиталисты или недоумки социал-демократии?	107
Урок кризиса	108
Как запутывают ясный вопрос?	111
Что понимают под «позорсм» капиталисты и что—пролетарии? . . .	113
Неумное злорадство	115
Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы	116
Резолюция о войне, принятая на конференции Р. С.-Д. Р. II. . . .	121
Резолюция о земельном вопросе, принятая на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. II. (больш.) 24—29 апреля 1917 г.	124
К чему ведут контр-революционные шаги Временного Правительства.	127

	<i>Стр.</i>
Значение братания	130
И. Г. Церетели и классовая борьба	132
«Кризис власти»	135
Финляндия и Россия	137
Печальный документ	140
Защита империализма, прикрытая добренькими фразами	143
Запугивание народа буржуазными страхами.	145
Позабыли главное	147
Накануне.	150
Наша роль новорожденному... «новому» правительству	151
Открытое письмо к делегатам Первого Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов.	153
Речь, произнесенная 22 мая 1917 г. на первом Всероссийском Съезде Крестьянских Депутатов	156
Проект резолюции по аграрному вопросу	174
Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против капитала?	175
О твердой революционной власти	177
Идут на перерез	179
«Фактическое перемирие»	181
Один из тайных договоров.	183
Ничего не изменилось	185
Печальное отступление от демократизма.	186
Какие заявления делала наша партия о войне перед революцией	188
Грозит разруха.	189
Презренные приемы	191
Неминуемая катастрофа и безмерные обещания	193
Каша в головах. (Еще об аннексиях.)	198
К вопросу о объединении интернационалистов	200
Еще одно отступление от демократизма	202
Как запугивают народ капиталисты?	203
О «самочинном захвате» земли. (Плохие доводы «социал-революционеров».)	205
Исчезло ли двоевластие?	208
Партии на выборах в районные думы Петрограда	211
Сделка с капиталистами или низвержение капиталистов (как кончить войну?).	214
Надо разоблачать капиталистов	216
Доклады о разрухе.	217
Черные за кадетов, меньшевики и народники в одном правительстве с кадетами.	220
Переход контр-революции в наступление. (Жкобинцы без народа.)	221
Позорный блок меньшевиков и народников с «Единством»	223
Один принципиальный вопрос. (Забытые слова демократизма.)	225
О вреде фраз	227
Издевательство капиталистов над народом.	229
Оправдание позора.	232
Соломинка в чужом глазу	235

	<i>Стр.</i>
Не демократично, гражданин Керенский!	237
Большевизм и «разложение» армии.	238
Разруха и пролетарская борьба с ней	241
Третьеиюньские зубры за немедленное наступление	243
Есть ли путь к справедливому миру?	245
«Великий отход»	246
О пользе полемики по существу	249
Эпидемия доверчивости	—
Введение социализма или раскрытие казнокрадства	251
Запутавшиеся и запуганные	253
Намски	255
На переломе	256
Противоречивая позиция	257
Украина	259
Речь на Первом Всероссийском Съезде Советов Р. и С. Депутатов.	261
Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки?	271
Украина и поражение правящих партий России	274
Странное извращение цитат	276
Восемнадцатое июня	277
Резолюция, наступление и наша партия	279
Съезд Советов и петербургские рабочие	281
Куда привели революцию эс-эры и меньшевики?	283
Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»?	285
О необходимости основать союз сельских рабочих России	287
Расхлябанная революция	291
Капиталисты за работой	293
Почему нужен контроль над производством?	294
Чудеса революционной энергии	298
Классовый сдвиг	299
Как прячут прибыль господа капиталисты.	301
Кризис надвигается, разруха растет	303
Как же это сделать?	305
О войне. (Речь на Первом Всероссийском Съезде Советов.)	307
Как и почему крестьян обманули?	319

